ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ВЫПУСК XXIII

З. ФРЕЙД

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКИХ НЕВРОЗОВ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Д-ра К. Б. ФЕЛЬЦМАНА (†) и Д-ра М. В. ВУЛЬФА
ПРЕДИСЛОВИЕ
Проф. И. Д. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА
ВЫПУСК XXIII

З. ФРЕЙД

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКИХ НЕВРОЗОВ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Д-РА О. Б. ФЕЛЬЦМАНА (†) И Д-РА М. В. ВУЛЬФА
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ГИЗ № 8160. Окрлит № 4104, Одесса. Напеч. 5000 экз.

3-я Гостипография им. т. Троцкого, ул. Ленина, 49.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий томик исследований З. Фрейда составился из его наиболее значительных работ по психоанализу детских неврозов: из «Анализа фобии пятилетнего мальчика», уже напечатанного в переводе д-ра О. Б. Фельцмана в издательстве «Наука» и из впервые появляющейся в русском переводе «Истории одного детского невроза».

Обе названные работы представляют совершенно исключительный интерес как по разрабатываемой теме, так и по тому, *как* справляется с этой задачей их автор. Тонкий проникновенный анализ детской психики излагается в обеих работах с редким умением, даже с мастерством, при чем Фрейд не только дает нам отчет в том, что удается ему раскрыть путем исследования этих двух случаев психоаналитическим методом, нет, гораздо больше, — он вводит нас в самый процесс своего исследования, приглашает следовать за ним в лабораторию его мыслей, показывает нам не только благополучный и ровный ряд достигнутых успехов, но заинтересовывает процессом, динамикой своих исканий, сомнений, среди которых мало-по-малу вырисовывается и делается четким правильный путь постижений. С несравненным умением и искренностью делясь своими затруднениями, Фрейд не останавливается на том, что кажется только вероятным, а добивается всегда и прежде всего того, что соответствует действительному положению вещей. Сколько вероятного в науке долгое время принимается за правильное благодаря инертности человеческого мышления! В своих работах Фрейд является великим учителем, не только делящимся с читателем своими знаниями тем, что ему известно, нет — он делает больше: он приучает к строго научному и критическому мышлению.

О том, как труден и тяжел путь к познанию механизмов человеческой психики, об этом лучше всего может сказать тот, кто по-

добно Фрейду, с таким упорством и стойкостью потрудился над этими вопросами. В этом смысле сопоставление двух работ по изучению неврозов детского возраста, работ, разделенных большим промежутком времени, знакомит нас еще, кроме того, и с теми успехами, которые сделал психоаналитический метод в выяснении основных его положений. Вторая работа этого сборника примыкает к статье Фрейда—«Очерк истории психоанализа», помещенной в III выпуске этой библиотеки.

Несмотря на существенное различие двух работ — о «маленьком Гансе» и о больном — нашем соотечественнике, в них есть то общее, что делает их неисчерпаемым источником, стимулирующим к наблюдениям, соображениям, пониманиям. Помимо строго проведенного анализа, Фрейд на всем пути обеих работ роняет бесчисленное количество драгоценнейших замечаний и наблюдений над детской жизнью, учит нас видеть многое из того, что мы, может быть, даже видели, но рассеянно, не умея или не желая задуматься над нашими наблюдениями. Таким образом Фрейд, все время оставаясь в своих работах осторожным, критическим исследователем, все время возвращаясь к первоисточнику всяких знаний о ребенке — к самому ребенку, к самим фактам, а не к своим даже «удачным» соображениям, учит нас строго клиническому исследованию. Фрейд не раз указывает нам с полной откровенностью, что как ни соблазнительно и ни приятно иной раз приписать тем или иным явлениям свое понимание, — явления, исследуемый случай, если опираться и обращаться к ним, приводят нас всегда по пути к настоящей, а не желательной для нас зависимости. Такой путь настойчиво и упорно проводит через свои работы Фрейд, и этим, может быть, объясняется его нередко резкий тон по отношению к исследователям, которые стремятся удовлетвориться тем, чтобы поскорее придумать вероятное объяснение тому, что требует продолжительных и больших усилий ума для своего разрешения.

Немало огорчительного высказывалось критикой о маленьком Гансе, в свое время встретившем определенный протест и даже возмущение со стороны благонамеренных немцев, — по весьма понятной причине, обнажения сексуальности, т.-е. той стороны в жизни ребенка, которую особенно избегают замечать и тщательно скрывают, объявляя ее нехарактерной для него и даже ненормальной. Чего только не говорилось и об авторе этой работы и о «несчастном» Гансе, с которым велись такие, якобы губительные для него беседы, — в результате предсказывали от того самые тяжелые последствия. Но высказанным тогда опасениям, как мы теперь знаем, не суждено было подтвердиться — «лечение» не принесло вреда маленькому пациенту. Теперь этот пациент вырос, ему уже больше 20 лет, и Фрейду удалось снова увидеть Ганса — психически он совершенно здоровый молодой человек, деятельный и неглупый [1]). Ни о подробностях своего лечения, ни о своей фобии он ничего не помнит. Таким образом проведенный в детстве анализ предохранил Ганса от заболевания неврозом в более позднем возрасте; совсем иную картину мы имеем в другом случае, где напротив, в детстве не было предпринято никакого лечения, и, больной молодой человек, болевший в детстве, снова заболевает неврозом, как это и утверждает Фрейд, находя в детском заболевании причину заболевания взрослого.

Эту вторую работу Фрейда — «Из истории одного детского невроза» (вышедшую недавно в новом издании) — Блейлер в новейшей рецензии оценивает выше всех похвал. Случай касается очень сложного и продолжительного исследования и лечения нашего соотечественника, с 5 до 8-летнего возраста страдавшего неврозом в форме фобии животных и невроза навязчивости. Из громадного материала, добытого во время многолетнего лечения, Фрейд в настоящей работе трактует только тот материал, который имеет отношение к детскому заболеванию, и еще раз убеждается в том, какое громадное значение в формировании невроза имеет участие либидинозных влечений.

История болезни С. П. (инициалы больного) знакомит нас с целым рядом в высокой степени важных для педагога, психотерапевта и психиатра проявлений в освещении их психоанализом. Такие вопросы, которые стоят перед всяким педагогом и воспитателем, как вопрос о детском онанизме, о страшных сновидениях, о фобиях животных, об агрессивности детей, об амбивалентности чувств, о типических проявлениях и особенностях детского мышления, восприятия и поведения в связи с психическим ростом, развитием и задержками в развитии ребенка, — все это представляет громадный интерес для всякого, кто хотел бы ближе изучить ребенка — как здорового, так и невротического. Какое неизгладимое впечатление производит на формирование невроза окружающая среда, ее особенности, раннее пробуждение и задержки в развитии

---

[1]) См. Internat. Z. f. PsA. 1922. Стр. 321.

либидинозных влечений,— об этом многое и убедительное скажет нам предлежащая книга.

Среди других работ о детской психике, об особенностях ее, о целом мире интересов, которых и до сих пор не желает признавать в ребенке большинство психологов, о таких вредностях, которые в дальнейшем, слагаясь в определенные образования, дают нам невротика, — о том, как научиться больше видеть и понимать детскую психику, — об этом говорит в пределах поставленной, как будто бы, на первый взгляд очень скромной задачи, настоящая книга. Примем же, но с такой же осторожностью и критикой, какими пользуется ее великий автор, его наблюдения и соображения, и пусть они послужат нам первой ласточкой попыток к тем профилактическим мерам, которые в деле борьбы с неврозами, как с настоящим социальным бедствием, необходимо будет выработать для оздоровления новых поколений.

В этом деле социальной профилактики неврозов и психоанализ имеет сказать свое веское, продуманное, нужное слово.

Ив. Ермаков.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

АНАЛИЗ ФОБИИ ПЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА [1]).

(ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОГО СТРАХА).

I. ВВЕДЕНИЕ.

Болезнь и излечение весьма юного пациента, о которых я буду говорить в настоящей статье, строго говоря, наблюдались не мной. Хотя в общем я и руководил лечением и даже раз лично принимал участие в разговоре с мальчиком, но самое лечение проводилось отцом ребенка, которому я и приношу свою благодарность за заметки, переданные мне для опубликования. Заслуга отца идет еще дальше; я думаю, что другому лицу вообще не удалось бы побудить ребенка к таким признаниям; без знаний, благодаря которым отец мог истолковывать показания своего пятилетнего сына, нельзя было бы никак обойтись, и технические трудности психоанализа в столь юном возрасте остались бы непреодолимыми. Только совмещение в одном лице родительского и врачебного авторитета, совпадение чувства любви с интересом к науке позволило здесь использовать метод, который в подобных случаях вообще вряд ли мог бы быть применен. Но особенное значение этого наблюдения заключается в следующем. Врач, занимающийся психоанализом взрослого невротика, раскрывающий слой за слоем психические образования, приходит, наконец, к известным предположениям о детской сексуальности, в компонентах которой он видит производительную силу для всех невротических симптомов последующей жизни. Я изложил эти предположения в опубликованных мною в 1905 г. трех статьях по теории полового влечения. И я знаю, что для незнакомого с психоанализом они покажутся настолько же чуждыми, насколько для психоаналитика неопровержимыми. Но и психоаналитик должен сознаться в своем желании

[1]) Перевод доктора О. Б. Фельцмана.

получить более прямым и коротким путем доказательства этих основных положений. Изучить у ребенка его сексуальные побуждения и возникновение у него желаний благодаря их свежести значительно легче, чем у взрослого, где их приходится извлекать из под многочисленных наслоений. Тем более, что, по нашему убеждению, они составляют достояние конституции (предрасположения) всех людей и только у невротика оказываются усиленными или искаженными.

С этой целью я уже давно побуждаю своих друзей и учеников собирать наблюдения над половой жизнью детей, которая обыкновенно по тем или другим причинам остается незамеченной или скрытой. Среди материала, который попадал в мои руки, сведения о маленьком Гансе заняли выдающееся место. Его родители, оба — мои ближайшие приверженцы, решили воспитать своего первенца с минимальным принуждением, какое требуется для сохранения добрых нравов. И так как дитя развилось в веселого, славного и бойкого мальчишку, попытки воспитать его без строгостей, дать ему возможность свободно расти и проявлять себя, очевидно, привели к хорошим результатам. Я воспроизвожу здесь записки отца о маленьком Гансе и, конечно, я всячески воздержусь от искажения наивности и искренности, столь обычных в детской комнате, не обращая внимания на ненужные условности.

Первые сведения о Гансе относятся к тому времени, когда ему еще не было полных трех лет. Уже тогда его различные разговоры и вопросы обнаруживали особенно живой интерес к той части тела, которую он на своем языке обычно называл Wiwimacher. Так, однажды он задал своей матери вопрос:

Ганс: «Мама, у тебя есть Wiwimacher?»

Мать: «Само собой разумеется. Почему ты спрашиваешь?»

Ганс: «Я только подумал».

В этом же возрасте он входит в коровник и видит, как доят корову. «Смотри», говорит он, «из Wiwimacher'а течет молоко».

Уже эти первые наблюдения позволяют ожидать, что многое, если не большая часть из того, что проявляет маленький Ганс, окажется типичным для сексуального развития ребенка. Я уже однажды указывал [1]), что не нужно приходить в ужас, когда встречаешься у женщины с представлением о сосании полового члена. Это непристойное побуждение довольно безобидно по своему

[1]) Отрывок из одного анализа истерии. 1905.

происхождению, так как представление о сосании связано в нем с материнской грудью, при чем вымя коровы занимает соответствующее ему среднее место, ибо по природе это — грудная железа, а по виду и положению своему — penis. Открытие маленького Ганса подтверждает последнюю часть моего предположения.

В то же время его интерес к Wiwimacher'у не исключительно теоретический. Как можно предполагать, у него имеется также стремление прикасаться к своему половому органу. В возрасте $3^1/_2$ лет мать застала его держащим руку на penis'е. Мать грозит ему: «Если ты это будешь делать, я позову д-ра А., и он отрежет тебе твой Wiwimacher. Чем же ты тогда будешь делать wiwi?»

Ганс: «Моим popo».

Тут он отвечает еще без сознания вины, но приобретает при этом «кастрационный комплекс», который так часто можно найти при анализе невротиков, хотя все они против этого протестуют. О значении этого элемента в истории развития ребенка можно было бы сказать много весьма существенного. Кастрационный комплекс оставил заметные следы в мифологии (и не только в греческой). Я уже говорил о его роли в «Толковании сновидений» и в других статьях.

Почти в том же возрасте ($3^1/_2$ года) в Шенбрунне перед клеткой льва он возбужденно и радостно кричит: «Я видел у льва Wiwimacher».

Большую часть того значения, которым пользуются животные — герои мифов и сказок, нужно, вероятно, приписать той откровенности, с которой они показывают любознательному младенцу свои половые органы и их сексуальное функционирование. Сексуальное любопытство нашего Ганса не знает сомнений, оно делает его исследователем и дает ему возможность правильного познавания.

$3^3/_4$ лет он видит на вокзале, как из локомотива выпускается вода. «Смотри, локомотив делает wiwi. А где его Wiwimacher?»

Через минутку он глубокомысленно прибавляет: «У собаки, у лошади есть Wiwimacher, а у стола и стула — нет». Таким образом он установил существенный признак для различия одушевленного от неодушевленного.

Любознательность и сексуальное любопытство, повидимому, тесно связаны между собой. Любопытство Ганса направлено преимущественно на родителей.

Ганс ($3^3/_4$ лет): «Папа, и у тебя есть Wiwimacher?»

Отец: «Да, конечно».

Ганс: «Но я его никогда не видел, когда ты раздевался».

В другой раз он напряженно смотрит на мать, когда та раздевается на ночь. Она спрашивает: «Почему ты так смотришь?»

Ганс: «Я смотрю только, есть ли у тебя тоже Wiwimacher?»

Мать: «Конечно. Разве ты этого не знал?»

Ганс: «Нет, я думал, что так как ты большая, то и Wiwimacher у тебя, как у лошади».

Отметим это ожидание маленького Ганса. Позже оно получит свое значение.

Большое событие в жизни Ганса — рождение маленькой сестры Анны — имело место, когда Гансу было как раз $3\frac{1}{2}$ года (апрель 1903 — октябрь 1906 г.). Его поведение при этом непосредственно отмечено отцом: «В 5 часов утра, при начале родовых болей, постель Ганса переносят в соседнюю комнату. Здесь он в 7 часов просыпается, слышит стоны жены [матери] и спрашивает: «Отчего это мама кашляет?» — И после паузы: «Сегодня, наверно, придет аист».

«Вероятно, ему в последние дни часто говорили, что аист принесет мальчика или девочку, и он совершенно правильно ассоциирует необычные стоны с приходом аиста».

«Позже его приводят на кухню. В передней он видит сумку врача и спрашивает: «Что это такое?» Ему отвечают: «Сумка». Тогда он убежденно заявляет: «Сегодня придет аист». После родов акушерка входит на кухню и заказывает чай. Ганс обращает на это внимание и говорит: «Ага, когда мамочка кашляет, она получает чай». Затем его зовут в комнаты, но он смотрит не на мать, а на сосуды с водой, окрашенной кровью, и с некоторым смущением говорит: «А у меня из Wiwimacher'а никогда кровь не течет».

Все его замечания показывают, что он приводит в связь необычное в окружающей обстановке с прибытием аиста. На все он смотрит с усиленным вниманием и с гримасой недоверия. *Без сомнения, в нем прочно засело первое недоверие по отношению к аисту.*

«Ганс относится весьма ревниво к новому пришельцу, и, когда последнего хвалят, находят красивым и т. д., он тут же презрительно замечает: «А у нее зато нет зубов» [1]). Дело в том, что Ганс, увидев ее в первый раз, был поражен тем обстоятельством, что

[1]) Опять типичное поведение. Другой брат, старший всего на 2 года, при аналогичных обстоятельствах выкрикивал со слезами: «Слишком мала, слишком мала».

она не говорит, и объяснил это отсутствием у нее зубов. Само собой понятно, что в первые дни на него меньше обращали внимания, и он заболел ангиной. В лихорадочном бреду он говорил: «А я не хочу никакой сестрички!»

Приблизительно через полгода ревность его прошла, и он стал нежным, но уверенным в своем превосходстве братом [1]).

«Несколько позже (через неделю) Ганс смотрит, как купают его сестрицу, и замечает: «А Wiwimacher у нее еще мал», и, утешая ее, прибавляет: «Ну, когда она будет расти, он станет больше» [2]).

В этом же возрасте ($3\frac{3}{4}$ года) Ганс в первый раз рассказывает свой сон: «Сегодня, когда я спал, я думал, что я в Гмундене с Марикой».

«Марика — это 13-летняя дочь домохозяина, которая часто играла с ним».

Когда отец в его присутствии рассказывает про этот сон матери, Ганс поправляет его: «Не с Марикой, а совсем один с Марикой».

[1]) Другой мальчик, постарше, при появлении на свет братца говорит: «Пусть его аист назад заберет». Сравните это с тем, что я говорил в «Толковании сновидений» о являющейся в сновидениях смерти дорогих родных.

[2]) К подобному же умозаключению в тех же выражениях пришли другие два мальчика, когда с любопытством в первый раз разглядывали живот своей маленькой сестрички. Можно было бы притти в ужас по поводу этой ранней испорченности детского интеллекта. Почему эти юные исследователи не констатируют того, что видят, а именно, что никакого Wiwimacher'а нет? Для нашего маленького Ганса это понятно. Мы знаем, как при помощи тщательной индукции он установил для себя общее положение, что живое отличается от неживого наличностью Wiwimacher'а; мать поддерживала его в этом убеждении, давая ему утвердительные ответы относительно лиц, уклонившихся от его наблюдения. И теперь он совершенно неспособен отказаться от своего приобретения после наблюдения над маленькой сестрой. Он приходит к заключению, что Wiwimacher имеется и здесь, но он слишком мал, но он будет расти, пока не станет столь же большим, как у лошади.

Для реабилитации нашего маленького Ганса мы сделаем еще больше. Собственно говоря, он поступает не хуже философа Вундтовской школы, который считает сознание никогда не отсутствующим признаком психической жизни, как Ганс считает Wiwimacher неотъемлемым признаком всего живого. Когда философ наталкивается на психические явления, в которых сознание совершенно не участвует, он называет их не бессознательными, а *смутно* сознаваемыми. Wiwimacher еще очень мал! И при этом сравнении преимущество все-таки на стороне нашего маленького Ганса, потому что, как это часто бывает при сексуальных исследованиях детей, за их заблуждениями всегда кроется частица истины. Ведь у маленькой девочки все-таки есть маленький Wiwimacher, который мы называем клитором, но который не растет, а остается недоразвитым.

Здесь нужно отметить следующее: «Летом 1906 г. Ганс находился в Гмундене, где он целые дни возился с детьми домохозяина. Когда мы уехали из Гмундена, мы думали, что для Ганса прощание и переезд в город окажутся тяжелыми. К удивлению, ничего подобного не было. Он, повидимому, радовался перемене и неподобного не было. Он, повидимому, радовался перемене и несколько недель о Гмундене говорил очень мало. Только через несколько недель у него начали появляться довольно живые воспоминания о времени, проведенном в Гмундене. Уже 4 недели, как он перерабатывает эти воспоминания в фантазии. В своих фантазиях он играет с детьми Олей, Бертой и Фрицом, разговаривает с ними, как будто они находятся тут же, и способен развлекаться таким образом целыми часами. Теперь, когда у него появилась сестра, его, повидимому, занимает проблема появления на свет детей; он называет Берту и Ольгу «своими детьми» и один раз заявляет: «И моих детей Берту и Олю принес анст». Теперешний сон его после 6-месячного отсутствия из Гмундена нужно, повидимому, понимать как выражение желания поехать в Гмунден».

Так пишет отец; я тут уже отмечу, что Ганс своим последним заявлением о «своих детях», которых ему будто бы принес анст, громко противоречит скрытому в нем сомнению.

К счастью, отец отметил здесь кое-что, оказавшееся в будущем необыкновенно ценным.

«Я рисую Гансу, который в последнее время часто бывал в Шенбрунне, жирафа. Он говорит мне: «Нарисуй же и Wiwimacher». — «Пририсуй его сам». Тогда он пририсовывает посредине живота маленькую палочку, которую сейчас же удлиняет, замечая: «Wiwimacher длиннее».

«Я прохожу с Гансом мимо лошади, которая уринирует. Он замечает: «У лошади Wiwimacher внизу, как и у меня».

«Он смотрит, как купается его 3-месячная сестра, и тоном сострадания заявляет: «У нее совсем, совсем маленький Wiwimacher».

«Он раздевает куклу, которую ему подарили, внимательно осматривает ее и говорит: «А у этой совсем маленький Wiwimacher».

Мы уже знаем, что благодаря этой формуле ему удается поддержать правильность своего открытия (ср. стр. 5).

Всякий исследователь находится в опасности иной раз впасть в ошибку. Утешением ему может послужить то обстоятельство, что не он один заблуждается таким образом, а подобно нашему Гансу в нижеследующем примере он может сослаться в свое оправдание

на смешение понятий, имеющееся в разговорном языке. Так, он видит в своей книжке обезьяну, показывает на ее закрученный кверху хвост и говорит: «Смотри, папа, Wiwimacher» [1]).

Из-за своего интереса к Wiwimacher'у он выдумал себе совершенно своеобразную игру. В передней помещается клозет и кладовая. С некоторого времени Ганс ходит в эту кладовую и говорит: «Я иду в мой клозет». Однажды я заглядываю туда, чтобы посмотреть, что он там делает. Оказывается, что он обнажает свой penis и говорит: «Я делаю виви», — это означает, что он играет в клозет. Характер игры проявляется не только в том, что он на самом деле не уринирует, но и в том, что вместо того, чтобы итти в клозет, он предпочитает кладовую, которую он называет «своим клозетом».

Мы будем несправедливы к Гансу, если проследим только автоэротические черты его сексуальной жизни. Его отец может нам сообщить свои подробные наблюдения над его любовными проявлениями к другим детям; в проявлениях этих можно констатировать «выбор объекта», как у взрослого. И здесь мы имеем дело с весьма замечательной подвижностью и полигамическими наклонностями.

«Зимою ($3^3/_4$ года) я беру с собою Ганса на каток и знакомлю его там с двумя дочурками моего коллеги в возрасте приблизительно около 10 лет. Ганс присаживается к ним. Они, в сознании своего зрелого возраста, смотрят с презрением на малыша. А он глядит на них с обожанием во взгляде, и, хотя это не производит на них никакого впечатления, он называет их уже «своими девочками»: «Где же мои девочки? Когда же придут мои девочки?» А дома в течение нескольких недель он пристает ко мне с вопросом: «А когда я опять пойду на каток к моим девочкам?»

«5-летний кузен находится в гостях у Ганса (которому теперь 4 года). Ганс много раз обнимает его и однажды при таком нежном объятии говорит: «Как я тебя люблю!»

Это первая, но не последняя черта гомосексуальности, с которой мы встретимся у Ганса. Наш маленький Ганс начинает казаться образцом испорченности!

«Мы переехали на новую квартиру (Гансу 4 года). Из кухни дверь ведет на балкончик, с которого видна находящаяся напротив во дворе квартира. Здесь Ганс открыл девочку 7 — 8 лет.

[1]) На немецком (нелитературном) языке хвост и penis носят одно название. (*Перев.*).

Теперь он, чтобы глядеть на нее, садится на ступеньку, ведущую к балкончику, и остается там часами. Особенно в 4 часа пополудни, когда девочка приходит из школы, его нельзя удержать в комнатах или увести с его наблюдательного поста. Однажды, когда девочка в обычное время не показывается у окна, Ганс начинает волноваться и приставать ко всем с вопросами: «Когда придет девочка? где девочка?» и т. д., а затем, когда она появляется, Ганс счастлив и уже не отводит глаз от ее квартиры. Сила, с которою проявилась эта «любовь на расстоянии», объясняется тем, что у Ганса нет товарищей и подруг. Для нормального развития ребенка, повидимому, необходимо постоянное общение с другими детьми».

«Такое общение выпало на долю Ганса, когда мы на лето ($4^1/_2$ года) переехали в Гмунден. В нашем доме с ним играют дети домохозяина: Франц (12 лет), Фриц (8 лет), Ольга (7 лет) и Берта (5 лет) и, кроме того, дети соседей: Анна (10 лет) и еще две девочки 9 и 7 лет, имен которых я не знаю. Его любимец — Фриц, которого он часто обнимает и уверяет в своей любви. Однажды на вопрос, какая из девочек ему больше всего нравится, он отвечает: «Фриц». В то же время он по отношению к девочкам агрессивен, держится мужчиной, обнимает и целует их, что Берте, например, очень нравится. Вечером, когда Берта выходит из комнаты, Ганс обнимает ее и в самом нежном тоне говорит: «Берта, и милая же ты!» Но это ему не мешает целовать и других девочек и уверять в своей любви. Ему нравится и Марика — 14-летняя дочь домохозяина, которая с ним играет. Вечером, когда его укладывают в постель, он говорит: «Пусть Марика спит со мной». Когда ему указывают, что это невозможно, он говорит: «Тогда пусть она спит с папой или с мамой». Когда ему возражают, что и это невозможно, так как она должна спать у своих родителей, завязывается следующий диалог:

Ганс: «Тогда я пойду спать к Марике».

Мама: «Ты, действительно, хочешь уйти от мамы и спать внизу?»

Ганс: «Но я ведь утром к кофе опять приду наверх».

Мама: «Если ты, действительно, хочешь уйти от папы и мамы, забери свою куртку, штанишки и — с богом!»

«Ганс забирает свои вещи и идет спать к Марике, но его, конечно, возвращают обратно».

За желанием: «пусть Марика спит у нас» скрыто, конечно, другое: пусть Марика, в обществе которой он так охотно бывает, войдет в нашу семью. Но, несомненно, и другое. Так как отец и мать Ганса, хотя и не часто, брали его к себе в кровать, и при лежании с ними у него пробуждались эротические ощущения, то, вероятно, и желание спать с Марикой имеет свой эротический смысл. Для Ганса, как и для всех детей, лежание в постели с отцом или с матерью — источник эротических возбуждений.

Наш Ганс, несмотря на его гомосексуальные наклонности, при расспросах матери ведет себя, как настоящий мужчина.

«И в нижеследующем случае Ганс говорит матери: «Слушай, я ужасно хотел бы один раз поспать с этой девочкой». Этот случай становится весьма забавным, так как Ганс держится, как взрослый влюбленный. В ресторан, где мы обедаем уже несколько дней, приходит хорошенькая 8-летняя девочка, в которую Ганс, конечно, сейчас же влюбляется. Он все время вертится на своем стуле, чтобы одним глазом поглядеть на нее; после обеда он становится около нее, чтобы пококетничать с ней, но жестоко краснеет, если замечает, что за ним наблюдают. Когда взгляд его встречается со взглядом девочки, он стыдливо отворачивается в противоположную сторону. Его поведение, конечно, развлекает всех посетителей ресторана. Каждый день, когда его ведут в ресторан, он спрашивает: «Как ты думаешь, девочка будет там сегодня?» Когда она, наконец, приходит, он краснеет, как взрослый при таких же условиях. Однажды он приходит ко мне сияющий и шепчет мне на ухо: «Слушай, я уже знаю, где живет девочка. Я видел ее там и там, где она подымалась на лестницу». В то время, как у себя он агрессивен по отношению к девочкам, здесь он держится, как платонически вздыхающий поклонник. Быть-может, это связано и с тем, что девочки в доме — деревенские дети, а это — культурная дама. Выше уже было упомянуто, что он высказывал желание спать с этой девочкой».

«Так как я не хочу оставить Ганса в том состоянии душевного напряжения, в котором он находится благодаря любви к девочке, я знакомлю его с ней и приглашаю ее притти к нам в сад к тому времени, когда он выспится после обеда. Ганс в ожидании визита девочки приходит в такое возбуждение, что он в первый раз не может после обеда заснуть и беспокойно вертится в постели. Мать его спрашивает: «Почему ты не спишь? Быть-может, ты думаешь о девочке?» На что Ганс, счастливый, отвечает: «Да». Кроме этого, когда он пришел домой, он всем рассказал: «Сегодня ко мне придет девочка», и все время приставал к Марике: «По-

слушай, как ты думаешь, будет она со мной мила, поцелует она меня, когда я ее поцелую?» и т. п.

«После обеда шел дождь, и посещение не состоялось, а Ганс утешился в игре с Бертой и Ольгой».

Дальнейшие наблюдения, все еще из периода пребывания в деревне, заставляют думать, что у мальчика появляется и кое-что новое.

«Ганс ($4^1/_4$ лет). Сегодня утром мать, как каждый день, купает Ганса и после купания вытирает его и напудривает. Когда мать очень осторожно припудривает penis, чтобы его не коснуться, Ганс говорит: «Почему ты здесь не трогаешь пальцем?»

Мать: «Потому что это свинство».

Ганс: «Что это значит? Свинство? Почему?»

Мать: «Потому что это неприлично».

Ганс (смеясь): «Но приятно» [1]).

Почти в это же время сновидение Ганса по содержанию своему резко отличается от той смелости, которую он обнаружил по отношению к матери. Это первый искаженный до неузнаваемости сон мальчика. Только благодаря проницательности отца удается истолковать его.

«Ганс $4^1/_4$ лет. Сон. Сегодня утром Ганс просыпается и рассказывает: «Слушай, сегодня ночью я думал: Один говорит: кто хочет ко мне прийти? Тогда кто-то говорит: «Я». Тогда он должен его заставить сделать виви».

«Из дальнейших вопросов становится ясно, что в этом сне зрительные впечатления отсутствуют, и он принадлежит к чисто слуховому типу. Несколько дней назад Ганс играл с детьми домохозяина, своими приятельницами Бертой (7 лет) и Ольгой (5 л.), в разные игры и между прочим в фанты (А. «Чей фант в моей руке?» В. «Мой». Тогда В назначают, что он должен сделать). Сон Ганса есть подражание игре в фанты, только Ганс хочет, чтобы тот, кому принадлежит фант, был присужден не к обычным поцелуям или пощечинам, а к уринированию или, точнее говоря, кто-то должен его (Ганса) заставить делать wiwi».

[1]) Про подобную же попытку совращения рассказывала мне одна невропатка-мать, которая не хотела верить в возможность детской мастурбации. Ей пришлось сшить своей маленькой девочке $3^1/_2$ лет панталоны; когда она примеряла их, то, чтобы узнать, не будут ли они ее беспокоить при ходьбе, она провела рукой по внутренней поверхности бедер. Тут девочка вдруг сразу прижала ногами руку и попросила: «Мама, оставь там руку, — это так хорошо».

«Я прошу его еще раз рассказать свой сон; он рассказывает его теми же словами, но вместо «тогда кто-то говорит» произносит: «тогда она говорит». Эта «она», вероятно, Берта или Ольга, с которыми он играл. Следовательно, в переводе сон означает следующее: я играю с девочками в фанты и спрашиваю: кто хочет ко мне прийти? Она (Берта или Ольга) отвечает: «Я». Тогда она должна меня поставить делать wiwi (т.-е. помочь при уринировании, что, повидимому, для Ганса приятно)».

Ясно, что этот процесс, когда Гансу расстегивают штанишки и вынимают его penis, окрашен для него приятным чувством. Во время прогулок эту помощь Гансу оказывает отец, что и дает повод фиксировать гомосексуальную склонность к отцу.

«Два дня назад он, как я уже сообщал, спрашивал мать во время мытья и припудриванья, почему она не прикасается к его penis'у пальцами. Вчера, когда я его отвел в сторонку для уринирования, он впервые попросил меня отвести к задней стороне дома, чтобы никто не мог видеть, и заметил: «В прошлом году, когда я делал wiwi, Берта и Ольга смотрели на меня». Это, по моему мнению, должно означать, что в прошлом году это любопытство девиц было для него приятно, а теперь — нет. Эксгибиционное удовольствие (от обнажения половых органов) теперь подвергается вытеснению. Вытеснение желания, чтобы Берта и Ольга смотрели, как он делает wiwi (или помогали ему при этом), объясняет появление этого желания во сне, которому он придал красивую форму игры в фанты. С этого времени я несколько раз наблюдал, что он хочет делать wiwi незаметно для всех».

Я тут же отмечу, что и этот сон подчиняется закону, который я привел в своем «Толковании сновидений». Разговоры, которые имеют место во сне, происходят от собственных или услышанных разговоров в течение ближайших дней к моменту сна.

Вскоре после переезда в Вену отец фиксирует еще одно наблюдение: «Ганс, $4^1/_2$ лет, еще раз смотрит, как купают его маленькую сестру, и начинает смеяться. Его спрашивают: почему?»

Ганс: «Я смеюсь над Wiwimacher'ом у Анны».

— Почему? «Потому что Wiwimacher у нее такой красивый».

Ответ, конечно, ложный. Wiwimacher ему показался комичным. Но, между прочим, теперь он впервые в такой форме признает разницу между мужским и женским половым органом вместо того, чтобы отрицать ее.

II. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ И АНАЛИЗ.

«Уважаемый г-н профессор! Я посылаю вам опять частицу Ганса, на этот раз, к сожалению, материал для истории болезни. Как вы видите из прочитанного, у Ганса в последние дни развилось нервное расстройство, которое меня с женой беспокоит, так как мы не можем найти средства устранить его. Прошу разрешить мне итти к вам завтра, а пока посылаю вам имеющийся у меня материал в записях.

«Сексуальное возбуждение, вызванное нежностью матери, вероятно, является причиной нервного расстройства, но вызывающего момента я не могу обнаружить. Страх, что его на улице укусит лошадь, быть может, связан с тем, что он был где-нибудь испуган видом большого penis'а. Как вы знаете, он уже раньше заметил большой penis лошади, и тогда он пришел к заключению, что у матери, так как она большая, Wiwimacher должен быть, как у лошади.

«Как взяться за то, чтобы извлечь полезное из этих предположений, я не знаю. Быть может, он где-нибудь видел эксгибициониста? Или все это имеет отношение только к матери?

«Нам весьма неприятно, что он уже теперь начинает нам задавать загадки.

«Если не считать страха выйти на улицу и дурного настроения по вечерам, то Ганс и теперь все такой же бойкий и веселый мальчик».

Не соглашаясь пока ни с вполне понятными опасениями отца, ни с его первыми попытками дать объяснения, попробуем прежде всего разобраться в материале. В нашу задачу вовсе не входит сразу «понять» болезнь. Это может удаться только позже, когда мы получим от нее достаточно впечатлений. Воздержимся пока от окончательного мнения и с одинаковым вниманием отнесемся ко всем данным наблюдения.

Первые сведения, которые относятся к первым числам января 1908 г., гласят:

«Ганс ($4^3/_4$ года) утром входит к матери с плачем и на вопрос, почему он плачет, говорит: «Когда я спал, я думал, что ты ушла, и у меня нет мамы, чтобы ласкаться к ней».

«Итак—тревожный сон. Нечто подобное я уже заметил летом в Гмундене. Вечером в постели он большею частью бывал нежно настроен, и однажды он выразился приблизительно так: «А когда у меня не будет мамы, когда ты уйдешь», или что-то в этом роде, я не могу вспомнить дословно. Когда он приходил в такое элегическое настроение, мать брала его к себе в постель».

«Около 5-го января Ганс пришел утром к матери в постель и по этому поводу рассказал ей следующее: «Ты знаешь, что тетя М. сказала: «А у него славная писка» [1]).

«(Тетка М. 4 недели тому назад жила у нас; однажды, присутствуя при купании мальчика, она действительно и сказала тихо вышеприведенные слова моей жене. Ганс услышал и постарался это использовать)».

«7 января он идет, как обычно, с нянею в городской парк; на улице он начинает плакать и требует, чтобы его вели домой, так как он хочет приласкаться к матери. Дома на вопрос, почему он не хотел итти дальше и плакал, он не хочет дать ответа. Вплоть до вечера он, как обыкновенно, весел, вечером становится, повидимому, тревожен, плачет, и его никак нельзя увести от матери; он опять хочет «ласкаться». Потом он становится весел и ночь спит хорошо».

«8 января жена хочет сама с ним пойти гулять, чтобы видеть, что с ним происходит, и именно в Шенбрунн, куда он обыкновенно охотно ходит. Он опять начинает плакать, не хочет отойти от матери, боится. Наконец, он все-таки идет, но на улице на него находит явный страх. По возвращении из Шенбрунна Ганс после долгого упорства заявляет матери: «Я боялся, что меня укусит лошадь». (Действительно, в Шенбрунне он начал беспокоиться при виде лошади). Вечером у него опять был припадок страха вроде вчерашнего, с требованием материнских ласк. Его успокаивают. Он со слезами говорит: «Я знаю, завтра я должен опять пойти гулять», и затем: «Лошадь придет в комнату».

«В тот же день его спрашивает мать: «Ты, может быть, трогаешь рукою Wiwimacher?» На это он отвечает: «Да, каждый вечер, когда я в кровати». На следующий день, 9 января перед послеобеденным сном его предупреждают не трогать рукой Wiwimacher'а. На соответствующий вопрос после пробуждения он отвечает, что он все-таки на короткое время клал туда руку».

Все это могло быть началом и страха, и фобии. Мы видим, что у нас есть достаточное основание отделить их друг от друга.

[1]) Писка—penis. Нежность по отношению к половым органам детей, выражающаяся в словах и в поступках со стороны нежных родственников, а иногда и самих родителей, составляет обычное явление, которым полны психоанализы.

В общем, материал кажется нам вполне достаточным для ориентировки, и никакой другой момент не является столь благоприятным для понимания, как эта, к сожалению, обычно пропускаемая или замалчиваемая начальная стадия. Расстройство начинается с тревожно-нежных мыслей, а затем с тревожного сна. Содержание последнего: потерять мать, так что к ней нельзя будет ласкаться. Итак, нежность к матери должна быть ненормально повышена. Это — основной феномен болезненного состояния. Вспомним еще обе попытки к совращению, которые Ганс предпринимал по отношению к матери. Первая из них имела место летом, вторая—непосредственно перед появлением боязни улицы и представляла собою просто рекомендацию своего полового органа. Эта повышенная нежность к матери превращается в страх, или, как мы говорим, она подвергается вытеснению. Мы не знаем еще, откуда идет толчок к вытеснению; быть-может, здесь играет роль интенсивность возбуждения, которая не по силам ребенку, быть-может, здесь принимают участие другие силы, о которых мы еще не знаем.

Мы узнаем все это позже. Этот страх, соответствующий вытесненному эротическому влечению, как и всякий детский страх, не имеет объекта; это еще только страх, а не боязнь. Дитя не может знать, чего оно боится, и когда Ганс на прогулке с нянею не хочет сказать, чего он боится, то это потому, что он этого еще не знает. Он говорит то, что знает, что ему на улице нехватает мамы, с которой он мог бы понежничать, и от которой он не хочет уйти. Тут он во всей своей искренности выдает первый смысл своего отвращения к улице.

Кроме этого, его тревожные состояния перед сном, отчетливо окрашенные нежностью, следовавшие одно за другим два вечера под ряд, доказывают, что в начале болезни у него еще не было фобии улиц, прогулок или даже лошадей, в противном случае его вечернее состояние было бы необъяснимо: кто перед тем, как итти спать, думает об улице или прогулке? С другой стороны — весьма легко себе представить, что на него вечером нападает страх потому, что перед тем, как лечь в постель, им с особенной силой овладевает libido, объектом которого является мать, а цель которого — спать у матери. Он уже из опыта знает, что при подобных настроениях в Гмундене мать брала его к себе в постель, и ему хотелось бы добиться этого в Вене. При этом не надо забывать, что в Гмундене он одно время был с матерью один, так как отец не мог там находиться в продолжение всего каникулярного времени

а кроме того, там нежность Ганса была распределена между рядом товарищей, друзей и приятельниц, которых здесь не было, и все libido могло нераздельно направиться на мать.

Итак, страх соответствует вытесненной любовной тоске (Sehnsucht). Но он далеко не эквивалентен этой любовной тоске, и вытеснение тоже кое-чего стоит. Любовная тоска может быть целиком превращена в удовлетворение, когда к нему допускают желаемый объект. При страхе это лечение уже бесполезно. Страх остается даже тогда, когда тоска могла бы быть удовлетворена. Страх уже больше нельзя полностью превратить в libido, которое чем-то удерживается в состоянии вытеснения. Это обнаруживается на первой же прогулке с матерью. Ганс теперь с матерью и все-таки одержим страхом, иначе говоря, неудовлетворенным стремлением к ней. Конечно, страх слабее,— он все-таки гуляет, в то время как няню он заставил вернуться; к тому же улица не совсем подходящее место для ласк и для всего того, чего хочется маленькому влюбленному. Но страх уже выдержал испытание, и теперь он должен найти объект. На этой прогулке он в первый раз высказывает страх, что его укусит лошадь. Откуда взялся материал для этой фобии? Вероятно. из тех еще неизвестных комплексов, которые повели к вытеснению и удержали в вытесненном состоянии libido к матери. Это еще одна загадка данного случая, дальнейшее развитие которой нам придется проследить для того, чтобы найти решение. Некоторые опорные пункты, заслуживающие внимания, дал нам уже отец, а именно—что Ганс с интересом наблюдал лошадей благодаря их большому Wiwimacher'у, что, по его мнению, у матери должен быть такой же Wiwimacher, как у лошадей, и т. п. На основании этого можно было бы думать, что лошадь — это только замена матери. Но почему Ганс высказывает вечером боязнь, что лошадь придет в комнату? Скажут, что это глупая тревожная мысль маленького ребенка. Но невроз, как и сон, не говорит ничего глупого. Мы всегда бранимся тогда, когда ничего не понимаем. Это значит облегчить себе задачу.

От этого искушения мы должны удержаться еще и в другом отношении. Ганс сознавался, что для удовольствия он перед засыпанием каждую ночь возится со своим penis'ом. Ну, скажет практический врач, теперь все ясно. Ребенок онанирует, и отсюда страх. Пусть так! То, что дитя вызывало у себя онанизмом ощущения удовольствия, никак не объясняет нам его страха, и, наоборот, делает последний загадочным. Состояния страха не вызываются ни

онанизмом, ни удовлетворением. При этом мы должны иметь в виду, что наш Ганс, которому теперь $4^3/_4$ года, доставляет себе каждый вечер это удовольствие уже с год, и мы позже узнаем, что он как раз теперь борется с этой привычкой, что уже скорее вяжется с вытеснением и с образованием страха.

Мы должны стать на сторону доброй и, конечно, весьма заботливой матери. Отец обвиняет ее, и не совсем без основания, что она своей преувеличенной нежностью и слишком частой готовностью взять мальчика к себе в кровать вызвала появление невроза; мы могли бы также сделать ей упрек в том, что она ускорила наступление вытеснения своим энергичным отказом в ответ на его домогательства («это — свинство»). Но ее положение затруднительно, и она только исполняет веление судьбы.

Я уславливаюсь с отцом, чтобы тот сказал мальчику, что история с лошадьми — это глупость и больше ничего. На самом деле он болен оттого, что слишком нежен с матерью и хочет, чтобы она его брала к себе в кровать. Он теперь боится лошадей потому, что его так заинтересовал Wiwimacher у лошадей. Он сам заметил, что неправильно так сильно интересоваться Wiwimacher'ом, даже своим собственным, и это совершенно верно. Далее я предложил отцу взяться за сексуальное просвещение Ганса. Так как мы из записей отца знаем, что libido Ганса связано с желанием видеть Wiwimacher матери, то нужно отвлечь его от этой цели, сообщив ему, что у матери и у всех других женщин, как это он уже видел у Анны, Wiwimacher'а вообще не имеется. Последнее объяснение следует дать при удобном случае после какого-нибудь вопроса со стороны Ганса.

Следующие известия, касающиеся нашего маленького Ганса, обнимают период с 1-го до 17-го марта. Месячная пауза вскоре получит свое объяснение.

«После разъяснения [1]) следует более спокойный период, когда Ганса можно ежедневно, без особенного труда вести гулять в городской парк. Его страх пред лошадьми превращается скорее в навязчивое стремление смотреть на лошадей. Он говорит: «Я должен смотреть на лошадей и тогда я их боюсь».

После инфлюэнцы, которая его на 2 недели приковала к постели, фобия его опять настолько усилилась, что его никак нельзя было заставить выйти на улицу; в крайнем случае он выходит на

[1]) Что означает его страх, но еще ничего — о Wiwimacher'е женщин.

балкон. Еженедельно он ездит со мной в Лайнц [1]) по воскресеньям так как в этот день на улице мало экипажей, то ему нужно пройти очень короткое расстояние до станции. В Лайнце он однажды отказывается выйти из сада на улицу гулять, так как перед садом стоит экипаж. Еще через неделю, которую ему пришлось оставаться дома, так как у него вырезали аденоиды, фобия опять усилилась. Он хотя все еще выходит на балкон, но не идет гулять; он быстро возвращается, когда подходит к воротам.

«В воскресенье 1-го марта по дороге на вокзал у меня завязывается с ним следующий разговор. Я опять стараюсь ему объяснить, что лошади не кусаются. Он: «Но белые лошади кусаются. В Гмундене есть белая лошадь, которая кусается. Когда перед ней держат палец, она кусает». (Меня удивляет, что он говорит «палец» (вместо «руку»). Затем он рассказывает следующую историю, которую я здесь передаю более связно.

«Когда Лицци должна была уезжать, перед ее домом стоял экипаж с белой лошадью, чтобы отвести вещи на вокзал (Лицци, как он мне рассказывает, это — девочка, жившая в соседнем доме). Ее отец стоял близко около лошади; лошадь повернула голову (чтобы его тронуть), а он и говорит Лицци: «Не давай пальцев белой лошади, а то она тебя укусит». — Я говорю на это: «Слушай, мне кажется, что то, что ты думаешь, вовсе не лошадь, а Wiwimacher, которого нельзя трогать руками».

Он: «Но ведь Wiwimacher не кусается?»

Я: «Все может быть!» На что он мне весьма оживленно старается доказать, что там, действительно, была белая лошадь [2]).

«2-го марта, когда он опять обнаруживает страх, я говорю ему: «Знаешь, что? Глупость — так называет он фобию — пропадет, если ты будешь чаще ходить гулять. Теперь она так сильна, потому что ты из-за болезни не выходил из дому».

Он: «О, нет, она сильна потому, что я начал каждую ночь трогать рукою свой Wiwimacher».

Врач и пациент, отец и сын сходятся на том, что приписывают отвыканию от онанизма главную роль в патогенезе нынешнего состояния. Но имеются указания и на значение других моментов.

[1]) Предместье Вены, где живут его дедушка и бабушка.

[2]) У отца нет основания сомневаться, что Ганс рассказывает здесь действительное происшествие. Впрочем, при ощущениях зуда в головке члена, заставляющих прикасаться к нему, дети говорят обыкновенно: «Меня кусает».

«3 марта к нам поступила новая прислуга, которая возбудила в Гансе особую симпатию. Так как она при уборке комнат сажает его на себя, он называет ее «моя лошадь» и всегда держит ее за юбку, понукая ее. 10 марта он говорит ей: «Когда вы сделаете то-то и то-то, вы должны будете совершенно раздеться, даже снять рубашку» (он думает, в наказание, но за этими словами легко видеть и желание).

Она: «Ну что же из этого: я подумаю, что у меня нет денег на платье».

Он: «Но это же стыд, ведь все увидят Wiwimacher».

Старое любопытство направлено на новый объект, и, как это бывает в периоды вытеснения, оно прикрывается морализирующей тенденцией!

«Утром 13 марта я говорю Гансу: «Знаешь, когда ты перестанешь трогать свой Wiwimacher, твоя глупость начнет проходить».

Ганс: «Я ведь теперь больше не трогаю Wiwimacher'a».

Я: «Но ты этого всегда хотел бы».

Ганс: «Да, это так, но «хотеть» не значит «делать», а «делать» — это не «хотеть». (!!)

Я: «Для того, чтобы ты не хотел, на тебя сегодня на ночь наденут мешок».

«После этого мы выходим за ворота. Он, хотя еще и испытывает страх, но, благодаря надежде на облегчение своей борьбы, говорит заметно храбрее: «Ну, завтра, когда я получу мешок, глупости больше не будет». На самом деле он пугается лошадей значительно меньше и довольно спокойно пропускает мимо себя проезжающие кареты.

«В следующее воскресенье, 15 марта, Ганс обещал поехать со мной в Лайнц. Сначала он отказывается, наконец, он все-таки идет со мной. На улице, где мало экипажей, он чувствует себя хорошо и говорит: «Это умно, что боженька уже выпустил лошадь». По дороге я объясняю ему, что у его сестры нет такого же Wiwimacher'a, как у него. Девочки и женщины не имеют совсем Wiwimacher'a. У мамы нет, у Анны нет и т. д.

Ганс: «У тебя есть Wiwimacher?»

Я: «Конечно, а ты что думал?»

Ганс (после паузы): «Как же девочки делают wiwi, когда у них нет Wiwimacher'a?».

Я: «У них нет такого Wiwimacher'a, как у тебя, разве ты не видел, когда Анну купали?»

«В продолжение всего дня он весел, катается на санях и т. д. Только к вечеру он становится печальным и, повидимому, опять боится лошадей.

«Вечером нервный припадок и потребность в нежничании выражены слабее, чем в прежние дни. На следующий день мать берет его с собой в город, и на улице он испытывает большой страх. На другой день он остается дома — и очень весел. На следующее утро около 6 часов он входит к нам испуганный. На вопрос, что с ним, он рассказывает: «Я чуть-чуть трогал пальцем Wiwimacher. Потом я видел маму совсем голой в сорочке, и она показала мне свой Wiwimacher. Я показал Грете[1]), моей Грете, что мама делает, и показал ей мой Wiwimacher. Тут я скоро и отнял руку от Wiwimacher'a». На мое замечание, что может быть только одно из двух: или в сорочке, или совершенно голая, Ганс говорит: «Она была в сорочке, но сорочка была такая короткая, что я видел Wiwimacher».

«Все это в целом — не сон, но эквивалентная сну онанистическая фантазия. То, что он заставляет делать мать, служит, повидимому, для его собственного оправдания: раз мама показывает Wiwimacher, можно и мне».

Из этой фантазии мы можем отметить следующее: во-первых, что замечание матери в свое время имело на него сильное влияние, и, во-вторых, что разъяснение об отсутствии у женщин Wiwimacher'a еще не было им принято. Он сожалеет, что на самом деле это так, и в своей фантазии прочно держится за свою точку зрения. Быть-может, у него есть свои основания отказывать отцу в доверии.

Недельный отчет отца: «Уважаемый г-н профессор! Ниже следует продолжение истории нашего Ганса, интереснейший отрывок. Быть-может, я позволю себе посетить вас в понедельник, в приемные часы, и, если удастся, приведу с собой Ганса, конечно, если он пойдет. Сегодня я его спросил: «Хочешь пойти со мной в понедельник к профессору, который у тебя отнимет глупость?»

Он: «Нет».

Я: «Но у него есть очень хорошенькая девочка». После этого он охотно и с удовольствием дает свое согласие.

---

[1]) Грета—одна из девочек в Гмундене, о которой Ганс теперь как раз фантазирует, он разговаривает и играет с ней.

«Воскресенье 22 марта. Чтобы несколько расширить воскресную программу дня, я предлагаю Гансу поехать сначала в Шенбрунн и только оттуда к обеду — в Лайнц. Таким образом, ему приходится не только пройти пешком от квартиры до станции у таможни но еще от станции Гитцинг в Шенбрунн, а оттуда к станции парового трамвая Гитцинг. Все это он и проделывает, при чем он, когда видит лошадей, быстро отворачивается, так как ему делается, повидимому, страшно. Отворачивается он по совету матери.

«В Шенбрунне он проявляет страх перед животными, на которых он до того смотрел без боязни. Так, он ни за что не хочет войти в домик, в котором находится жираф, не хочет войти к слону, который обыкновенно его весьма развлекает. Он боится всех крупных животных, а около маленьких чувствует себя хорошо. Среди птиц на этот раз он боится пеликана, чего раньше никогда не было, вероятно, благодаря его величине.

«Я ему на это говорю: «Знаешь, почему ты боишься больших животных? У больших животных большой Wiwimacher, а ты на самом деле испытываешь страх перед большим Wiwimacher'ом».

Ганс: «Но я ведь никогда не видел Wiwimacher'a у больших животных»[1]).

Я: «У лошади ты видел, а ведь лошадь тоже большое животное».

Ганс: «Да, у лошади — часто. Один раз в Гмундене, когда перед домом стоял экипаж, один раз перед таможней».

Я: «Когда ты был маленьким, ты, вероятно, в Гмундене вошел в конюшню...»

Ганс (прерывая): «Да, каждый день в Гмундене, когда лошади приходили домой, я заходил в конюшню».

Я: «... и ты, вероятно, начал бояться, когда однажды увидел у лошади большой Wiwimacher. Но тебе этого нечего пугаться. У больших животных большой Wiwimacher, у маленьких — маленький».

Ганс: «И у всех людей есть Wiwimacher, и Wiwimacher вырастет вместе со мной, когда я стану больше; ведь он уже вырос».

«На этом разговор прекращается; в следующие дни страх, как будто, опять увеличился. Он не решается выйти за ворота, куда его обыкновенно водят после обеда».

Последние слова утешения Ганса проливают свет на положение вещей и дают нам возможность внести некоторую поправку в утверждения отца. Верно, что он боится больших животных, по-

1) Это неверно. Ср. его восклицание перед клеткой льва: здесь, вероятно, начинающееся забывание вследствие вытеснения.

тому что он должен думать об их большом Wiwimacher'e, но собственно нельзя еще говорить, что он испытывает страх перед самим большим Wiwimacher'ом. Представление о таковом было у него раньше безусловно окрашено чувством удовольствия, и он всячески старался как-нибудь увидеть этот Wiwimacher. С того времени это удовольствие было испорчено обращением удовольствия в неудовольствие, которое, непонятным еще для нас образом, охватило все его сексуальное исследование и, что для нас более ясно, после известного опыта и размышлений привело его к мучительным выводам. Из его самоутешения: Wiwimacher вырастет, когда я вырасту, можно заключить, что он при своих наблюдениях всегда занимался сравнениями и остался весьма неудовлетворенным величиной своего собственного Wiwimacher'a. Об этом дефекте напоминают ему большие животные, которые для него по этой причине неприятны. Но так как весь ход мыслей, вероятно, никак не может стать ясно сознаваемым, то это тягостное ощущение превращается в страх; таким образом, страх его построен как на прежнем удовольствии, так и на теперешнем неудовольствии. После того, как состояние страха уже установилось, страх поглощает все остальные ощущения. Когда процесс вытеснения прогрессирует, когда представления, связанные с аффектом и уже бывшие сознанными, все больше отодвигаются в бессознательное, — все аффекты могут превратиться в страх.

Курьезное замечание Ганса: «он ведь уже вырос», дает нам возможность в связи с его самоутешением угадать многое, что он не может высказать и чего он не высказал при настоящем анализе.

Я заполню этот дефект моими предположениями, составленными на основании анализа взрослых. Но я надеюсь, что мои дополнения не покажутся включенными насильственно и произвольно. «Ведь он уже вырос». Об этом Ганс думает на зло и для самоутешения; но это напоминает нам и старую угрозу матери, что ему отрежут Wiwimacher, если он будет продолжать возиться с ним. Эта угроза тогда, когда ему было $3^1/_2$ года, не произвела впечатления. Он с невозмутимостью ответил, что он тогда будет делать wiwi своим popo. Можно считать вполне типичным, что угроза кастрацией оказала свое влияние только через большой промежуток времени, и он теперь — через $1^1/_2$ года — находится в страхе лишиться дорогой частички своего «я». Подобные проявляющиеся лишь впоследствии влияния приказаний и угроз, сделанных в детстве, можно наблюдать и в других болезненных случаях, где

интервал охватывает десятилетия и больше. Я даже знаю случаи, когда вытесненное и «явившееся впоследствии послушание» оказывало существенное влияние на детерминирование болезненных симптомов.

Разъяснение, которое Ганс недавно получил об отсутствии Wiwimacher'а у женщин, могло только поколебать его доверие к себе и пробудить кастрационный комплекс. Поэтому он и протестовал против него, и поэтому же не получилось лечебного эффекта от этого сообщения: раз действительно имеются живые существа, у которых нет никакого Wiwimacher'а, тогда уже нет ничего невероятного в том, что у него могут отнять Wiwimacher и таким образом сделают его женщиной[1]).

«Ночью с 27-го на 28-ое Ганс неожиданно для нас в темноте встает с своей кровати и приходит к нам. Его комната отделена от нашей спальни кабинетом. Мы спрашиваем его, зачем он пришел, не боялся ли он чего-нибудь. Он говорит: «Нет, я это скажу завтра», засыпает в нашей кровати, и затем уже его относят в его кровать».

«На следующее утро я начинаю его усовещивать, чтобы узнать зачем он ночью пришел к нам. После некоторого сопротивления развивается следующий диалог, который я сейчас же стенографически записываю.

Он: «Ночью в комнате был один большой и другой измятый жираф, и большой поднял крик, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа».

Я, с удивлением: «Что? Измятый жираф? Как это было?»

Он: «Да» (быстро приносит бумагу, быстро мнет и говорит мне:) «Вот так был он измят».

---

[1]) Я не могу настолько прерывать изложение, чтобы указать, как много типичного в этом бессознательном ходе мыслей, который я приписываю маленькому Гансу. Кастрационный комплекс — это самый глубокий бессознательный корень антисемитизма, потому что еще в детской мальчик часто слышит, что у евреев отрезают что-то — он думает, кусок penis'а, и это дает ему право относиться с презрением к евреям. И сознание превосходства над женщиной имеет тот же бессознательный корень. Вейнингер, этот талантливый и сексуально больной молодой философ, который после своей удивительной книги «Пол и Характер» покончил жизнь самоубийством, в одной обратившей на себя внимание многих главе осыпал евреев и женщин с одинаковой злобой одинаковыми ругательствами. Вейнингер, как невротик, стоял всецело под влиянием инфантильных комплексов; отношение к кастрационному комплексу — это общее для женщины и еврея.

Я: «И ты сел на измятого жирафа? Как?»

Он это мне опять показывает и садится на пол.

Я: «Зачем же ты пришел в комнату?»

Он: «Этого я сам не знаю».

Я: «Ты боялся?»

Он: «Нет, наверное нет».

Я: «Тебе снились жирафы?»

Он: «Нет, не снились; я себе это представлял, все это я придумал, проснулся я уже раньше».

Я: «Что это должно значить: измятый жираф? Ведь ты знаешь, что жирафа нельзя смять, как кусок бумаги».

Он: «Это я знаю. Я себе так и представлял. Этого даже не бывает на свете[1]). Измятый жираф совсем лежал на полу, а я его взял себе, взял руками».

Я: «Что, разве можно такого большого жирафа взять руками?»

Он: «Я взял руками измятого».

Я: «А где в это время был большой?»

Он: «Большой-то стоял дальше, в сторонке».

Я: «А что ты сделал с измятым?»

Он: «Я его немножко подержал в руке, пока большой перестал кричать, а потом сел на него».

Я: «А зачем большой кричал?»

Он: «Потому что я у него отнял маленького». Замечает, что я все записываю, и спрашивает: «Зачем ты все записываешь?»

Я: «Потому что я это пошлю одному профессору, который у тебя отнимет «глупость».

Он: «Ага, а ты ведь написал и то, что мама сняла рубашку, ты это тоже дашь профессору?»

Я: «Да, и ты можешь поверить, что он не поймет, как можно измять жирафа».

Он: «А ты ему скажи, что я сам этого не знаю, и тогда он не будет спрашивать, а когда он спросит, что такое измятый жираф, пусть он нам напишет, и мы ему ответим или сейчас напишем, что я сам этого не знаю».

Я: «Почему же ты пришел ночью?»

Он: «Я этого не знаю».

Я: «Скажи-ка мне скоро, о чем ты теперь думаешь?»

---

[1]) Ганс на своем языке определенно заявляет, что это была фантазия.

Он (с юмором): «О малиновом соке».
Я: «О чем еще?»
Он: «О настоящем ружье для убивания на смерть» [1]).

(Его желания.)

Я: «Тебе ведь это не снилось?»

Он: «Наверно, нет; нет,—я знаю это совершенно определенно».

«Он продолжает рассказывать: «Мама меня так долго просила, чтобы я ей сказал, зачем я пришел ночью. А я этого не хотел сказать, потому что мне было стыдно перед мамой».

Я: «Почему?»

Он: «Я этого не знаю».

«В действительности жена моя расспрашивала его все утро, пока он не рассказал ей историю с жирафами».

«В тот же день фантазия с жирафами получает разгадку».

«Большой жираф — это я (большой penis — длинная шея), измятый жираф — моя жена (ее половой орган), и все это — результат моего разъяснения.

«Жираф: см. поездку в Шенбрунн.

«Кроме того, изображение жирафа и слона висят над его кроватью.

«Все вместе есть репродукция сцены, повторяющейся в последнее время почти каждое утро. Ганс приходит утром к нам, и моя жена не может удержаться, чтобы не взять его на несколько минут к себе в кровать. Тут я обыкновенно начинаю ее убеждать не делать этого («большой жираф кричал, потому что я отнял у него измятого»), а она с раздражением мне отвечает, что это бессмыслица, что одна минута не может иметь последствий и т. д. После этого Ганс остается у нее на короткое время (тогда большой жираф перестал кричать, и тогда я сел на измятого жирафа).

«Разрешение этой семейной сцены, транспонированной на жизнь жирафов, сводится к следующему: ночью у него появилась сильная тоска по матери, ее ласкам, ее половому органу, и поэтому он пришел в спальню. Все это — продолжение его боязни лошадей».

Я мог бы к остроумному толкованию отца прибавить только следующее: «сесть на что-нибудь» у Ганса, вероятно, соответствует представлению об о б л а д а н и и. Все вместе — это фантазия упрямства, которая с чувством удовлетворения связана с победой

[1]) Отец, чувствующий свою беспомощность, пробует применить классический прием психоанализа. Это не много ему помогает, но полученные данные могут все-таки иметь глубокий смысл в свете дальнейших открытий.

над сопротивлением отца: «Кричи, сколько хочешь, а мама все-таки возьмет меня в кровать, и мама принадлежит мне». Таким образом, за этой фантазией скрывается все то, что предполагает отец: страх, что его не любит мать, потому что его Wiwimacher несравненно меньше, чем у отца.

На следующее утро отец находит подтверждение своего толкования.

«В воскресенье, 29 марта, я еду с Гансом в Лайнц. В дверях, прощаясь, я шутя говорю жене: «Прощай, большой жираф». Ганс спрашивает: «Почему жираф?» Я: «Большой жираф это — мама». Ганс: «Неправда, а разве Анна это — измятый жираф?»

«В вагоне я разъясняю ему фантазию с жирафами. Он сначала говорит: «Да, это верно», а затем, когда я ему указываю, что большой жираф—это я, так как длинная шея напоминала ему Wiwimacher, он говорит: «У мамы тоже шея, как у жирафа,—я это видел, когда мама мыла свою белую шею» [1]).

«В понедельник 30 марта утром Ганс приходит ко мне и говорит: «Слушай, сегодня я раздумывал о двух вещах».—«Первая?» «Я был с тобою в Шенбрунне у овец, и там мы пролезли под веревки, потом мы это сказали сторожу у входа, а он нас и сцапал». Второе он забыл.

«По поводу этого я могу заметить следующее: когда мы в воскресенье в зоологическом саду хотели подойти к овцам, оказалось, что это место было ограждено веревкой, так что мы не могли попасть туда. Ганс был весьма удивлен, что ограждение сделано только веревкой, под которую легко пролезть. Я сказал ему, что приличные люди не пролезают под веревку. Ганс заметил, что ведь это так легко сделать. На это я ему сказал, что тогда придет сторож, который такого человека и уведет. У входа в Шенбрунн стоит гвардеец, о котором я говорил Гансу, что он арестовывает дурных детей».

«В этот же день, по возвращении от вас, Ганс сознался еще в нескольких желаниях сделать что-нибудь запрещенное: «Слушай, сегодня рано утром я опять о чем-то думал». «О чем?» «Я ехал с тобой в вагоне; мы разбили стекло, и городовой нас забрал».

[1]) Ганс подтверждает теперь толкование в той части, что оба жирафа соответствуют отцу и матери, но он не соглашается с сексуальной символикой, по которой жираф должен соответствовать penis'у. Возможно, что эта символика верна, но от Ганса, повидимому, пока большего нельзя и требовать.

Правильное продолжение фантазии с жирафами. Он чувствует, что нельзя стремиться к обладанию матерью; он натолкнулся на границу, за которой следует кровосмешение. Но он считает это запретным только для себя. При всех запретных шалостях, которые он воспроизводит в своей фантазии, всегда присутствует отец, который вместе с ним подвергается аресту. Отец,—как думает он,—ведь тоже проделывает с матерью загадочное и запретное, как он себе представляет, что-то насильственное в роде разбивания стекла или проникания в загражденное пространство.

В этот же день в мои приемные часы меня посетили отец с сыном. Я уже раньше знал этого забавного малыша, милого в своей самоуверенности, которого мне всегда приятно было видеть. Не знаю, вспомнил ли он меня, но он вел себя безупречно, как вполне разумный член человеческого общества. Консультация была коротка. Отец начал с того, что страх Ганса перед лошадьми, несмотря на все разъяснения, не уменьшился. Мы должны были сознаться и в том, что связь между лошадьми, перед которыми он чувствовал страх, и между раскрытыми побуждениями нежности к матери довольно слабая. Детали, которые я теперь узнал (Ганса больше всего смущает то, что лошади имеют над глазами, и нечто черное у их рта), никак нельзя было объяснить теми данными, которые у нас имелись. Но когда я смотрел на них обоих и выслушивал рассказ о страхе, у меня блеснула мысль о следующей части толкования, которая, как я мог понять, должна была ускользнуть от отца. Я шутя спросил Ганса, не носят ли его лошади очков. Он отрицает это. Носит ли его отец очки? Это он опять отрицает, даже вопреки очевидности. Не называет ли он черным у «рта» усы? Затем я объясняю ему, что он чувствует страх перед отцом, потому что он так любит мать. Он мог бы думать, что отец за это на него зол. Но это неправда. Отец его все-таки сильно любит, и он может без страха во всем ему сознаваться. Давно, когда Ганса не было на свете, я уже знал, что появится маленький Ганс, который будет так любить свою маму и поэтому будет чувствовать страх перед отцом. И я об этом даже рассказывал его отцу. Тут отец прерывает меня: «Почему ты думаешь, что я сержусь на тебя? Разве я тебя ругал или бил?» «Да, ты меня бил», заявляет Ганс. «Это неправда. Когда?» «Сегодня перед обедом», и отец вспоминает, что Ганс его совершенно неожиданно толкнул в живот, после чего он рефлекторно шлепнул его рукою. Замечательно, что эту деталь отец не привел в связь с неврозом

и только теперь он усмотрел в этом поступке выражение враждебного отношения мальчика, а также, быть-может, проявление необходимости получить за это наказание [1]).

На обратном пути Ганс спрашивает у отца: «Разве профессор разговаривает с богом, что он все может знать раньше?» Я мог бы очень гордиться этим признанием из детских уст, если бы я сам не вызвал его своим шутливым хвастовством. После этой консультации я почти ежедневно получал сведения об изменениях в состоянии маленького пациента. Нельзя было, конечно, ожидать, что он после моего сообщения сразу освободится от страхов, но оказалось, что ему теперь уже была дана возможность обнаружить свои бессознательные продукции и расплести свою фобию. С этого времени он проделал программу, которую я уже заранее мог бы изложить его отцу.

«2-го апреля можно констатировать первое существенное улучшение. В то время, как до сих пор его никак нельзя было заставить выйти за ворота на сколько-нибудь продолжительное время, и он со всеми признаками ужаса мчался домой, когда появлялись лошади, теперь он остается перед воротами целый час и даже тогда, когда проезжают мимо экипажи, что у нас случается довольно часто. Время от времени он бежит в дом, когда видит вдали лошадей, но он сейчас же, как бы передумавши, возвращается обратно. Но от страха осталась уже только частица, и нельзя не констатировать улучшения со времени разъяснения».

Вечером он говорит: «Раз мы уже идем за ворота, мы поедем и в парк».

«3-го апреля он рано утром приходит ко мне в кровать, в то время как за последние дни он больше не приходил ко мне и как бы гордился своим воздержанием. Я спрашиваю: «Почему же ты сегодня пришел?»

Ганс: «Пока я не буду бояться, я больше не приду».

Я: «Значит, ты приходишь ко мне потому, что ты боишься?»

Ганс: «Когда я не у тебя—я боюсь; когда я не у тебя в кровати—я боюсь. Когда я больше не буду бояться, я больше не приду».

Я: «Значит ты меня любишь, и тебе жутко, когда ты утром находишься в своей постели; поэтому ты приходишь ко мне?»

1) Эту реакцию мальчик повторил позже более отчетливым и полным образом. Он сначала ударил отца в руку, а затем начал эту же руку нежно целовать.

Ганс: «Да. А почему ты сказал мне, что я люблю маму, и на меня находит страх, когда я люблю тебя?»

Мальчик теперь в своих выражениях становится необыкновенно ясным. Он дает понять, что в нем борется любовь к отцу с враждебностью к нему же вследствие соперничества по отношению к матери, и он делает отцу упрек за то, что тот до сих пор не обратил внимания на эту игру сил, которая превращалась в страх. Отец его еще не вполне понимает, потому что он только после этого разговора убеждается во враждебности мальчика, на которой я настаивал уже при нашей консультации. Нижеследующее, которое я привожу в неизмененном виде, собственно говоря, более важно в смысле разъяснения для отца, чем для маленького пациента.

«Это возражение я, к сожалению, не сразу понял во всем его значении. Так как Ганс любит мать, он, очевидно, хочет, чтобы меня не было, и он был бы тогда на месте отца. Это подавленное враждебное желание становится страхом за отца, и он приходит рано утром ко мне, чтобы видеть, не ушел ли я. К сожалению, я в этот момент всего этого не понял и говорю ему:

«Когда ты один, тебе жутко, что меня нет, и ты приходишь сюда».

Ганс: «Когда тебя нет, я боюсь, что ты не придешь домой».

Я: «Разве я когда-нибудь грозил тебе тем, что не приду домой?»

Ганс: «Ты — нет, но мама — да. Мама говорила мне, что она больше не приедет». (Вероятно, он дурно вел себя, и она пригрозила ему своим уходом).

Я: «Она это сказала тебе, потому что ты себя дурно вел».

Ганс: «Да».

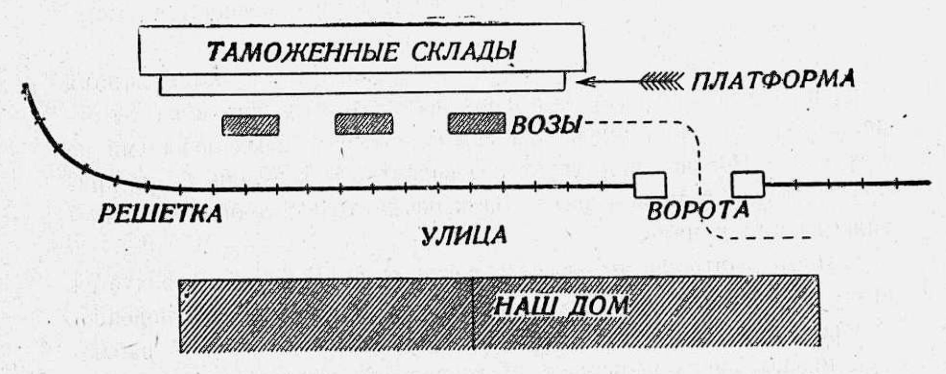
Я: «Значит ты боишься, что я уйду, потому что ты себя дурно вел, и из-за этого ты приходишь ко мне?»

«За завтраком я встаю из-за стола, и Ганс говорит мне: «Папа, не убегай отсюда!» Я обращаю внимание на то, что он говорит «убегай» вместо «уходи», и отвечаю ему: «Ага, ты боишься, что лошадь убежит отсюда?» Он смеется».

Мы знаем, что эта часть страха Ганса носит двойственный характер: страх перед отцом и страх за отца. Первое происходит от враждебности по отношению к отцу, второе — от конфликта между нежностью, которая здесь реактивно увеличена, и враждебностью.

Отец продолжает: «Это, несомненно, начало важной части анализа. То, что он решается в крайнем случае только выйти за ворота, но от ворот не отходит, что он при первом приступе страха возвращается с половины пути — мотивировано страхом не застать родителей дома, потому что они ушли. Он не отходит от дома из любви к матери и боится, что я уйду вследствие его враждебных желаний (по отношению ко мне) занять место отца».

«Летом я несколько раз по своим делам ездил из Гмундена в Вену; тогда отцом был он. Напоминаю, что страх перед лошадьми связан с переживанием в Гмундене, когда лошадь должна была отвезти багаж Лицци на вокзал. Вытесненное желание, чтобы я поехал на вокзал, и он остался один с матерью («чтобы лошадь уехала») превращается в страх перед отъездом лошадей. И действительно, ничто не наводит на него большего страха, как отъезд повозок со двора таможни, находящейся против нас.

«Эта новая часть (враждебные помыслы против отца) обнаруживается только после того, как он узнает, что я не сержусь на него за то, что он так любит маму.

«После обеда я опять выхожу с ним за ворота, он опять ходит перед домом и остается там даже тогда, когда проезжают экипажи. Только при проезде некоторых экипажей он испытывает страх и бежит во двор. Он даже мне объясняет: «Не все белые лошади кусаются». Это значит: после анализа в некоторых белых лошадях он узнал отца, и они больше не кусаются, но остаются еще другие лошади, которые кусаются.

«План улицы перед нашими воротами следующий: напротив находится склад таможни с платформой, к которой в течение всего дня подъезжают возы, чтобы забрать ящики и т. п. От улицы

этот двор отделяется решеткой. Как раз против нашей квартиры находятся ворота этого двора. Я уже несколько дней замечаю, что Ганс испытывает особенно сильный страх, когда возы въезжают и выезжают из этих ворот и при этом должны поворачивать. В свое время я его спросил, чего он так боится, на что он сказал мне: «Я боюсь, что лошади упадут во время поворота» (A). Также сильно волнуется он, когда возы, стоящие перед платформой для выгрузки, неожиданно приходят в движение, чтобы отъехать (B). Далее (C) он больше боится больших ломовых лошадей, чем маленьких, крестьянских лошадей—больше, чем элегантных (как, например, в экипажах). Он также испытывает больший страх, когда воз проезжает мимо очень быстро (D), чем когда лошади плетутся медленно. Все эти различия выступили отчетливо только в последние дни».

Я позволил бы себе сказать, что благодаря анализу стал смелее не только пациент, но и его фобия, которая решается выступать с большей ясностью.

«5-го апреля Ганс опять приходит в спальню и отсылается нами обратно в свою кровать. Я говорю ему: «До тех пор, пока ты будешь рано утром приходить в спальню, страх перед лошадьми не исчезнет». Но он упорствует и отвечает: «Я все-таки буду приходить, когда у меня страх». Итак, он не хочет, чтобы ему запретили визиты к маме.

«После завтрака мы должны сойти вниз. Ганс очень радуется этому и собирается, вместо того, чтобы остаться, как обыкновенно, у ворот, перейти через улицу во двор, где, как он часто наблюдал, играет много мальчиков. Я говорю ему, что мне доставит удовольствие, когда он перейдет улицу, и, пользуясь случаем, спрашиваю его, почему он испытывает страх, когда нагруженные возы отъезжают от платформы (B).

Ганс: «Я боюсь, когда я стою у воза, а воз быстро отъезжает, тогда я стою на нем, хочу оттуда влезть на доски (платформу), и я отъезжаю вместе с возом».

Я: «А когда воз стоит, тогда ты не боишься? Почему?»

Ганс: «Когда воз стоит, я скоро вхожу на него и перехожу на доски».

«(Ганс, таким образом, собирается перелезть через воз на платформу и боится, что воз тронется, когда он будет стоять на нем).

Я: «Может-быть, ты боишься, что, когда ты уедешь с возом, ты не придешь больше домой?»

Ганс: «О, нет, я всегда могу еще притти к маме на возу или на извозчике; я ему даже могу сказать номер дома».

Я: «Чего же ты тогда боишься?»

Ганс: «Я этого не знаю, но профессор это будет знать».

Я: «Так ты думаешь, что он узнает? Почему тебе хочется перебраться через воз на доски?»

Ганс: «Потому что я еще никогда там наверху не был, а мне так хотелось бы быть там, и знаешь почему? Потому, что я хотел бы нагружать и разгружать тюки и лазить по ним. Мне ужасно хотелось бы лазить по тюкам. А знаешь, от кого я научился лазить? Я видел, что мальчишки лазят на тюках, и мне тоже хотелось бы это делать».

«Его желание не осуществилось, потому что, когда Ганс решился выйти за ворота, несколько шагов по улице вызвали в нем слишком большое сопротивление, так как во дворе все время проезжали возы».

Профессор знает также только то, что эта предполагаемая Гансом игра с нагруженными возами должна иметь символическое, замещающее отношение к другому желанию, которое еще не высказано. Но это желание можно было бы конструировать и теперь, если бы это не показалось слишком смелым.

«После обеда мы опять идем за ворота, и по возвращении я спрашиваю Ганса:

«Каких лошадей ты, собственно, больше всего боишься?»

Ганс: «Всех».

Я: «Это неверно».

Ганс: «Больше всего я боюсь лошадей, которые имеют что-то у рта».

Я: «О чем ты говоришь? О железе, которое у них во рту?»

Ганс: «Нет, у них есть что-то черное у рта (прикрывает свой рот рукой)».

Я: «Может быть, усы?»

Ганс (смеется): «О, нет!»

Я: «Это имеется у всех лошадей?»

Ганс: «Нет, только у некоторых».

Я: «Что же это у них у рта?»

Ганс: «Что-то черное». Я думаю, что, на самом деле, это — ремень, который ломовые лошади носят поперек головы. «Я боюсь тоже больше всего мебельных фургонов».

Я: «Почему?»

Ганс: «Я думаю, что когда ломовые лошади тянут тяжелый фургон, они могут упасть».

Я: «Значит, маленьких возов ты не боишься?»

Ганс: «Нет, маленьких и почтовых я не боюсь. Я еще больше всего боюсь, когда проезжает омнибус».

Я: «Почему? Потому что он такой большой?»

Ганс: «Нет, потому что однажды у омнибуса упала лошадь».

Я: «Когда?»

Ганс: «Однажды, когда я шел с мамой, несмотря на «глупость», когда я купил жилетку».

(Это потом подтверждается матерью).

Я: «Что ты подумал, когда упала лошадь?»

Ганс: «Что теперь всегда будет так, — все лошади в омнибусах будут падать».

Я: «В каждом омнибусе?»

Ганс: «Да, и в мебельных фургонах. В мебельных не так часто».

Я: «Тогда уже у тебя была твоя глупость?»

Ганс: «Нет, я ее только что получил. Когда лошадь от мебельного фургона упала, я так сильно испугался! Потом уже, когда я пошел, я получил свою глупость».

Я: «Ведь глупость была в том, что ты подумал, что тебя укусит лошадь, а теперь, как оказывается, ты боялся, что упадет лошадь?»

Ганс: «Опрокинется и укусит» [1]).

Я: «Почему же ты так испугался?»

Ганс: «Потому что лошадь делала ногами т а к (ложится на землю и начинает барахтаться). Я испугался, п о т о м у ч т о о н а н о г а м и п р о и з в о д и л а ш у м».

Я: «Где ты тогда был с мамой?»

Ганс: «Сначала на катке, потом в кафе, потом покупали жилетку, потом в кондитерской, а потом вечером домой мы проходили через парк».

«(Моя жена подтверждает все это, а также и то, что непосредственно за этим появился страх).

Я: «Лошадь умерла после того, как упала?»

Ганс: «Да».

Я: «Откуда ты это знаешь?»

Ганс: «потому что я это видел (смеется). Нет, она совсем не умерла».

[1]) Ганс прав, как бы невероятно ни звучала эта комбинация. Как окажется впоследствии, связь заключается в том, что лошадь (отец) укусит его за его желание, чтобы она (отец) опрокинулась.

Я: «Быть-может, ты подумал, что она умерла?»

Ганс: «Нет, наверно нет. Я это сказал только в шутку». (Выражение лица его тогда было серьезным).

«Так как он уже устал, я оставляю его в покое. Он успевает еще мне рассказать, что он сначала боялся лошадей, впряженных в омнибус, а позже всяких других и только недавно — лошадей, впряженных в мебельные фургоны.

«На обратном пути из Лайнца еще несколько вопросов:

Я: «Когда лошадь от омнибуса упала, какого цвета она была? Белого, красного, коричневого, серого?»

Ганс: «Черного, обе лошади были черные».

Я: «Была она велика или мала?»

Ганс: «Велика».

Я: «Толстая или худая?»

Ганс: «Толстая, очень большая и толстая».

Я: «Когда лошадь упала, думал ты о папе?»

Ганс: «Может-быть. Да, это возможно».

Отец, быть-может, во многих пунктах производит свои исследования без успеха; но во всяком случае нисколько не вредно ближе познакомиться с подобной фобией, которой мы охотно давали бы названия по ее новым объектам. Мы таким образом узнаем, насколько, собственно говоря, эта фобия универсальна. Она направлена на лошадей и на экипажи, на то, что лошади падают и кусаются, на лошадей с особенными признаками, на возы, которые сильно нагружены. Предупредим уже теперь, что все эти особенности происходят от того, что страх первоначально относился не к лошадям и только вторично был перенесен (транспонирован) на них и фиксировался в местах комплекса лошадей, которые оказывались подходящими для известного переноса. Мы должны особенно высоко оценить один существенный факт, добытый допытыванием отца. Мы узнали действительный повод, вызвавший появление фобии. Это — момент, когда мальчик видел, как упала большая ломовая лошадь, и во всяком случае одно из толкований этого впечатления, подчеркнутое отцом, указывает на то, что Ганс тогда ощущал желание, чтобы его отец также упал — умер. Серьезное выражение во время рассказа как бы соответствует этому бессознательному смыслу. Не скрывается ли за этим и другая мысль? И что должен означать этот шум, производимый ногами?

«С некоторого времени Ганс играет в комнате в лошадки, бегает, падает, топает ногами, ржет. Один раз он подвязывает себе мешочек, в виде мешка для корма. Несколько раз он подбегает ко мне и кусает».

Таким образом, он принимает последние толкования более решительно, чем это можно сделать на словах... Но при этом меняются роли, так как эта игра служит для фантазии, основанной на желании. Следовательно, он — лошадь, он кусает отца, а в остальном он отождествляет себя с отцом.

«В последние два дня я замечаю, что Ганс самым решительным образом выступает против меня, хотя без дерзости, а скорее шаловливо. Не оттого ли это, что он больше не боится меня — лошади?

«6 апреля. После обеда я с Гансом находимся перед домом. При появлении лошадей я каждый раз спрашиваю, не видит ли он у них «черного у рта». Он каждый раз отвечает на это отрицанием. Я спрашиваю, как именно выглядит это черное; он говорит, что это черное железо. Таким образом, мое первое предположение, что это толстый ремень в упряжи ломовых лошадей, не подтверждается. Я спрашиваю, не напоминает ли это «черное» усы; он говорит: только цветом. Итак, я до сих пор не знаю, что это на самом деле.

«Страх становится меньше. Он решается на этот раз подойти к соседнему дому, но он быстро возвращается, когда слышит издали приближение лошадей. Если воз проезжает и останавливается у нашего дома, он в страхе бежит домой, так как лошадь топает ногой. Я спрашиваю его, чего он боится, быть-может, его пугает то, что лошадь так делает (при этом я топаю ногой). Он говорит: «Не делай же такого шума ногами!» Сравни с его словами по поводу падения лошади от омнибуса.

«Особенно пугается он, когда проезжает мебельный фургон. Он тогда вбегает в комнаты. Я равнодушно спрашиваю его: «Разве мебельный фургон не выглядит точно так же, как омнибус?»

«Он ничего не отвечает. Я повторяю вопрос. Тогда он говорит: «Ну конечно, иначе я не боялся бы мебельного фургона».

«7 апреля. Сегодня я опять спрашиваю, как выглядит «черное у рта лошади». Ганс говорит: «Как намордник». Удивительно то, что за последние три дня ни разу не проезжала лошадь, у которой имелся бы подобный «намордник». Я сам ни разу не видел подобной лошади во время прогулок, хотя Ганс настаивал на том, что такие лошади существуют. Я подозреваю, что ему действительно толстый ремень у рта напомнил усы, и что после моего толкования и этот страх исчез.

«Улучшение состояния Ганса становится более прочным, радиус круга его деятельности, считая наши ворота центром, становится все больше. Он решается даже на то, что до сих пор было невозможно, — перебежать на противоположный тротуар. Весь оставшийся еще страх связан только со сценой с омнибусом, и смысл этой сцены мне во всяком случае еще неясен.

«9 апреля. Сегодня утром Ганс входит, когда я, обнаженный до пояса, умываюсь.

Ганс: «Папа, ведь ты красивый, такой белый!»

Я: «Не правда ли, как белая лошадь?»

Ганс: «Только усы черные. Или, может быть, это черный намордник?»

«Я рассказываю ему, что я вчера вечером был у профессора, и говорю: «Он хотел бы еще кое-что узнать», на что Ганс замечает: «Это мне ужасно любопытно».

«Я говорю ему, что знаю, при каких обстоятельствах он подымает шум ногами. Он прерывает меня: «Не правда ли, когда я сержусь или когда мне нужно делать «Lumpf», а хочется лучше играть». (Когда он злится, он обыкновенно топает ногами. Делать «Lumpf» означает акт дефекации. Когда Ганс был маленьким, он однажды, вставая с горшечка, сказал: «Смотри — Lumpf». (Он хотел сказать Strumpf (чулок), имея в виду сходство по форме и по цвету). Это обозначение осталось и до сих пор. — Раньше, когда его нужно было сажать на судно, а ему не хотелось прекратить игру, он обыкновенно топал ногами, начинал дрожать и иногда бросался на землю)».

Я: «Ты подергиваешь ногами и тогда, когда тебе нужно сделать wiwi, а ты удерживаешься, потому что предпочитаешь играть».

Он: «Слушай, мне нужно сделать wiwi», — и он как бы для подтверждения выходит».

Отец во время его визита ко мне спрашивал меня, что должно было напоминать Гансу подергивание ногами лошади. Я указал ему на то, что это может напоминать Гансу его собственную реакцию задерживаемого позыва к мочеиспусканию. Ганс подтверждает это тем, что у него во время разговора появляется позыв, и он указывает еще и другие значения «шума, производимого ногами».

«Затем мы идем за ворота. Когда проезжает воз с углем, он говорит мне: «Слушай, угольный воз тоже наводит на меня страх». Я: «Быть-может, потому, что он такой же большой, как омнибус?»

Ганс: «Да, и потому, что он сильно нагружен, и лошадям приходится так много тянуть, и они легко могут упасть. Когда воз пустой, я не боюсь». Действительно, как это выяснено, он испытывает страх только перед грузовиками.

И все же положение вещей довольно неясно. Анализ мало подвигается вперед, и я боюсь, что изложение его скоро может показаться скучным для читателя. Но такие темные периоды бывают в каждом психоанализе. Вскоре Ганс, совершенно неожиданно для нас, переходит в другую область.

«Я прихожу и беседую с женой, которая сделала разные покупки и показывает их мне. Между ними — желтые дамские панталоны. Ганс много раз говорит «пфуй», бросается на землю и отплевывается. Жена говорит, что он так делал уже несколько раз, когда видел панталоны».

Я спрашиваю: «Почему ты говоришь „пфуй"?»

Ганс: «Из-за панталон».

Я: «Почему? Из-за цвета, потому что они желтые и напоминают тебе wiwi или Lumpf?»

Ганс: «Lumpf ведь не желтый, он белый или черный».—Непосредственно за этим: «Слушай, легко делать Lumpf, когда ешь сыр?» (Это я ему раз сказал, когда он меня спросил, почему я ем сыр).

Я: «Да».

Ганс: «Поэтому ты всегда рано утром уже идешь делать Lumpf? Мне хотелось бы съесть бутерброд с сыром».

«Уже вчера, когда он играл на улице, он спрашивал меня: «Слушай, не правда ли, после того, как много прыгаешь, легко делаешь Lumpf?» — Уже давно действие его кишечника связано с некоторыми затруднениями, часто приходится прибегать к детскому меду и к клистирам. Один раз его привычные запоры настолько усилились, что жена обращалась за советом к доктору Л. Доктор высказал мнение, что Ганса перекармливают, что и соответствует действительности, и посоветовал сократить количество принимаемой им пищи, что сейчас же вызвало заметное улучшение. В последние дни запоры опять стали чаще.

«После обеда я говорю ему: «Будем опять писать профессору», и он мне диктует: «Когда я видел желтые панталоны, я сказал «пфуй», плюнул, бросился на пол, зажмурил глаза и не смотрел».

Я: «Почему?»

Ганс: «Потому что я увидел желтые панталоны, и когда я увидел черные[1]) панталоны, я тоже сделал что-то в этом роде. Черные это тоже панталоны, только они черные (прерывает себя). Слушай, я очень рад; когда я могу писать профессору, я всегда очень рад».

Я: «Почему ты сказал пфуй? Тебе было противно?»

Ганс: «Да, потому что я их увидел. Я подумал, что мне нужно делать Lumpf».

Я: «Почему?»

Ганс: «Я не знаю».

Я: «Когда ты видел черные панталоны?»

Ганс: «Однажды давно, когда у нас была Анна (прислуга), у мамы, она только-что принесла их после покупки домой».

(Это подтверждается моей женой).

Я: «И тебе было противно?»

Ганс: «Да».

Я: «Ты маму видел в таких панталонах?»

Ганс: «Нет».

Я: «А когда она одевалась?»

Ганс: «Желтые я уже раз видел, когда она их купила (противоречие! Желтые он увидел в первый раз, когда она их купила). В черных она ходит сегодня (верно!), потому что я видел, как она их утром снимала».

Я: «Как? Утром она снимала черные панталоны?»

Ганс: «Утром, когда она уходила, она сняла черные панталоны, а когда вернулась, она еще раз одела черные панталоны».

«Мне это кажется бессмыслицей, и я расспрашиваю жену. Она говорит, что все это неверно. Она, конечно, не переодевала панталон перед уходом.

«Я тут же спрашиваю Ганса: «Ведь мама говорит, что все это неверно».

Ганс: «Мне так кажется. Быть-может, я забыл, что она не сняла панталон. (С неудовольствием:) Оставь меня, наконец, в покое».

---

[1]) У моей жены имеются уже несколько недель панталоны «реформ» для велосипедной езды.

К разъяснению этой истории с панталонами я тут же должен заметить следующее: Ганс, очевидно, лицемерит, когда притворяется довольным, что от него требуют ответа по этому вопросу. К концу он отбрасывает свою маску и становится дерзким по отношению к отцу. Разговор идет о вещах, которые раньше доставляли ему много удовольствия и которые теперь, после наступившего вытеснения, вызывают в нем большой стыд и даже отвращение. Он даже в этом случае лжет, придумывая для наблюдавшейся им перемены панталон у матери другие поводы. На самом деле, снимание и одевание панталон находится в связи с комплексом дефекации. Отец в точности знает, в чем здесь дело, и что Ганс старается скрыть.

«Я спрашиваю свою жену, часто ли Ганс присутствовал, когда она удалялась в клозет. Она говорит: «Да, часто он хнычет до тех пор, пока ему это разрешают; это делали все дети».

Запомним себе хорошо это вытесненное уже теперь удовольствие видеть мать при акте дефекации.

«Мы идем за ворота. Ганс очень весел, и когда он бегает, изображая лошадь, я спрашиваю: «Послушай, кто, собственно говоря, вьючная лошадь? Я, ты или мама?»

Ганс (сразу): «Я, я — молодая лошадь».

«В период сильнейшего страха, когда страх находил на него при виде скачущих лошадей, я, чтобы успокоить его, сказал: «Знаешь, это — молодые лошади, — они скачут, как мальчишки. Ведь ты тоже скачешь, а ты мальчик». С того времени он при виде скачущих лошадей говорит: «Это верно — это молодые лошади!»

«Когда мы возвращаемся домой, я на лестнице, почти ничего не думая, спрашиваю: «В Гмундене ты играл с детьми в лошадки?»

Он: «Да! (задумывается). Мне кажется, что я там приобрел мою «глупость».

Я: «Кто был лошадкой?»

Он: «Я, а Берта была кучером».

Я: «Не упал ли ты, когда был лошадкой?»

Ганс: «Нет! Когда Берта погоняла меня — ну!, я быстро бегал, почти вскачь».

Я: «А в омнибус вы никогда не играли?»

Ганс: «Нет — в обыкновенные возы и в лошадки без воза. Ведь когда у лошадки есть воз, он может оставаться дома, а лошадь бегает без воза».

Я: «Вы часто играли в лошадки?»

Ганс: «Очень часто. — Фриц (также сын домохозяина) был тоже однажды лошадью, а Франц кучером, и Фриц так скоро бежал, что вдруг наступил на камень, и у него пошла кровь».

Я: «Может-быть, он упал?»

Ганс: «Нет, он опустил ногу в воду и потом обернул ее платком»[1]).

Я: «Ты часто был лошадью?»

Ганс: «О, да».

Я: «И ты там приобрел „глупость"?»

Ганс: «Потому что они там всегда говорили: «За лошадь» и «за лошадь» [он подчеркивает это «за» (wegen)]; поэтому, может быть, что они так говорили «за лошадь», я и заполучил свою глупость»[2]).

Некоторое время отец бесплодно производит исследования по другим путям.

Я: «Дети тогда рассказывали что-нибудь о лошади?»

Ганс: «Да!»

Я: «А что?»

Ганс: «Я это забыл».

Я: «Может-быть, они что-нибудь рассказывали о ее Wiwimacher'е?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Там ты уже боялся лошадей?»

Ганс: «О, нет, я совсем не боялся».

Я: «Может-быть, Берта говорила о том, что лошадь...»

Ганс (прерывая): «Делает wiwi? Нет!»

«10 апреля я стараюсь продолжить вчерашний разговор и хочу узнать, что означает «за лошадь». Ганс не может этого вспомнить; он знает только, что утром несколько детей стояло перед воротами и выкрикивало «за лошадь, за лошадь». Он сам тоже стоял там. Когда я становлюсь настойчивее, он заявляет, что дети вовсе не говорили «за лошадь», и что он неправильно вспомнил».

---

[1]) См. дальше. Отец вполне справедливо полагает, что Фриц тогда упал.

[2]) Поясняю: Ганс не хочет утверждать, что он т о г д а заполучил глупость, а только в с в я з и с теми событиями. Обыкновенно так и бывает, как в теории, что тот же предмет, который раньше вызывал высокое наслаждение, теперь делается объектом фобии. И я могу дополнить за ребенка, который этого не умеет сказать, что словечко «за» (wegen) открыло путь распространению фобии с лошади на воз (Ганс привык слышать и произносить воз — Wägen вм. Wagen). Не нужно забывать, насколько конкретнее, чем взрослые, относятся к словам дети, и сколь значительны должны быть для них ассоциации по сходству слов.

Я: «Ведь вы часто бывали также в конюшне и, наверно, говорили о лошади?»

— «Мы ничего не говорили». — «А о чем же вы разговаривали?» «Ни о чем».—«Вас было столько детей, и вы ни о чем не говорили?»—«Кое о чем мы уже говорили, но не о лошади».—«А о чем?»—«Я теперь уже этого не знаю».

«Я оставляю эту тему, так как очевидно, что сопротивление слишком велико[1]), и спрашиваю: «С Бертою ты охотно играл?»

Он: «Да, очень охотно, а с Ольгой — нет; знаешь, что сделала Ольга? Грета наверху подарила мне раз бумажный мяч, а Ольга его разорвала на куски. Берта бы мне никогда его не разорвала. С Бертой я очень охотно играл».

Я: «Ты видел, как выглядит Wiwimacher Берты?»

Он: «Нет, я видел Wiwimacher лошади, потому что я всегда бывал в стойле».

Я: «И тут тебе стало интересно знать, как выглядит Wiwimacher у Берты и у мамы?»

Он: «Да!»

«Я напоминаю ему его жалобы на то, что девочка всегда хотела смотреть, когда он делает wiwi».

Он: «Берта тоже всегда смотрела (без огорчения, скорее с удовольствием), очень часто. В маленьком саду, там, где посажена редиска, я делал wiwi, а она стояла у ворот и смотрела».

Я: «А когда она делала wiwi, смотрел ты?»

Он: «Она ходила в клозет».

Я: «А тебе становилось интересно?»

Он: «Ведь я был внутри, в клозете, когда она там была».

«(Это соответствует действительности: хозяева нам это раз рассказали, и я припоминаю, что мы запретили Гансу делать это)».

Я: «Ты ей говорил, что хочешь войти?»

Он: «Я входил сам и потому, что Берта мне это разрешила. Это ведь не стыдно».

Я: «И тебе было бы приятно увидеть Wiwimacher?»

Он: «Да, но я его не видел».

«Я напоминаю ему сон в Гмундене относительно значения фантов в моей руке и спрашиваю: «Тебе в Гмундене хотелось, чтобы Берта помогла тебе сделать wiwi?»

---

[1]) Здесь, собственно, ничего другого нельзя было извлечь, кроме словесной ассоциации, ускользнувшей от отца. Хороший образчик условий, при которых психоаналитические попытки оканчиваются неудачей.

Он: «Я ей никогда этого не говорил».

Я: «А почему ты этого ей никогда не говорил?»

Он: «Потому что я об этом никогда не думал (прерывает себя). Когда я обо всем этом напишу профессору, глупость скоро пройдет, не правда ли?»

Я: «Почему тебе хотелось, чтобы Берта помогла тебе делать wiwi?»

Он: «Я не знаю. Потому что она смотрела».

Я: «Ты думал о том, что она положит руку на Wiwimacher?»

Он: «Да (отклоняется). В Гмундене было очень весело. В маленьком саду, где растет редиска, лежит маленькая куча песку, там я играю с лопаткой». Это сад, где он всегда делал wiwi».

Я: «А когда ты в Гмундене ложился в постель, ты трогал руками Wiwimacher?»

Он: «Нет, еще нет. В Гмундене я так хорошо спал, что об том еще не думал. Только на прежней квартире и теперь я это делал».

Я: «А Берта никогда не трогала руками твоего Wiwimacher'а?»

Он: «Она этого никогда не делала, потому что я ей об этом никогда не говорил».

Я: «А когда тебе этого хотелось?»

Он: «Кажется, однажды в Гмундене».

Я: «Только один раз?»

Он: «Да, чаще».

Я: «Всегда, когда ты делал wiwi, она подглядывала, — может, ей было любопытно видеть, как ты делаешь wiwi?»

Он: «Может быть, ей было любопытно видеть, как выглядит мой Wiwimacher».

Я: «Но и тебе это было любопытно только по отношению к Берте?»

Он: «К Берте и к Ольге».

Я: «К кому еще?»

Он: «Больше ни к кому».

Я: «Ведь это неправда. Ведь и по отношению к маме?»

Он: «Ну к маме, конечно».

Я: «Но теперь тебе больше уже не любопытно. Ведь ты знаешь, как выглядит Wiwimacher Анны».

Он: «Но он ведь будет расти, не правда ли?» [1])

---

[1]) Он хочет быть уверенным, что его собственный Wiwi будет расти.

Я: «Да, конечно... Но когда он вырастет, он все-таки не будет походить на твой».

Он: «Это я знаю. Он будет такой, как теперь, только больше».

Я: «В Гмундене тебе было любопытно видеть, как мама раздевается?»

Он: «Да, и у Анны, когда ее купали, я видел маленький Wiwimacher».

Я: «И у мамы?»

Он: «Нет!»

Я: «Тебе было противно видеть мамины панталоны?»

Он: «Только черные, когда она их купила, и я их увидел, я плюнул.

А когда она их надевала и снимала, я тогда не плевал. Я плевал тогда потому, что черные панталоны черны как Lumpf, а желтые, как wiwi, и когда я смотрю на них, мне кажется, что нужно делать wiwi. Когда мама носит панталоны, я их не вижу, потому что сверху она носит платье».

Я: «А когда она раздевается?

Он: «Тогда я не плюю. Но когда панталоны новые, они выглядят, как Lumpf. А когда они старые, краска сходит с них, и они становятся грязными. Когда их купили, они были совсем чистыми, а уже дома сделали их грязными. Когда их покупают, они новые, а когда их не покупают, они старые».

Я: «Значит, старые панталоны не вызывают в тебе отвращения?»

Он: «Когда они старые, они ведь немного чернее, чем Lumpf, не правда ли? Немножечко чернее» [1]).

Я: «Ты часто бывал с мамой в клозете?»

Он: «Очень часто».

Я: «Тебе там не было противно?»

Он: «Да... Нет!»

Я: «Ты охотно присутствуешь при том, когда мама делает wiwi или Lumpf?»

Он: «Очень охотно».

[1]) Наш Ганс не может справиться с темой, которую он не знает, как изложить. И нам трудно понять его. Быть-может, он думает, что панталоны вызывают в нем отвращение только после их покупки; на теле матери они больше не вызывают у него ассоциации с Lumpf'ом или с wiwi; тогда уже они интересуют его в другом направлении.

Я: «Почему так охотно?»

Он: «Я этого не знаю».

Я: «Потому что ты думаешь, что увидишь Wiwimacher?»

Он: «Да, я тоже так думаю».

Я: «Почему ты в Лайнце никогда не хочешь итти в клозет?»

«(В Лайнце он всегда просит, чтобы я его не водил в клозет. Он один раз испугался шума воды, спущенной для промывания клозета)».

Он: «Потому что там, когда тянут ручку вниз, получается большой шум».

Я: «Этого ты боишься?»

Он: «Да!»

Я: «А здесь, в нашем клозете?»

Он: «Здесь — нет. В Лайнце я пугаюсь, когда ты спускаешь воду. И когда я нахожусь в клозете, и вода стекает вниз, я тоже пугаюсь».

«Чтобы показать мне, что в нашей квартире он не боится, он заставляет меня пойти в клозет и спустить воду. Затем он мне объясняет:

«Сначала делается большой шум, а потом поменьше (когда вода стекает). Когда большой шум, я лучше остаюсь внутри клозета а когда слабый шум, я предпочитаю выйти из клозета».

Я: «Потому что ты боишься?»

Он: «Потому что мне всегда ужасно хочется видеть большой шум (он поправляет себя), слышать, и я предпочитаю оставаться внутри, чтобы хорошо слышать его».

Я: «Что же напоминает тебе большой шум?»

Он: «Что мне в клозете нужно делать Lumpf. (То же самое, что при виде черных панталон)».

Я: «Почему?»

Он: «Не знаю. Нет, я знаю, что большой шум напоминает мне шум, который слышен, когда делаешь Lumpf. Большой шум напоминает Lumpf, маленький — wiwi. (Ср. черные и желтые панталоны)».

Я: «Слушай, а не был ли омнибус такого же цвета, как Lumpf? (По его словам, черного цвета)».

Он (пораженный): «Да!»

Я должен здесь вставить несколько слов. Отец расспрашивает, слишком много и исследует по готовому плану, вместо того, чтобы дать мальчику высказаться. Вследствие этого анализ становится

неясным и сомнительным. Ганс идет по своему пути, и когда его хотят свести с него, — он умолкает. Очевидно, его интерес, неизвестно почему, направлен теперь на Lumpf и на wiwi. История с шумом выяснена так же мало, как и история с черными и желтыми панталонами. Я готов думать, что его тонкий слух отметил разницу в шуме, который производят при мочеиспускании мужчины и женщины. Анализ искусственно сжал материал и свел его к разнице между мочеиспусканием и дефекацией. Читателю, который сам еще не производил психоанализа, я могу посоветовать не стремиться понимать все сразу. Необходимо ко всему отнестись с беспристрастным вниманием и ждать дальнейшего.

«11 апреля. Сегодня утром Ганс опять приходит в спальню, и, как всегда в последние дни, его сейчас же выводят вон.

«Позже он рассказывает: «Слушай, я кое о чем подумал:

Я сижу в ванне[1]), тут приходит слесарь и отвинчивает ее[2]). Затем он берет большой бурав и ударяет меня в живот».

Отец переводит для себя эту фантазию: «Я — в кровати у мамы. Приходит папа и выгоняет меня. Своим большим penis'ом он отталкивает меня от мамы».

Оставим пока наше заключение невысказанным.

«Далее он рассказывает еще нечто другое, что он придумал: «Мы едем в поезде, идущем в Гмунден. На станции мы начинаем надевать верхнее платье, но не успеваем этого сделать, и поезд уходит вместе с нами».

«Позже я спрашиваю: «Видел ли ты, как лошадь делает Lumpf?»

Ганс: «Да, очень часто».

Я: «Что же, она при этом производит сильный шум?»

Ганс: «Да!»

Я: «Что же напоминает тебе этот шум?»

Ганс: «Такой же шум бывает, когда Lumpf падает в горшочек».

«Вьючная лошадь, которая падает и производит шум ногами, вероятно, и есть Lumpf, который при падении производит шум. Страх перед дефекацией, страх перед перегруженным возом, главным образом, соответствует страху перед перегруженным животом».

По этим окольным путям начинает для отца выясняться истинное положение вещей.

---

[1]) Ганса купает мать.

[2]) Чтобы взять ее в починку.

«11 апреля за обедом Ганс говорит: «Хорошо, если бы мы в Гмундене имели ванну, чтобы мне не нужно было ходит в баню». Дело в том, что в Гмундене его, чтобы вымыть, водили всегда в соседнюю баню, против чего он обыкновенно протестовал с плачем. И в Вене он всегда подымает крик, когда его, чтобы выкупать, сажают или кладут в большую ванну. Он должен купаться стоя или на коленях».

Эти слова Ганса, который теперь начинает своими самостоятельными показаниями давать пищу для психоанализа, устанавливают связь между обеими последними фантазиями (о слесаре, отвинчивающем ванну, и о неудавшейся поездке в Гмунден). Из последней фантазии отец совершенно правильно сделал вывод об отвращении к Гмундену. Кроме того, мы имеем здесь опять хороший пример того, как выплывающее из области бессознательного становится понятным не при помощи предыдущего, а при помощи последующего.

«Я спрашиваю его, чего и почему он боится в большой ванне».

Ганс: «Потому, что я упаду туда».

Я: «Почему же ты раньше никогда не боялся, когда тебя купали в маленькой ванне?»

Ганс: «Ведь я в ней сидел, ведь я в ней не мог лечь, потому что она была слишком мала».

Я: «А когда ты в Гмундене катался на лодке, ты не боялся, что упадешь в воду?»

Ганс: «Нет, потому что я удерживался руками, и тогда я не могу упасть. Я боюсь, что упаду, только тогда, когда купаюсь в большой ванне».

Я: «Тебя ведь купает мама. Разве ты боишься, что мама тебя бросит в воду?»

Ганс: «Что она отнимет свои руки, и я упаду в воду с головой».

Я: «Ты же знаешь, что мама любит тебя, ведь она не отнимет рук».

Ганс: «Я так подумал».

Я: «Почему?»

Ганс: «Этого я точно не знаю».

Я: «Быть-может, потому, что ты шалил и поэтому думал, что она тебя больше не любит?»

Ганс: «Да».

Я: «А когда ты присутствовал при купании Анны, тебе не хотелось, чтобы мама отняла руки и уронила Анну в воду?»

Ганс: «Да».

Мы думаем, что отец угадал это совершенно верно.

«12 апреля. На обратном пути из Лайнца в вагоне 2-го класса Ганс при виде черной кожаной обивки говорит: «Пфуй, я плюю, а когда я вижу черные панталоны и черных лошадей, я тоже плюю, потому что я должен делать Lumpf».

Я: «Быть-может, ты у мамы видел что-нибудь черное, что тебя испугало?»

Ганс: «Да».

Я: «А что?»

Ганс: «Я не знаю, черную блузу или черные чулки».

Я: «Быть-может, ты увидел черные волосы на Wiwimacher'е, когда ты был любопытным и подглядывал?»

Ганс (оправдываясь): «Но Wiwimacher'а я не видел».

«Когда он однажды снова обнаружил страх при виде воза, выезжавшего из противолежащих ворот, я спросил его: «Не похожи ли эти ворота на popo?»

Он: «А лошади на Lumpf?» После этого каждый раз при виде выезжающего из ворот воза он говорит: «Смотри, идет Lumpfi». Выражение Lumpfi он употребляет в первый раз; оно звучит как ласкательное имя. Моя свояченица называет своего ребенка Wumpfi.

«13 апреля при виде куска печенки в супе он говорит: «Пфуй, Lumpf!» Он ест, повидимому, неохотно и рубленое мясо, которое ему по форме и цвету напоминает Lumpf.

«Вечером моя жена рассказывает, что Ганс был на балконе и сказал ей: «Я думал, что Анна была на балконе и упала вниз». Я ему часто говорил, что когда Анна на балконе, он должен следить за ней, чтобы она не подошла к барьеру, который декандент-слесарь конструировал весьма нелепо, с большими отверстиями, которые мне пришлось заделать проволочной сеткой. Здесь вытесненное желание Ганса весьма прозрачно. Мать спросила его, не было ли бы ему приятнее, если бы Анна совсем не существовала. На это он ответил утвердительно.

«14 апреля. Тема, касающаяся Анны, все еще на первом плане. Мы можем вспомнить из прежних записей, что он почувствовал антипатию к новорожденной, отнявшей у него часть родительской любви; эта антипатия и теперь еще не исчезла и только отчасти компенсируется преувеличенной нежностью. Он уже часто поговаривал, чтобы аист больше не приносил детей, чтобы мы дали аисту денег, чтобы тот больше не приносил детей *из большого ящика*,

в котором находятся дети. (Ср. страх перед мебельным фургоном. Не выглядит ли омнибус как большой ящик?). Анна производит столько крику; это ему тяжело.

«Однажды он неожиданно заявляет: «Ты можешь вспомнить, как пришла Анна? Она лежала в кровати у мамы такая милая и славная (эта похвала звучала подозрительно-фальшиво!).

«Затем мы внизу перед домом. Можно опять отметить большое улучшение. Даже ломовики вызывают в нем более слабый страх. Один раз он с радостью кричит: «Вот едет лошадь с черным у рта», и я, наконец, могу констатировать, что это лошадь с кожаным намордником. Но Ганс не испытывает никакого страха перед этой лошадью.

«Однажды он стучит своей палочкой о мостовую и спрашивает: «Слушай, тут лежит человек... который похоронен... или это бывает только на кладбище?» Таким образом его занимает теперь не только загадка жизни, но и смерти.

«По возвращении я вижу в передней ящик, и Ганс говорит [1]): «Анна ехала с нами в Гмунден в таком ящике. Каждый раз, когда мы ехали в Гмунден, она ехала с нами в ящике. Ты мне уже опять не веришь? Это, папа, уже на самом деле. Поверь мне, мы достали большой ящик, полный детей, и они сидели там, в ванне. (В этот ящик упаковывалась ванна). Я их посадил туда, верно. Я хорошо припоминаю это» [2]).

Я: «Что ты можешь припомнить?»

Ганс: «Что Анна ездила в ящике, потому что я этого не забыл. Честное слово!»

Я: «Но ведь в прошлом году Анна ехала с нами в вагоне».

Ганс: «*Но раньше она всегда ездила с нами в ящике*».

Я: «Не маме ли принадлежал ящик?»

Ганс: «Да, он был у мамы».

Я: «Где же?»

Ганс: «Дома на полу».

Я: «Может быть, она его носила с собой?» [3])

---

[1]) Для нас ясно, почему тема «Анна» идет непосредственно за темою «Lumpf»: Анна—сама «Lumpf», все новорожденные дети—Lumpf'ы.

[2]) Тут он начинает фантазировать. Мы узнаем, что для него ящик и ванна обозначают одно и то же,—это пространство, в котором находятся дети. Обратим внимание на его повторные уверения.

[3]) Ящик, конечно, живот матери. Отец хочет указать Гансу, что он это понял. И тот ящик, в котором выставляют героя мифов, начиная с Саргона из Агады, представляет то же самое.

Ганс: «Нет! Когда мы теперь поедем в Гмунден, Анна опять поедет в ящике».

Я: «Как же она вылезла из ящика?»

Ганс: «Ее вытащили».

Я: «Мама?»

Ганс: «Я и мама. Потом мы сели в экипаж. Анна ехала верхом на лошади, а кучер погонял. Кучер сидел на козлах. Ты был с нами. Даже мама это знает. Мама этого не знает, потому что она опять это забыла, но не нужно ей ничего говорить».

«Я заставляю его все повторить».

Ганс: «Потом Анна вылезла».

Я: «Она ведь еще и ходить не могла!»

Ганс: «Мы ее тогда снесли на руках».

Я: «Как же она могла сидеть на лошади, ведь в прошлом году она еще совсем не умела сидеть».

Ганс: «О да, она уже сидела и кричала ну! ну! И щелкала кнутом, который раньше был у меня. Стремян у лошади не было, а Анна ехала верхом; папа, а, может быть, это не шутка».

Что должна означать эта настойчиво повторяемая и удерживаемая бессмыслица? О, это ничуть не бессмыслица; это пародия — месть Ганса отцу. Она должна означать приблизительно следующее: Если ты в состоянии думать, что я могу поверить в аиста, который в октябре будто бы принес Анну, тогда как я уже летом, когда мы ехали в Гмунден, заметил у матери большой живот, то я могу требовать, чтобы и ты верил моим вымыслам. Что другое может означать его утверждение, что Анна уже в прошлое лето ездила в ящике в Гмунден, как не его осведомленность о беременности матери? То, что он и для следующего года предполагает эту поездку в ящике, соответствует обычному появлению из прошлого бессознательных мыслей. Или у него есть особые основания для страха, что к ближайшей летней поездке мать опять будет беременна. Тут уже мы узнали, что именно испортило ему поездку в Гмунден, — это видно из его второй фантазии.

«Позже я спрашиваю его, как, собственно говоря, Анна после рождения пришла к маме в постель».

Тут он уже имеет возможность развернуться и подразнить отца.

Ганс: «Пришла Анна. Госпожа Краус (акушерка) уложила ее в кровать. Ведь она еще не умела ходить. А аист нес ее в своем клюве. Ведь ходить она еще не могла (не останавливаясь, продолжает). Аист подошел к лестнице и постучал; здесь все спали, а у него был подходящий ключ; он отпер двери и уложил Анну в твою[1]) кровать, а мама спала; — нет, аист уложил Анну в мамину кровать. Уже была ночь, и аист совершенно спокойно уложил ее в кровать и совсем без шума, а потом взял себе шляпу и ушел обратно. Нет, шляпы у него не было».

Я: «Кто взял себе шляпу. Может быть, доктор?»

Ганс: «А потом аист ушел к себе домой и потом позвонил, и все в доме уже больше не спали. Но ты этого не рассказывай ни маме, ни Тине (кухарка). Это тайна!»

Я: «Ты любишь Анну?»

Ганс: «Да, очень».

Я: «Было бы тебе приятнее, если бы Анны не было, или ты рад, что она есть?»

Ганс: «Мне было бы приятнее, если бы она не появилась на свет».

Я: «Почему?»

Ганс: «По крайней мере, она не кричала бы так, а я не могу переносить крика».

Я: «Ведь ты и сам кричишь?»

Ганс: «А ведь Анна тоже кричит».

Я: «Почему ты этого не переносишь?»

Ганс: «Потому, что она так сильно кричит».

Я: «Но ведь она совсем не кричит».

Ганс: «Когда ее шлепают по голому роро, она кричит».

Я: «Ты уже ее когда-нибудь шлепал?»

Ганс: «Когда мама шлепает ее, она кричит».

Я: «Ты этого не любишь?»

Ганс: «Нет.... Почему? Потому что она своим криком производит такой шум».

Я: «Если тебе было приятнее, чтобы ее не было на свете, значит, ты ее не любишь».

(Ганс соглашается).

Я: «Поэтому ты думал, что мама отнимет руки во время купания, и Анна упадет в воду...»

Ганс (дополняет): «...и умрет».

Я: «И ты остался бы тогда один с мамой. А хороший мальчик этого все-таки не желает».

[1]) Конечно, ирония, как и последующая просьба не выдать этой тайны матери.

Ганс: «Но думать ему можно».

Я: «А ведь это нехорошо».

Ганс: «Когда он об этом думает, это все-таки хорошо, потому что тогда можно написать об этом профессору»[1]).

«Позже я говорю ему: «Знаешь, когда Анна станет больше и научится говорить, ты будешь ее уже больше любить».

Ганс: «О, нет. Ведь я ее люблю. Когда она осенью уже будет большая, я пойду с нею один в парк и буду все ей объяснять».

«Когда я хочу заняться дальнейшими разъяснениями, он прерывает меня, вероятно, чтобы объяснить мне, что это не так плохо, когда он желает смерти Анне».

Ганс: «Послушай, ведь она уже давно была на свете, даже когда ее еще не было. Ведь у аиста она уже тоже была на свете».

Я: «Нет, у аиста она, пожалуй, и не была».

Ганс: «Кто же ее принес? У аиста она была».

Я: «Откуда же он ее принес?»

Ганс: «Ну, от себя».

Я: «Где она у него там находилась?»

Ганс: «В ящике, в аистином ящике».

Я: «А как выглядит этот ящик?»

Ганс: «Он красный. Выкрашен в красный цвет (кровь!)»

Я: «А кто тебе это сказал?»

Ганс: «Мама; я так подумал; так в книжке нарисовано».

Я: «В какой книжке?»

Ганс: «В книжке с картинками». (Я велю ему принести его первую книжку с картинками. Там изображено гнездо аиста с аистами на красной трубе. Это и есть тот ящик. Интересно, что на той же странице изображена лошадь, которую подковывают. Ганс помещает детей в ящик, так как он их не находит в гнезде)».

Я: «Что же аист с ней сделал?»

Ганс: «Тогда он принес Анну сюда. В клюве. Знаешь, это тот аист, из Шенбрунна, который укусил зонтик». (Воспоминание о маленьком происшествии в Шенбрунне)».

Я: «Ты видел, как аист принес Анну?»

Ганс: «Послушай, ведь я тогда еще спал. А утром уже никакой аист не может принести девочку или мальчика».

Я: «Почему?»

[1]) Славный маленький Ганс! Я даже у взрослых не желал бы для себя лучшего понимания психоанализа.

Ганс: «Он не может этого. Аист этого не может. Знаешь, почему? Чтобы люди этого сначала не видели, и чтобы сразу, когда наступит утро, девочка уже была тут»[1]).

Я: «Но тогда тебе было очень интересно знать, как аист это сделал?»

Ганс: «О, да!»

Я: «А как выглядела Анна, когда она пришла?»

Ганс (неискренно): «Совсем белая и миленькая, как золотая».

Я: «Но когда ты увидел ее в первый раз, она же тебе не понравилась?»

Ганс: «О, очень!»

Я: «Ведь ты был поражен, что она такая маленькая?»

Ганс: «Да».

Я: «Как велика была она?»

Ганс: «Как молодой аист».

Я: «А еще как что? Может-быть, как Lumpf?»

Ганс: «О нет, Lumpf много больше,— капельку меньше, чем Анна теперь».

Я уже раньше говорил отцу, что фобия Ганса может быть сведена к мыслям и желаниям, связанным с рождением сестренки. Но я упустил обратить его внимание на то, что по инфантильной сексуальной теории ребенок — это Lumpf, так что Ганс должен пройти и через экскрементальный комплекс. Вследствие этого моего упущения и произошло временное затемнение лечения. Теперь после сделанного разъяснения отец попытался выслушать вторично Ганса по поводу этого важного пункта.

«На следующий день я велю ему рассказать еще раз вчерашнюю историю. Ганс рассказывает: «Анна поехала в Гмунден в большом ящике, мама в купэ, а Анна в товарном поезде с ящиком, и когда мы приехали в Гмунден, я и мама вынули Анну и посадили на лошадь. Кучер сидел на козлах, а у Анны был прошлогодний кнут; она стегала лошадь и все кричала — но-но, и это было ужасно весело, а кучер тоже стегал лошадь.— Кучер вовсе не стегал, потому что кнут был у Анны.— Кучер держал вожжи, и Анна держала вожжи, мы каждый раз с вокзала ездили до-

[1]) Непоследовательность Ганса не должна нас останавливать. В предыдущем разговоре из его сферы бессознательного выявилось его недоверие к басне об аисте, связанное с чувством горечи по отношению к делающему из этого тайну отцу. Теперь он спокойнее и отвечает официальными соображениями, при помощи которых он кое-как мог себе выяснить столь трудную гипотезу об аисте.

мой в экипаже (Ганс старается здесь согласовать действительность с фантазией). В Гмундене мы сняли Анну с лошади, и она сама пошла по лестнице».

«Когда Анна в прошлом году жила в Гмундене, ей было всего 8 месяцев. Годом раньше, в период, на который, повидимому, направлена фантазия Ганса, ко времени приезда в Гмунден, жена находилась в конце 5-го месяца беременности».

Я: «Ведь в прошлом году Анна была уже на свете?»

Ганс: «В прошлом году она ездила в коляске, но годом раньше, когда уже она у нас была на свете...»

Я: «Анна уже была у нас?»

Ганс: «Да, ведь ты же всегда ездил со мной в лодке, и Анна прислуживала тебе».

Я: «Но ведь это происходило не в прошлом году. Анны тогда еще не было вовсе на свете».

Ганс: «Да, тогда уже она была на свете. Когда она ехала в ящике, она уже могла ходить и говорить: «Анна».

«(Она научилась этому только 4 месяца тому назад)».

Я: «Но ее тогда ведь не было еще у нас».

Ганс: «О да, тогда она все-таки была у аиста».

Я: «А сколько лет Анне?»

Ганс: «Осенью ей будет два года; Анна была тогда, ведь ты это знаешь».

Я: «А когда же она была у аиста в аистином ящике?»

Ганс: «Уже давно, еще до того, как она ехала в ящике. Уже очень давно».

Я: «А когда Анна научилась ходить? Когда она была в Гмундене, она ведь еще не умела ходить».

Ганс: «В прошлом году — нет, а то умела».

Я: «Но Анна только раз была в Гмундене».

Ганс: «Нет! Она была два раза; да, это верно. Я это очень хорошо помню. Спроси только маму, она тебе это уже скажет».

Я: «Ведь это уже неверно».

Ганс: «Да, это верно. Когда она в первый раз была в Гмундене, она могла уже ходить и ездить верхом, а уже позже нужно было ее нести. — Нет, она только позже ездила верхом, а в прошлом году ее нужно было нести».

Я: «Но она ведь только недавно начала ходить. В Гмундене она еще не умела ходить».

Ганс: «Да, запиши себе только. Я могу очень хорошо вспомнить. — Почему ты смеешься?»

Я: «Потому, что ты плут; ты очень хорошо знаешь, что Анна была только раз в Гмундене».

Ганс: «Нет, это неверно. В первый раз она ездила верхом на лошади..., а во второй раз (повидимому, начинает терять уверенность)».

Я: «Быть-может, мама была лошадью?»

Ганс: «Нет, на настоящей лошади в одноконном экипаже».

Я: «Но мы ведь всегда ездили на паре».

Ганс: «Тогда это был извозчичий экипаж»

Я: «Что Анна ела в ящике?»

Ганс: «Ей дали туда бутерброд, селедку и редиску (Гмунденовский ужин), и так как Анна ехала, она намазала себе бутерброд и 50 раз ела».

Я: «И она не кричала?»

Ганс: «Нет».

Я: «Что же она делала?»

Ганс: «Сидела там совершенно спокойно».

Я: «И не стучала?»

Ганс: «Нет, она все время ела и ни разу даже не пошевелилась. Она выпила два больших горшка кофе — до утра ничего не осталось, а весь сор она оставила в ящике и листья от редиски, и ножик, она все это прибрала, как заяц, и в одну минуту была уже готова. Вот была спешка! Я даже сам с Анной ехал в ящике, и я в ящике спал всю ночь (мы на самом деле года 2 назад ночью ездили в Гмунден), а мама ехала в купэ; мы все время ели и в вагоне, это было очень весело... — Она вовсе не ехала верхом на лошади (он теперь уже колеблется, так как он знает, что мы ехали в парном экипаже)... она сидела в экипаже. Это уже верно, но я ехал совсем один с Анной... мама ехала верхом на лошади, а Каролина (прошлогодняя прислуга) ехала на другой... Слушай, все, что я тебе тут рассказываю, все неверно».

Я: «Что неверно?»

Ганс: «Все не так. Послушай. Мы посадим ее и меня в ящик[1]), а я в ящике сделаю wiwi. И я сделаю wiwi в панталоны, мне это все равно, это совсем не стыдно. Слушай, это серьезно, а все-таки очень весело!»

---

[1]) Ящик для Гмунденовского багажа, который стоит в передней.

«Затем он рассказывает, как вчера, историю о приходе анста, но не говорит, что анст при уходе взял шляпу».

Я: «Где же у анста был ключ от дверей?»

Ганс: «В кармане».

Я: «А где у анста карман?»

Ганс: «В клюве».

Я: «В клюве? Я еще не видел ни одного анста с ключом в клюве».

Ганс: «А как же он мог войти? Как входит аист в двери? Это неверно, я ошибся, анст позвонил, и кто-то ему открыл дверь».

Я: «Как же он звонит?»

Ганс: «В звонок».

Я: «Как он это делает?»

Ганс: «Он берет клюв и нажимает им звонок».

Я: «И он опять запер дверь?»

Ганс: «Нет, прислуга ее заперла. Она уже проснулась. Она отперла ему дверь и заперла».

Я: «Где живет анст?»

Ганс: «Где? В ящике, где он держит девочек. Может-быть, в Шенбрунне».

Я: «Я в Шенбрунне не видел никакого ящика».

Ганс: «Он, вероятно, находится где-то подальше. — Знаешь, как анст открывает ящик? Он берет клюв — в ящике есть замок — и одной половинкой его так открывает (демонстрирует это мне на замке письменного стола). Тут есть и ручка».

Я: «Разве такая девочка не слишком тяжела для анста?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Послушай, не похож ли омнибус на ящик анста?»

Ганс: «Да!»

Я: «И мебельный фургон?»

Ганс: «Гадкий фургон — тоже».

«17 апреля. Вчера Ганс исполнил свое давнишнее намерение и пошел во двор, находящийся против нашего дома. Сегодня он этого уже не хотел сделать, потому что как раз против ворот у платформы стоял воз. Он сказал мне: «Когда там стоит воз, я боюсь, что я стану дразнить лошадей, они упадут и произведут ногами шум».

Я: «А как дразнят лошадей?»

Ганс: «Когда их ругают, тогда дразнят их, и когда им кричат но-но» [1]).

Я: «Ты дразнил уже лошадей?»

Ганс: «Да, уже часто. Я боюсь, что я это сделаю, но это не так».

Я: «В Гмундене ты уже дразнил лошадей?»

Ганс: «Нет».

Я: «Но ты охотно дразнишь лошадей?»

Ганс: «Да, очень охотно».

Я: «Тебе хотелось и стегнуть их кнутом?»

Ганс: «Да».

Я: «Тебе хотелось бы так бить лошадей, как мама бьет Анну? Ведь тебе это тоже приятно?»

Ганс: «Лошадям это не вредно, когда их бьют. (Я так ему говорил в свое время, чтобы умерить его страх перед битьем лошадей). Я это однажды на самом деле сделал. Я один раз имел кнут и ударил лошадь, она упала и произвела ногами шум».

Я: «Когда?»

Ганс: «В Гмундене».

Я: «Настоящую лошадь? Запряженную в экипаж?»

Ганс: «Она была без экипажа».

Я: «Где же она была?»

Ганс: «Я ее держал, чтобы она не убежала. (Все это, конечно, весьма неверонтно)».

Я: «Где это было?»

Ганс: «У источника».

Я: «Кто же тебе это позволил? Разве кучер ее там оставил?»

Ганс: «Ну, лошадь из конюшни».

Я: «Как же она пришла к источнику?»

Ганс: «Я ее привел».

Я: «Откуда? Из конюшни?»

Ганс: «Я ее вывел потому, что я хотел ее побить».

Я: «Разве в конюшне никого не было?»

Ганс: «О да, Людвиг (кучер в Гмундене)».

Я: «Он это тебе позволил?»

Ганс: «Я с ним ласково поговорил, и он сказал, что я могу это сделать».

Я: «А что ты ему сказал?»

---

[1]) Часто, когда кучера били и понукали лошадей, на него находил большой страх.

Ганс: «Можно ли мне взять лошадь, бить ее и кричать? А он сказал — да».

Я: «А ты ее много бил?»

Ганс: «Все, что я тебе тут рассказывал, совсем неверно».

Я: «А что же из этого верно?»

Ганс: «Ничего не верно. Я тебе все это рассказал только в шутку».

Я: «Ты ни разу не вел лошадь из конюшни?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Но тебе этого хотелось?»

Ганс: «Конечно, хотелось. Я об этом думал».

Я: «В Гмундене?»

Ганс: «Нет, только здесь. Я уже об этом думал рано утром, когда я только-что оделся; нет, еще в постели».

Я: «Почему же ты об этом мне никогда не рассказывал?»

Ганс: «Я об этом не подумал».

Я: «Ты думал об этом, потому что видел это на улицах?»

Ганс: «Да!»

Я: «Кого собственно тебе хотелось бы ударить — маму, Анну или меня?»

Ганс: «Маму».

Я: «Почему?»

Ганс: «Вот ее я хотел бы побить».

Я: «Когда же ты видел, что кто-нибудь бьет маму?»

Ганс: «Я этого еще никогда не видел, во всей моей жизни».

Я: «И ты все-таки хотел бы это сделать. Как бы ты это хотел сделать?»

Ганс: «Выбивалкой». (Мама часто грозит ему побить его выбивалкой).

«На сегодня я должен был прекратить разговор».

«На улице Ганс разъясняет мне: омнибусы, мебельные, угольные возы — все это аистины ящики».

Это должно означать — беременные женщины. Садистический порыв непосредственно перед разговором находится, вероятно, в связи с нашей темой.

«21 апреля. Сегодня утром Ганс рассказывает, что он себе подумал: «Поезд был в Лайнце, и я поехал с Лайнцской бабушкой в таможню. Ты еще не сошел с моста, а второй поезд был уже

в Сан-Вайт. Когда ты сошел, поезд уже пришел, и тут мы вошли в вагон».

«(Вчера Ганс был в Лайнце. Чтобы войти на перрон, нужно пройти через мост. С перрона вдоль рельсов видна дорога до самой станции Сан-Вайт. Здесь дело не совсем ясно. Вероятно, вначале Ганс представлял себе, что он уехал с первым поездом, на который я опоздал. Потом пришел с полустанка Сан-Вайт другой поезд, на котором я и поехал. Он изменил часть этой фантазии бегства, и у него вышло, что мы оба уехали со вторым поездом.

Эта фантазия стоит в связи с последней неистолкованной, по которой мы в Гмундене потратили слишком много времени на переодевание в вагоне, пока поезд не ушел оттуда)».

«После обеда — мы перед домом. Ганс вбегает внезапно в дом, когда проезжает парный экипаж, в котором я не могу заметить ничего необыкновенного. Я спрашиваю его, что с ним. Он говорит: «Я боюсь, потому что лошади так горды, что они упадут» (лошади были сдерживаемы на вожжах кучером и шли мелким шагом с поднятою головой, — они, действительно, шли «гордо»)».

«Я спрашиваю его, кто, собственно, так горд».

Он: «Ты, когда я иду к маме в кровать».

Я: «Ты, значит, хотел бы, чтобы я упал?»

Он: «Да, чтобы ты голый (он думает: босой, как в свое время Фриц) ушибся о камень, чтобы потекла кровь; по крайней мере я смогу хоть немножко побыть с мамой наедине. Когда ты взойдешь в квартиру, я могу скоро убежать, чтобы ты этого не видел».

Я: «Ты можешь вспомнить, кто ушибся о камень?»

Он: «Да, Фриц».

Я: «Что ты подумал, когда упал Фриц?» [1])

Он: «Чтобы ты споткнулся о камень и упал».

Я: «Тебе, значит, сильно хотелось к маме?»

Он: «Да!»

Я: «А почему я собственно ругаюсь?»

Он: «Этого я не знаю (!!)».

Я: «Почему?»

Он: «Потому что ты ревнуешь».

Я: «Ведь это неправда».

Он: «Да, это правда, ты ревнуешь, я это знаю. Это, должно быть, верно».

---

[1]) Значит, Фриц действительно упал, — что в свое время отрицал Ганс.

«Повидимому, моэ объяснение, что только маленькие мальчики приходят к маме в кровать, а большие спят в собственной кровати, мало импонировало ему».

«Я подозреваю, что желание «дразнить» лошадь, бить и кричать на нее относится не к маме, как он говорил, а ко мне. Он тогда указал на мать, потому что не решился мне сознаться в другом. В последние дни он особенно нежен по отношению ко мне».

С чувством превосходства, которое так легко приобретается «потом», мы можем внести поправку в предположения отца, указавши, что желание Ганса «дразнить» лошадь двойное и составилось из неясного садистического порыва по отношению к матери и ясного желания мести по отношению к отцу. Последнее не могло быть репродуцировано раньше, чем в связи с комплексом беременности не наступила очередь первого. При образовании фобии из бессознательных мыслей происходит процесс сгущения; поэтому путь психоанализа никогда не может повторить путь развития невроза.

«22 апреля. Сегодня утром Ганс опять «что-то подумал»: «Один уличный мальчишка ехал в вагончике; пришел кондуктор, раздел мальчишку донага и оставил его там до утра, а утром мальчик заплатил кондуктору 5000 гульденов, чтобы тот позволил ему ехать в этом вагончике».

«(Против нас проходит Северная железная дорога. На запасном пути стоит дрезина. Ганс видел, как мальчишка на ней катался, и ему самому хотелось прокатиться на ней. Я ему сказал, что этого нельзя делать, а то придет кондуктор. Второй элемент фантазии — вытесненное желание обнажиться)».

Мы замечаем уже несколько времени, что фантазия Ганса работает «под знаком способов передвижения» и с известной последовательностью идет от лошади, которая тащит воз, к железной дороге. Так ко всякой боязни улиц со временем присоединяется страх перед ездой по железной дороге.

«Днем я узнаю, что Ганс все утро играл с резиновой куклой, которую он называл Гретой. Через отверстие, в которое раньше был вделан свисток, он воткнул в середину маленький перочинный ножик, а затем для того, чтобы ножик выпал из куклы, оторвал ей ноги. Няне он сказал, указывая на соответствующее место: «Смотри, здесь Wiwimacher!»

Я: «Во что ты сегодня играл с куклой?»

Он: «Я оторвал ей ноги, знаешь, почему? потому что внутри был ножичек, который принадлежал маме. Я всунул его туда, где пуговка пищит, а потом я вырвал ноги, и оттуда ножик и выпал».

Я: «Зачем же ты разодрал ноги? Чтобы ты мог видеть Wiwimacher?»

Он: «Он и раньше там был, так что я его мог видеть».

Я: «А зачем же ты всунул нож?»

Он: «Не знаю».

Я: «А как выглядит ножичек?»

«Он приносит мне его».

Я: «Ты думал, что это, быть может, маленький ребенок?»

Он: «Нет, я ничего не думал, но мне кажется, что аист или кто другой однажды получил маленького ребенка».

Я: «Когда?»

Он: «Однажды. Я об этом слышал, или я вовсе не слышал, или я заговорился».

Я: «Что значит заговорился?»

Он: «Это неверно».

Я: «Все, что ни говорят, немножко верно».

Он: «Ну да, немножко».

Я (меняя тему): «Как по-твоему появляются на свет цыплята?»

Он: «Аист выращивает их, нет, боженька».

«Я объясняю ему, что курицы несут яйца, а из яиц выходят цыплята».

«Ганс смеется».

Я: «Почему ты смеешься?»

Ганс: «Потому что мне нравится то, что ты рассказываешь».

«Он говорит, что он уже это видел».

Я: «Где же?»

Он: «У тебя».

Я: «Где же я нес яйца?»

Ганс: «В Гмундене ты положил яйцо в траву и тут вдруг выскочил цыпленок. Ты однажды положил яйцо, — это я знаю, я знаю это совершенно точно, потому что мне это мама рассказывала».

Я: «Я спрошу маму, правда ли это?»

Ганс: «Это совсем неверно, но я уже раз положил яйцо, и оттуда выскочила курочка».

Я: «Где?»

Ганс: «В Гмундене, я лег в траву, нет, стал на колени, и дети тут совсем не смотрели, а на утро я рассказал им: «Ищите, дети, я вчера положил яйцо». И тут они вдруг посмотрели и вдруг нашли яйцо, и тут из него вышел маленький Ганс. Чего же ты смеешься? Мама этого не знает, и Каролина этого не знает, потому что никто не смотрел, а я вдруг положил яйцо, и вдруг оно там оказалось. Верно. Папа, когда вырастает курочка из яйца? Когда его оставляют в покое? Можно его есть?»

«Я объясняю ему это».

Ганс: «Ну да, оставим его у курицы, тогда вырастет цыпленок. Упакуем его в ящик и отправим в Гмунден».

Ганс смелым приемом захватил в свои руки ведение анализа, так как родители медлили с давно уместными разъяснениями, и в блестящей форме симптомного действия показал: Видите, таким образом я представляю себе рождение.

То, что он рассказывал няне о смысле его игры с куклой, было неискренне, а перед отцом он это прямо отрицает и говорит, что он только хотел видеть Wiwimacher. После того, как отец в виде уступки рассказал о происхождении цыплят из яиц, его неудовлетворенность, недоверие и имеющиеся знания соединяются в великолепную насмешку, которая в последних словах содержит уже определенный намек на рождение сестры.

Я: «Во что ты играл с куклой?»

Ганс: «Я говорил ей: Грета».

Я: «Почему?»

Ганс: «Потому что я говорил Грета».

Я: «Кого же изображал ты?»

Ганс: «Я ее няньчил, как настоящего ребенка».

Я: «Хотелось бы тебе иметь маленькую девочку?»

Ганс: «О, да. Почему нет? Я бы хотел иметь, но маме не надо иметь, я этого не хочу».

«(Так он уже часто говорил. Он боится, что третий ребенок еще больше сократит его права)».

Я: «Ведь только у женщины бывают дети».

Ганс: «У меня будет девочка».

Я: «Откуда же ты ее получишь?»

Ганс: «Ну, от аиста. Он вынет девочку, положит девочку в яйцо, а из яйца тогда выйдет еще одна Анна, еще одна Анна. А из Анны еще будет одна Анна. Нет, выйдет только одна Анна».

Я: «Тебе бы очень хотелось иметь девочку?»

Ганс: «Да, в будущем году у меня появится одна, которая тоже будет называться Анна».

Я: «Почему же мама не должна иметь девочки?»

Ганс: «Потому что я хочу иметь девочку».

Я: «Но у тебя же не может быть девочки».

Ганс: «О, да, мальчик получает девочку, а девочка получает мальчика» [1]).

Я: «У мальчика не бывает детей. Дети бывают только у женщин, у мам».

Ганс: «Почему не у меня?»

Я: «Потому что так это устроил господь бог».

Ганс: «Почему у тебя не может быть ребенка? О, да, у тебя уже будет, подожди только».

Я: «Долго мне придется ждать?»

Ганс: «Ведь я принадлежу тебе?»

Я: «Но на свет принесла тебя мама. Значит, ты принадлежишь маме и мне».

Ганс: «А Анна принадлежит мне или маме?»

Я: «Маме».

Ганс: «Нет, мне. А почему не мне и маме?»

Я: «Анна принадлежит мне, маме и тебе».

Ганс: «Разве вот так!»

Естественно, что ребенку недостает существенной части в понимании сексуальных отношений до тех пор, пока для него остается неоткрытым женский половой орган.

«24 апреля мне и моей жене удается разъяснить Гансу, что дети вырастают в самой маме, и потом они при сильных болях, с помощью напряжения, как Lumpf, выходят на свет».

«После обеда мы сидим перед домом. У него наступило уже заметное облегчение,— он бежит за экипажами, и только то обстоятельство, что он не решается отойти далеко от ворот или пойти далеко гулять, указывает на остатки страха».

---

[1]) Опять отрывок детской сексуальной теории с неожиданным смыслом.

«25 апреля Ганс налетает на меня и ударяет головой в живот, что случилось один раз и раньше. Я спрашиваю его, не коза ли он. Он говорит: «Нет, баран». — Где он видел барана?

Он: «В Гмундене. У Фрица был баран». (Фриц имел для игры маленькую живую овцу).

Я: «Расскажи мне об овечке, что она делала?»

Ганс: «Знаешь, фрейлен Мицци (учительница, которая жила в доме) сажала всегда Анну на овечку, так что овечка не могла встать и не могла бодаться. А когда от нее отходят, она бодается, потому что у нее есть рожки. Вот Фриц водит ее на веревочке и привязывает к дереву. Он всегда привязывает ее к дереву».

Я: «А тебя овечка боднула?»

Ганс: «Она вскочила на меня; Фриц меня однажды подвел. Я раз подошел к ней и ничего не знал, а она вдруг на меня вскочила. Это было очень весело — я не испугался».

Я: «Это, вероятно, неправда?»

Я: «Ты папу любишь?»

Ганс: «О, да».

Я: «А, может быть, и нет?»

(Ганс играет с маленькой лошадкой. В этот момент лошадка падает. Он кричит: Упала лошадка! Смотри, какой шум она делает!)

Я: «Ты немножко злишься на папу за то, что мама его любит».

Ганс: «Нет».

Я: «Почему же ты так всегда плачешь, когда мама целует меня? Потому что ты ревнив».

Ганс: «Да, пожалуй».

Я: «Тебе бы, небось, хотелось быть папой?»

Ганс: «О, да».

Я: «А что бы ты захотел сделать, если бы ты был папой?»

Ганс: «А ты Гансом? Я бы тогда возил тебя каждое воскресенье в Лайнц, нет каждый будний день. Если бы я был папой, я был бы совсем хорошим».

Я: «А что бы ты делал с мамой?»

Ганс: «Я брал бы ее тоже в Лайнц».

Я: «А что еще?»

Ганс: «Ничего».

Я: «А почему же ты ревнуешь?»

Ганс: «Я этого не знаю».

Я: «А в Гмундене ты тоже ревновал?»

Ганс: «В Гмундене нет (это неправда). В Гмундене я имел свои вещи, сад и детей».

Я: «Ты можешь вспомнить, как у коровы родился теленок?»

Ганс: «О, да. Он приехал туда в тележке». (Это, наверно, ему рассказали в Гмундене. И здесь — удар теории об аисте). «А другая корова выжала его из своего зада». (Это уже результат разъяснения, которое он хочет привести в соответствие с «теорией о тележке»).

Я: «Ведь это неправда, что он приехал в тележке, ведь он вышел из коровы, которая была в стойле».

«Ганс, оспаривая это, говорит, что он утром видел тележку. Я обращаю его внимание на то, что ему, вероятно, рассказывали, что теленок прибыл в тележке. В конце концов он допускает это: «Мне, вероятно, это рассказывала Берта, или нет, или, может быть, хозяин. Он был при этом, и это ведь было ночью, — значит, это все так, как я тебе говорю, или, кажется, мне про это никто не говорил, а я думал об этом ночью».

«Если я не ошибаюсь, теленка увезли в тележке; отсюда и путанница».

Я: «Почему ты не думал, что аист принес его?»

Ганс: «Я этого не хотел думать».

Я: «Но ведь ты думал, что аист принес Анну?»

Ганс: «В то утро (родов) я так и думал. Папа, а г-н R (хозяин) был при том, как теленок вышел из коровы?» [1]).

Я: «Не знаю, а ты как думаешь?»

Ганс: «Я уже верю... Папа, ты часто видел у лошади что-то черное вокруг рта?»

Я: «Я это уже много раз видел на улице в Гмундене» [2]).

Я: «В Гмундене ты часто бывал в кровати у матери?»

Ганс: «Да!»

Я: «И ты воображал, что ты папа?»

Ганс: «Да!»

Я: «И тогда у тебя был страх перед папою?»

Ганс: «Ведь ты все знаешь, я ничего не знал».

Я: «Когда Фриц упал, ты думал: «если бы так папа упал», и когда овечка тебя боднула, ты думал: «если бы она папу боднула».

[1]) Ганс, имеющий основание относиться недоверчиво к показаниям взрослых, теперь соображает, не заслуживает ли хозяин большего доверия, чем отец.

[2]) Связь здесь следующая: по поводу черного рта лошади отец долго не хотел ему верить, пока, наконец, истина не выяснилась.

Ты можешь вспомнить о похоронах в Гмундене? (Первые похороны, которые видел Ганс. Он о них часто вспоминает)». (Несомненное покрывающее воспоминание).

Ганс: «Да, а что там было?»

Я: «Ты думал тогда, что если бы умер папа, ты был бы на его месте».

Ганс: «Да!»

Я: «Перед какими возами ты собственно еще испытываешь страх?»

Ганс: «Перед всеми».

Я: «Ведь это неправда?»

Ганс: «Перед пролетками и одноконными экипажами я страха не испытываю. Перед омнибусами и вьючными возами только тогда, когда они нагружены, а когда они пусты, я не боюсь. Когда воз нагружен доверху, и при нем одна лошадь, я боюсь, а когда он нагружен, и впряжены две лошади — я не боюсь».

Я: «Ты испытываешь страх перед омнибусами, потому что на них много людей?»

Ганс: «Потому что на крыше так много поклажи».

Я: «А мама, когда она получила Анну, была тоже нагружена?»

Ганс: «Мама будет опять нагружена, когда она опять получит ребенка, пока опять один вырастет, и пока опять один будет там, внутри».

Я: «А тебе бы этого хотелось?»

Ганс: «Да!»

Я: «Ты говорил, что не хочешь, чтобы мама получила еще одного младенца».

Ганс: «Тогда она больше не будет нагружена. Мама говорила, что когда она больше не захочет, то и бог этого не захочет. (Понятно, что Ганс вчера уже спрашивал, нет ли в маме еще детей. Я ему сказал, что нет, и что, если господь не захочет, в ней не будут расти дети)».

Ганс: «Но мне мама говорила, что когда она не захочет, больше у нее не вырастет детей, а ты говоришь, когда бог не захочет».

«Я ему сказал, что это именно так, как я говорю, на что он заметил: «Ведь ты был при этом и знаешь это, наверно, лучше». Он допросил и мать, и та примирила оба показания, сказавши, что когда она не захочет, то и бог не захочет» [1]).

---

[1]) Ce que femme veut, dieu le veut. Умный Ганс и здесь додумался до очень серьезной проблемы.

Я: «Мне кажется, что ты все-таки хотел бы, чтобы у мамы был ребенок?»

Ганс: «А иметь его я не хочу».

Я: «Но ты этого желаешь?»

Ганс: «Пожалуй, желаю».

Я: «Знаешь, почему? Потому что тебе хотелось бы быть папой».

Ганс: «Да... Как эта история?»

Я: «Какая история?»

Ганс: «У папы не бывает детей, а как же бывает, когда я хотел бы быть папой?»

Я: «Ты хотел бы быть папой и женатым на маме, хотел бы быть таким большим, как я, иметь такие же усы, как у меня, и ты хотел бы, чтобы у мамы был ребенок».

Ганс: «Папа, когда я буду женатым, у меня будет ребенок, когда я женюсь на маме и не захочу иметь ребенка, то и бог не захочет».

Я: «А тебе хотелось бы быть женатым на маме?»

Ганс: «О, да».

Здесь ясно видно, как в фантазии еще портится радость благодаря неуверенности в роли отца и вследствие сомнений в том, от кого зависит деторождение.

«Вечером в тот же день Ганс, когда его укладывают в постель, говорит мне: «Послушай, знаешь, что я теперь делаю? Я теперь до 10 часов еще буду разговаривать с Гретой, она у меня в кровати. Мои дети всегда у меня в кровати. Ты мне можешь сказать, что это означает?» — Так как он уже совсем сонный, я обещаю ему записать это завтра, и он засыпает».

Из прежних записей видно, что Ганс со времени возвращения из Гмундена всегда фантазирует о своих «детях», ведет с ними разговоры и т. д.» [1]).

«26 апреля я его спрашиваю, почему он всегда говорит о своих детях».

Ганс: «Почему? Потому что мне так хочется иметь

---

[1]) Нет нужды видеть здесь, в этой страсти к обладанию детьми, женскую черту. Так как он самые счастливые переживания получал у матери в качестве ребенка, он теперь возобновляет их в активной роли, при чем он сам изображает мать.

детей, но я этого не хочу, мне не хотелось бы их иметь» [1]).

Я: «Ты всегда так себе представлял, что Берта, Ольга и т. д. твои дети?»

Ганс: «Да, Франц, Фриц, Поль (его товарищ в Лайнце) и Лоди» (вымышленное имя, его любимица, о которой он чаще всего говорит). — Я отмечаю здесь, что эта Лоди появилась не только в последние дни, но существует со дня последнего разъяснения (24 апреля)».

Я: «Кто это Лоди? Она живет в Гмундене?»

Ганс: «Нет».

Я: «А существует на самом деле эта Лоди?»

Ганс: «Да, я знаю ее».

Я: «Которую?»

Ганс: «Ту, которую я имею».

Я: «Как она выглядит?»

Ганс: «Как? Черные глаза, черные волосы; я ее однажды встретил с Марикой (в Гмундене), когда я шел в город».

«Когда я хочу узнать подробности, оказывается, что все это выдумано» [2]).

Я: «Значит, ты думал, что ты мама?»

Ганс: «Я, действительно, и был мамой».

Я: «Что же ты, собственно, делал с детьми».

Ганс «Я их клал к себе спать, мальчиков и девочек».

Я: «Каждый день?»

Ганс: «Ну, конечно».

Я: «Ты разговаривал с ними?»

Ганс: «Когда не все дети влезали в постель, я некоторых клал на диван, а некоторых в детскую коляску, а когда еще оставались дети, я их нес на чердак и клал в ящик; там еще были дети, и я их уложил в другой ящик».

Я: «Значит, аистины ящики стояли на чердаке?»

Ганс: «Да».

Я: «Когда у тебя появились дети, Анна была уже на свете?»

---

[1]) Это столь удивительное противоречие — то же, что и между фантазией и действительностью, «желать» и «иметь». Он знает, что в действительности он ребенок, и другие дети мешали бы ему, а в своей фантазии он — мать, и ему нужны дети, чтобы иметь возможность повторить на них пережитые им ласки.

[2]) Возможно, что Ганс случайно встреченную девочку возвел в идеал, который, впрочем, по цвету глаз и волос уподобил матери.

Ганс: «Да, уже давно».

Я: «А как ты думал, от кого ты получил этих детей?»

Ганс: «Ну, от меня» [1]).

Я: «Ведь тогда ты еще не знал, что дети рождаются кем-нибудь».

Ганс: «Я думал, что их принес аист». (Очевидно, ложь и увертка [2]).

Я: «Вчера у тебя была Грета, но ты ведь знаешь, что мальчик не может иметь детей».

Ганс: «Ну да, но я все-таки в это верю».

Я: «Как тебе пришло в голову имя Лоди? Ведь так ни одну девочку не зовут. Может-быть, Лотти?»

Ганс: «О нет, Лоди. Я не знаю, но ведь это все-таки красивое имя».

Я (шутя): «Может-быть, ты думаешь Шоколоди?»

Ганс (сейчас же): «Saffalodi [3])... потому что я так люблю есть колбасу и салами».

Я: «Послушай, не выглядит ли Saffalodi, как Lumpf».

Ганс: «Да!»

Я: «А как выглядит Lumpf?»

Ганс: «Черным. Как это и это (показывает на мои брови и усы)».

Я: «А как еще, круглый как Saffalodi?»

Ганс: «Да».

Я: «Когда ты сидел на горшке, и когда выходил Lumpf, ты думал, что у тебя появляется ребенок?»

Ганс (смеясь): «Да, на ** улице и здесь».

Я: «Ты знаешь, как падали лошади, везущие омнибус. Ведь воз выглядит, как детский ящик, и когда черная лошадь падала, то это было так...»

Ганс (дополняет): «Как когда имеют детей».

Я: «А что ты думал, когда она начала топать ногами».

Ганс: «Ну, когда я не хочу сесть на горшочек, а лучше хочу играть, я так топаю ногами. (Тут же он топает ногой)».

«При этом он интересуется тем, охотно или неохотно имеют детей».

---

[1]) Иначе Ганс и не может ответить, как с точки зрения автоэротизма.

[2]) Это — дети фантазии — мастурбаторных ощущений.

[3]) Saffaladi — цервелатная колбаса. Моя жена иногда рассказывает, что ее тетка говорила всегда Soffilodi. Ганс, быть-может, слышал это.

«Ганс сегодня все время играет в багажные ящики, нагружает их и разгружает, хочет иметь игрушечный воз с такими ящиками. Во дворе таможни его больше всего интересовали нагрузка и разгрузка возов. Он и пугался больше всего в тот момент, когда нагруженный воз должен был отъехать: «Лошади упадут!» Двери таможни он называл «дырами» (Loch) (первая, вторая, третья... дыра). Теперь он говорит Podlloch (anus).

«Страх почти совершенно прошел. Ганс старается только оставаться вблизи дома, чтобы иметь возможность вернуться в случае страха. Но он больше не вбегает в дом и все время остается на улице. Его болезнь, как известно, началась с того, что он плача вернулся с прогулки, и когда его вторично заставили итти гулять, он дошел только до городской станции «Таможня», с которой виден еще наш дом. Во время родов жены он, конечно, был удален от нее, и теперешний страх, мешающий ему удалиться от дома, соответствует тогдашней тоске по матери».

«30 апреля. Так как Ганс опять играет со своими воображаемыми детьми, я говорю ему: «Как, дети твои все еще живут? Ведь ты знаешь, что у мальчика не бывает детей».

Ганс: «Я знаю это. Прежде я был мамой, а т е п е р ь я п а п а».

Я: «А кто мать этих детей?»

Ганс: «Ну, мама, а ты дедушка».

Я: «Значит, ты хотел бы быть взрослым, как я, женатым на маме, и чтобы у нее были дети?»

Ганс: «Да, мне хотелось бы, а та из Лайнца (моя мать) тогда будет бабушкой».

Все выходит хорошо. Маленький Эдип нашел более счастливое разрешение, чем это предписано судьбой. Он желает отцу, вместо того, чтобы устранить его, того же счастья, что он требует и для себя; он производит отца в дедушки и женит и его на его собственной матери.

«1 мая. Ганс днем приходит ко мне и говорит: «Знаешь, что? Напишем кое-что для профессора».

Я: «А что?»

Ганс: «Перед обедом я со всеми своими детьми был в клозете. Сначала я делал Lumpf и wiwi, а они смотрели. Потом я их посадил, они делали Lumpf и wiwi, а я их вытер бумажкой. Знаешь, почему? Потому что мне очень хотелось бы иметь детей; я бы делал с ними все, что делают с маленькими детьми, водил бы их в клозет, обмывал и подтирал бы их, все, что делают с детьми».

После признания в этой фантазии вряд ли можно еще сомневаться в удовольствии, которое связано у Ганса с экскрементальными функциями.

«После обеда он в первый раз решается пойти в городской парк. По случаю 1-го мая на улице меньше, чем обычно, но все же достаточно экипажей, которые на него до сих пор наводили страх. Он гордится своей способностью, и я должен с ним вечером еще раз пойти в городской парк. На пути мы встречаем омнибус, который он мне указывает: смотри, вот воз, воз аистиного ящика! Когда он утром идет со мной опять в парк, он ведет себя так, что его болезнь можно считать излеченной.

«2 мая Ганс рано утром приходит ко мне: «Слушай, я сегодня что-то думал». Сначала он это забыл, а потом рассказывает мне со значительным сопротивлением: «П р и ш е л в о д о п р о в о д ч и к и с н а ч а л а к л е щ а м и о т н я л у м е н я м о й з а д, д а л м н е д р у г о й, а п о т о м и д р у г о й W i w i m a c h e r. Он сказал мне: «Покажи мне зад», и я должен был повернуться, а потом он мне сказал: «Покажи мне Wiwimacher».

Отец улавливает смысл этой фантазии-желания и ни минуты не сомневается в единственно допустимом толковании.

Я: «Он дал тебе б о л ь ш и й Wiwimacher и б о л ь ш и й зад».

Ганс: «Да!»

Я: «Как у папы, потому что ты очень хотел бы быть папой?»

Ганс: «Да, и мне хотелось бы иметь такие же усы, как у тебя, и такие же волосы (показывает волосы на моей груди)».

«Толкование недавно рассказанной фантазии — водопроводчик пришел и отвинтил ванну, а потом воткнул мне бурав в живот — сводится теперь к следующему. Большая ванна обозначает зад. Бурав или отвертка, как это и тогда указывалось, — Wiwimacher [1]). Эти фантазии идентичны. Тут открывается также новый доступ к страху Ганса перед большой ванною. Ему неприятно, что его зад слишком мал для большой ванны».

---

[1]) Может быть, следует прибавить, что слово «бурав» имеет отношение к слову «родить» (Bohrer — geboren, Geburt). Ребенок не различает gebohrt от geboren. Я принимаю это предположение, высказанное опытным коллегой, но сомневаюсь, имеем ли мы здесь дело с глубокой общей связью или только с использованием случайного созвучья в немецком языке. И Прометей (Прамантха)—создатель людей —этимологически соответствует бураву. Ср. Abraham: Traum und Mythus.

В следующие дни мать несколько раз обращается ко мне с выражением своей радости по поводу выздоровления мальчика.

Дополнение, сделанное отцом спустя неделю:

«Уважаемый профессор! Я хотел бы дополнить историю болезни Ганса еще нижеследующим.

«1. Ремиссия после первого разъяснения не была настолько совершенна, насколько я ее, быть-может, изобразил. Ганс во всяком случае шел гулять, но с принуждением и большим страхом. Один раз он дошел со мной до станции «Таможня», откуда виден наш дом, а дальше ни за что не хотел итти.

«2. К словам малиновый сок и ружье. Малиновый сок Ганс получает при запоре. Ружье — Schiessgewehr. Ганс часто смешивает слова schiessen и scheissen — стрелять и испражняться.

«3. Когда Ганса перевели из нашей спальни в отдельную комнату, ему было приблизительно четыре года.

«4. Следы остались еще теперь и выражаются не в страхе, а во вполне нормальной страсти к вопросам. Вопросы относятся преимущественно к тому, из чего делаются различные предметы (трамваи, машины и т. д.), кто их делает и т. д. Характеристично для большинства вопросов, что Ганс задает их, несмотря на то, что у него ответ уже готов. Он хочет только удостовериться. Когда он меня однажды очень утомил своими вопросами и я сказал ему: «Разве ты думаешь, что я могу ответить на все твои вопросы?», он ответил мне: «Я думал, что ты и это знаешь, раз ты знал о лошади.

«5. О своей болезни Ганс говорит, как о чем-то, давно прошедшем: Тогда, когда у меня была глупость.

«6. Неразрешенный остаток, над которым Ганс ломает себе голову, это: что делает с ребенком отец, раз мать производит его на свет. Это можно заключить из его вопросов: Не правда ли, я принадлежу также тебе (он думает, не только матери). Ему неясно, почему он принадлежит мне. С другой стороны, у меня нет прямых доказательств, чтобы предполагать, как говорили вы, что он подслушал coitus родителей».

«7. При изложении, быть-может, следовало больше подчеркнуть силу страха. Иначе могут сказать: Нужно было бы его основательно поколотить, и он бы уже пошел гулять».

Я здесь же могу прибавить: с последней фантазией Ганса был побежден страх, исходящий из кастрационного комплекса, при чем

томительное ожидание было заменено надеждой на лучшее. Да, приходит врач, водопроводчик и т. п., отнимает penis, но только для того, чтобы дать ему больший. Что касается остального, пусть наш маленький исследователь преждевременно приобретет опыт, что всякое знание есть только частица, и что на каждой ступени знания всегда остается неразрешимый остаток.

III. ЭПИКРИЗ.

Это наблюдение над развитием и разрешением фобии у пятилетнего мальчика я имею в виду разобрать в трех направлениях: во-первых, насколько оно подтверждает положения, выставленные мною в 1905 г. в «Теории полового влечения»; во-вторых, что дает это наблюдение к пониманию этой столь частой формы болезни; в-третьих, что можно извлечь из него для выяснения душевной жизни ребенка и для критики наших обычных планов воспитания.

1.

У меня получается впечатление, что картина сексуальной жизни ребенка, представляющаяся из наблюдений над маленьким Гансом, хорошо совпадает с описанием, которое я набросал в моей теории полового влечения на основании психоаналитических исследований над взрослыми. Но прежде, чем я приступлю к исследованию деталей этого совпадения, я должен ответить на два возражения, которые могут возникнуть при оценке этого анализа. Первое возражение: быть-может, Ганс ненормальный ребенок, и, как видно из его болезни, он предрасположен к неврозу, т.-е. ребенок с «тяжелой наследственностью», а поэтому, быть-может, выводы, правильные по отношению к нему, не следует переносить на других, нормальных детей. На это возражение, которое не уничтожает, а только ограничивает ценность наблюдения, я отвечу позже. Второе и более основательное возражение — это то, что анализ ребенка, произведенный его отцом, находящимся под влиянием моих теоретических взглядов, захваченным моими предвзятостями, вряд ли может иметь какую-нибудь объективную цену. Само собой понятно, что ребенок в высокой степени внушаем и, быть-может, особенно по отношению к отцу. Чтобы угодить отцу, он даст взвалить на себя все, что угодно, в благодарность за то, что тот с ним так много занимается; естественно, что все высказанное им, как фантазии, сновидения и приходящие в голову мысли, идет в

том направлении, на которое его толкали. Коротко, это опять все «внушение», которое у ребенка сравнительно со взрослым удается легче раскрыть.

Я припоминаю время, когда я, 22 года назад, начал вмешиваться в научные споры. С какой насмешкой тогда старое поколение неврологов и психиатров отнеслось к «внушению» и его влияниям. С того времени положение вещей совершенно изменилось: противодействие со слишком большой поспешностью перешло в готовность итти навстречу. И это произошло не только благодаря влиянию, которое в эти десятилетия должны были иметь работы Льебо, Бернгейма (Liébeault, Bernheim) и их учеников, но еще вероятнее благодаря сделанному открытию, что применение этого модного термина «внушение» дает большую экономию в процессе мышления. Ведь никто не знает и не старается узнать, что такое внушение, откуда оно идет и когда оно имеет место. Достаточно, что все неудобное в психической жизни можно называть «внушением».

Я не разделяю излюбленного теперь взгляда, что детские показания все без исключения произвольны и не заслуживают доверия. В психическом вообще нет произвола. Недостоверность показаний у детей основана на преобладании фантазии, у взрослых — на преобладании предвзятых мнений. Вообще, и ребенок не лжет без основания, и у него даже имеется бо̀льшая любовь к правде, чем у взрослого. Было бы слишком несправедливо по отношению к Гансу отбросить все его показания. Можно вполне отчетливо разобрать, где он под давлением сопротивления лукавит или старается скрыть что-нибудь, где он во всем соглашается с отцом (и эти места совсем недоказательны) и, наконец, где он, освобожденный от давления, стремительно сообщает все, что является его внутренней правдой и что он до сих пор знал только один. Большей достоверности не представляют и показания взрослых. Но остается все-таки заслуживающим сожаления, что никакое изложение психоанализа не передает впечатлений, которые выносишь при проведении его, и что окончательная убежденность никогда не наступает после чтения, а только после личного переживания. Но этот недостаток в одинаковой степени присущ и анализам над взрослыми.

Родители изображают Ганса веселым откровенным ребенком; таким он и должен быть, судя по воспитанию, которое дают ему его родители, из которого исключены наши обычные грехи воспитания. До тех пор, пока Ганс в веселой наивности производил свои исследования, не подозревая возможного появления конфликтов, он сообщал их без задержки, и наблюдения из периода до фобии можно принимать тут же без всякого сомнения. В период болезни и во время психоанализа у него возникает несоответствие между тем, что он говорит и что он думает. Причина этого отчасти та, что у него набирается слишком много бессознательного материала, чтобы он мог им сразу овладеть, а отчасти — это внутренние задержки, происходящие вследствие его отношений к родителям. Я утверждаю совершенно беспристрастно, что и эти последние затруднения оказались ничуть не больше, чем при анализах взрослых.

Конечно, при анализе приходилось говорить Гансу много такого, чего он сам не умел сказать; подсказывать ему мысли, которые у него еще не успели появиться; приходилось направлять его внимание в сторону, от которой отец ждал очередных разрешений. Все это ослабляет доказательную силу анализа; но так поступают при всех психоанализах. Психоанализ не есть научное, свободное от тенденциозности исследование, а терапевтический прием; он сам по себе ничего не хочет доказать, а только кое-что изменить. Каждый раз в психоанализе врач указывает пациенту на сознательные ожидаемые представления, с помощью которых он был бы в состоянии познать бессознательное и воспринять его один раз в большем, другой раз в более скромном размере. И есть случаи, где требуется бо̀льшая поддержка, а другие — где меньшая. Без подобной поддержки никто не обходится. То, с чем пациент может справиться сам, есть только легкое расстройство, а ничуть не невроз, который является совершенно чуждым для нашего «я». Чтобы осилить такой невроз, нужна помощь другого, и только если этот другой может помочь, тогда невроз излечим. Если в самом существе психоза лежит отворачивание от «другого», как это, повидимому, характеристично для состояний группы «dementia praecox», то такие психозы, несмотря на все наши усилия, окажутся неизлечимыми. Можно допустить, что ребенок, вследствие слабого развития его интеллектуальной системы, нуждается в особенно интенсивной помощи. Но все то, что врач сообщает больному, вытекает из аналитического опыта, и если врачебное вмешательство приводит в связь и к разрешению патогенный материал, то этот факт можно считать достаточно убедительным.

И все-таки наш маленький пациент во время анализа проявил достаточно самостоятельности, чтобы его можно было оправдать от обвинения во «внушаемости». Он, как все дети, без всякого внеш-

него побуждения применяет свои детские сексуальные теории к своему материалу. Эти теории слишком чужды взрослому; в этом случае я даже сделал упущение, не подготовив отца к тому, что путь к теме о разрешении от беременности идет через экскреционный комплекс. И то, что вследствие моей поспешности привело к затемнению части анализа, дало, по крайней мере, хорошее свидетельство в неподдельности и самостоятельности мыслительной работы у Ганса. Он вдруг заинтересовался экскрементами, в то время как отец, подозреваемый во внушении, еще не знал, что из этого выйдет. Столь же мало зависело от отца развитие обеих фантазий о водопроводчике, которые исходили из давно приобретенного «кастрационного комплекса». Я должен здесь сознаться в том, что я совершенно скрыл от отца ожидание этой связи из теоретического интереса, чтобы не ослабить силы столь трудно достигаемого доказательства.

При дальнейшем углублении в детали анализа мы встретим еще много новых доказательств в независимости нашего Ганса от «внушения», но здесь я прекращаю обсуждение первого возражения. Я знаю, что и этот анализ не убедит тех, кто не дает себя убедить, и продолжаю обработку этих наблюдений для тех читателей, которые уже имели случаи убедиться в объективности бессознательного патогенного материала. Я не могу не высказать приятного сознания, что число последних все растет.

Первая черта, которую можно отнести к сексуальной жизни маленького Ганса, это необыкновенно живой интерес к своему «Wiwimacher'у», как он называет этот орган по одной из важных его функций, неизбежной для детской. Интерес этот делает его исследователем; таким образом он открывает, что на основании присутствия или отсутствия этого органа можно различать живое от неживого. Существование этой столь значительной части тела он предполагает у всех живых существ, которых он считает подобными себе; он изучает его на больших животных, делает предположения о существовании его у родителей, и даже сама очевидность не мешает ему констатировать наличность этого органа у новорожденной сестры. Можно сказать, что, если бы ему пришлось признать отсутствие этого органа у подобного себе живого существа, это было бы слишком большим потрясением основ его «миросозерцания» — все равно, что этот орган отняли бы и у него. Поэтому, вероятно, угроза матери, содержащая в себе возможность

потери Wiwimacher'а, самым поспешным образом подвергается вытеснению, и ей придется обнаружить свое действие только впоследствии. В этом комплексе принимает участие мать, потому что прикосновение ее к этому органу доставляло ему ощущения удовольствия. Наш мальчик начал свою автоэротическую сексуальную деятельность обычным и самым нормальным образом.

Удовольствие, испытываемое на собственном половом органе, переходит в удовольствие при глядении в его активном и пассивном развитии; это то, что А. Адлер (Alf. Adler) весьма удачно назвал скрещением влечения (Triebverschränkung) [1]). Мальчик ищет случая видеть Wiwimacher других лиц; у него развивается сексуальное любопытство, и ему нравится показывать свои половые органы. Один из его снов из начального периода вытеснения содержит желание, чтобы одна из его маленьких приятельниц помогала ему при мочеиспускании и таким образом могла видеть его половой орган. Сон этот доказывает, что его желание оставалось до того невытесненным. Более поздние сообщения подтверждают, что ему удавалось находить себе такого рода удовлетворение. Активное направление сексуального удовольствия от рассматривания вскоре связывается у него с определенным мотивом. Когда он повторно высказывает отцу и матери сожаление, что он никогда не видел их половых органов, то причиной этого является, вероятно, его желание сравнивать.

«Я» всегда остается масштабом, которым оценивается мир; путем постоянного сравнения с собой научаешься понимать его. Ганс заметил, что большие животные имеют половой орган, на много больший, чем у него; поэтому он предполагает подобное же соотношение и для своих родителей, и ему хотелось бы убедиться в этом. У мамы, по его словам, наверно, такой же Wiwimacher, «как у лошади». Таким образом, у него приготовлено утешение, что Wiwimacher будет расти вместе с ним; получается впечатление, что желание ребенка быть большим он проецирует только на половые органы.

Итак, в сексуальной конституции маленького Ганса уже с самого начала зона половых органов оказывается более других эрогенных зон окрашенной чувством удовольствия. Кроме них, у него проявляется еще удовольствие от экскрементальной зоны, в отверстиях для выделения мочи и кала. Когда он в своей по-

---

[1]) Der Aggressionstrieb im Leben und in dem Neurose. Fortschr. der Medizin, 1908, № 19.

следней «фантазии о счастье», которой кончилась его болезнь, имеет детей, водит их в клозет, заставляет их делать wiwi, подтирает их и делает с ними все то, что делают с детьми, то из этого можно, несомненно, сделать вывод, что все эти процедуры в его детские годы были для него источником наслаждения. Это наслаждение от эрогенных зон, которое он получал при помощи ухода матери, ведет его к выбору объекта, но все-таки нужно считать возможным, что он уже и раньше привык доставлять себе это наслаждение автоэротическим путем, что он принадлежит к числу тех детей, которые любят задерживать экскременты до тех пор, пока выделение их доставит им раздражение, связанное с наслаждением. Я говорю лишь, что это возможно, потому что в анализе это не выяснено; «делание шума ногами», перед которым он позже испытывает страх, дает некоторые указания в этом направлении. В общем, эти источники наслаждения не подчеркнуты у него так резко, как у других детей. Он скоро сделался опрятным; упускание мочи в постели и в течение дня не играло никакой роли в его первые годы; у него не было даже следа отвратительной для взрослых привычки играть своими экскрементами [эта привычка снова появляется на исходе психической регрессии (инволюции)].

Отметим здесь же, что мы, несомненно, наблюдали у него в период фобии вытеснение этих обоих хорошо развитых у него компонентов. Он стыдится выпускать мочу перед посторонними, он жалуется на себя за то, что кладет руку на свой Wiwimacher, старается избавиться от онанизма и чувствует отвращение перед «Lumpf», «wiwi» и всем, что это напоминает. В своей фантазии об уходе за детьми он опять уничтожает это вытеснение.

Сексуальная конституция нашего Ганса, повидимому, не содержит в себе предрасположения к развитию перверсий и их негатива (здесь мы можем ограничиться истерией). Насколько мне пришлось узнать (а здесь, действительно, надо быть осторожным), прирожденная конституция истериков (при перверсиях это понятно само собой) отличается тем, что зона половых органов отступает на второй план перед другими эрогенными зонами. Из этого правила исключение составляет одно определенное уклонение сексуальной жизни. У лиц, которые стали впоследствии гомосексуальными и которые, по моим ожиданиям и по наблюдениям Задгера, проделывают в детстве амфигенную фазу, мы встречаем инфантильное преобладание зоны половых органов и, особенно, мужского органа. И это превознесение мужского полового органа становится роко-

вым для гомосексуалистов. Они в детстве избирают женщину своим сексуальным объектом до тех пор, пока подозревают у нее обязательное существование такого же органа, как у мужчин; когда они убеждаются, что женщина разочаровала их в этом пункте, она становится для них неприемлемой в качестве сексуального объекта. Они не могут себе представить без penis'a лицо, которое должно их привлекать к сексуальным отношениям, и при благоприятном случае они фиксируют свое либидо к «женщине с penis'ом», к юноше с женоподобной внешностью. Итак, гомосексуальные — это лица, которые вследствие эрогенного значения собственных половых органов лишены возможности принять сексуальный объект без половых органов, подобных своим. На пути развития от автоэротизма до любви к объекту они фиксировались на месте, находящемся ближе к автоэротизму.

Нет никакого основания допускать существование особого гомосексуального влечения. Гомосексуальный вырабатывается не вследствие особенности во влечении, а — в выборе объекта. Я могу сослаться на указание, которое я сделал в «Теории полового влечения», что мы ошибочно представляем себе слишком тесной связь между влечением и объектом в сексуальной жизни. Гомосексуальный со своими, быть-может, нормальными влечениями не может развязаться со своим объектом, выбранным им благодаря известному условию. В своем детстве, когда это условие обычно имеет место, он может вести себя как наш маленький Ганс, который без различия нежен как с мальчиками, так и с девочками, и который при случае называет своего друга Фрица «своей милейшей девочкой». Ганс гомосексуален, как все дети, соответственно тому, что он знает только один вид половых органов — такой, как у него.

Дальнейшее развитие нашего маленького эротика идет не к гомосексуальности, но к энергичной полигамически проявляющейся мужественности, в которой он в зависимости от меняющихся женских объектов знает, как действовать: в одном случае он решительно наступает, в других он страстно и стыдливо тоскует. В период, когда других объектов в любви нет, его склонность возвращается к матери (от которой он уходит к другим), чтобы здесь потерпеть крушение в форме невроза. Тут только мы узнаем, до какой интенсивности развивается любовь к матери, и какая судьба ее постигла. Сексуальная цель, которую он преследовал у своих приятельниц, «спать у них», исходила от матери. Цель эта определена словами, которыми пользуются и в зрелом возрасте, хотя

с другим, более богатым содержанием. Мальчик наш обычным путем, в годы раннего детства, нашел путь к любви к объекту и новый источник наслаждения: сон рядом с матерью стал для него определяющим. В этом сложном чувстве мы могли бы на первое место поставить удовольствие при прикосновении к коже, которое лежит в нашей конституции, и которое, по кажущейся искусственной номенклатуре Молля (Moll), можно было бы назвать удовлетворением влечения к контректации (к соприкосновению).

В своих отношениях к отцу и матери Ганс самым ярким образом подтверждает все то, что я в своей сексуальной теории говорил о сексуальных отношениях детей к родителям. Он действительно маленький Эдип, который хотел бы «устранить прочь» отца, чтобы остаться самому с красивой матерью, спать с ней. Это желание появилось во время летнего пребывания в деревне, когда перемены, связанные с присутствием или отсутствием отца, указали ему на условия, от которых зависела желаемая интимность с матерью. Тогда, летом, он удовольствовался желанием, чтобы отец уехал. К этому желанию позже присоединился страх быть укушенным белой лошадью, — благодаря случайному впечатлению, полученному при отъезде другого отца. Позже, вероятно, в Вене, где на отъезд отца больше нельзя было рассчитывать, уже появилось другое желание, чтобы отец подолгу был в отсутствии, был мертв.

Исходящий из этого желания смерти отца и, следовательно, нормально мотивированный страх перед ним образовал самое большое препятствие для анализа, пока оно не было устранено во время разговора у меня на дому[1]).

На самом деле наш Ганс вовсе не злодей и даже не такой ребенок, у которого жестокие и насильственные склонности человеческой природы развиваются без задержек в этот период его жизни. Напротив, он необыкновенно добродушен и нежен; отец отметил, что превращение агрессивной наклонности в сострадание произошло довольно рано. Еще задолго до фобии он начинал беспокоиться, когда при нем в детской игре били «лошадку», и он никогда не оставался равнодушным, когда в его присутствии кто-нибудь плакал. В одном месте анализа у него в известной связи

[1]) Обе случайные мысли Ганса: малиновый сок и ружье для убивания, наверное, детерминированы не с одной только стороны. Вероятно, они столько же связаны с ненавистью к отцу, сколько с комплексом запора. Отец, который сам угадал последнюю связь, думает еще при «малиновом соке» о «крови».

обнаруживается подавленная частица садизма[1]); но она подавлена, и мы позже из этой связи сможем догадаться, зачем эта частица появилась, и что она должна заместить. Ганс сердечно любит отца, по отношению к которому он питает желание смерти, и в то время, как его ум не признает этого противоречия[2]), он оказывается принужденным его демонстрировать тем, что он ударяет отца и сейчас же целует то место, которое ударил. И нам следует остеречься признать это противоречие предосудительным; из таких противоположностей преимущественно и складывается жизнь чувства у людей[3]); быть может, если бы это было иначе, дело не доходило бы до вытеснения и до невроза. Эти контрастные пары в сфере чувств у взрослых доходят одновременно до сознания только на высоте любовной страсти; обыкновенно один член такой пары подавляет другой до тех пор, пока удается держать его скрытым. В душе детей такие пары могут довольно долго мирно сосуществовать рядом, несмотря на их внутреннее противоречие.

Наибольшее значение для психосексуального развития нашего мальчика имело рождение сестры, когда ему было $3^1/_2$ года. Это событие обострило его отношения к родителям, поставило для его мышления неразрешимые задачи, а присутствие при ее туалете оживило в нем следы воспоминаний из его собственных прежних переживаний, связанных с наслаждением. И это влияние вполне типично. В неожиданно большом количестве историй жизни и болезни нужно взять за исходный пункт эту вспышку сексуального наслаждения и сексуального любопытства, связанных с рождением следующего ребенка. Поведение Ганса по отношению к пришельцу то же самое, что я описал в «Толковании сновидений». Во время лихорадки, через несколько дней после рождения сестры, он обнаруживает, насколько мало он соглашается с этим увеличением семьи. Здесь всегда прежде всего появляется враждебность, а затем уже может последовать и нежность[4]). Страх, что может появиться еще новый ребенок, с этого момента занимает определенное место в его сознательном мышлении. В неврозе эта подавлен-

[1]) Желание бить и дразнить лошадей.

[2]) См. критические вопросы, предложенные отцу.

[3]) «Я — не книга — результат фантазии,
Я — человек со всеми его противоречиями».
(*C. F. Meyer*, Huttens letzte Tage).

[4]) Сравни его намерение по отношению к тому периоду, когда маленькая девочка сможет говорить.

ная враждебность замещается особым страхом перед ванной. В анализе он откровенно обнаруживает свое желание смерти сестре, и не только в тех намеках, которые отец должен дополнить. Его самокритика указывает ему, что желание не столь скверно, как аналогичное желание по отношению к отцу. Но бессознательно он, очевидно, к обоим относился одинаково, потому что и отец и сестра отнимают у него его маму, мешают ему быть с ней одному.

Это событие и связанные с ним вновь ожившие переживания дали еще и другое направление его желаниям. В победной заключительной фантазии он подводит итог всем своим эротическим побуждениям, происходящим из автоэротической фазы и связанным с любовью к объекту. Он женится на своей прекрасной матери, имеет несчетное число детей, за которыми он по-своему может ухаживать.

2.

В один прекрасный день Ганс заболевает на улице страхом. Он не может еще сказать, чего он боится, но уже в начале своего припадка страха он выдает отцу мотив своего заболевания, выгоды болезни. Он хочет оставаться около матери, ласкаться к ней; в этой тоске по матери некоторую роль, как думает отец, могло сыграть воспоминание, что он был удален от нее, когда появилась новорожденная. Вскоре выясняется, что этот страх уже больше не может быть обратно заменен тоскою, так как он испытывает страх даже тогда, когда и мать идет с ним. А между тем мы получаем указание, на что фиксируется его либидо, превратившееся в страх. Он обнаруживает весьма специальный страх, что его укусит белая лошадь.

Такое болезненное состояние мы называем «фобией», и мы могли бы причислить ее к боязни площадей, но последняя отличается тем, что неспособность ходить по улице легко исправима, когда больного сопровождает известное выбранное для этого лицо и в крайнем случае врач. Фобия Ганса не выдерживает этого условия, она перестает быть связанной с пространством и все отчетливее избирает своим объектом лошадь; в первые же дни на высоте своего тревожного состояния он высказывает опасение, что «лошадь войдет в комнату», которое мне так облегчило понимание его страха.

Положение фобий в системе неврозов до сих пор было неопределенным. Кажется, можно с уверенностью сказать, что в фобиях

нужно видеть только синдромы, принадлежащие к различным неврозам, и им не следует придавать значение особых болезненных процессов. Для фобий наиболее частых, как у нашего пациента, мне кажется целесообразным название истерии страха (Angst-hysterie); я предложил его д-ру В. Штеккелю (W. Steckel), когда он взялся за описание нервных состояний страха, и я надеюсь, что это название получит права гражданства[1]). Оправданием ему служит полное соответствие между психическим механизмом этих фобий и истерией, за исключением одного пункта, очень важного для различения этих форм. Либидо, освобожденное из патогенного материала путем вытеснения в истерии страха, не конвертируется, т.-е. не переходит из сферы психики на телесную иннервацию, а остается свободным в виде страха. Во всех случаях болезни эта истерия страха может в каких угодно размерах комбинироваться с «конверсионной истерией». Но существуют как чистые случаи конверсионной истерии без всякого страха, так и случаи чистой истерии страха, выражающиеся в ощущениях страха и фобиях без примеси конверсии; случай нашего Ганса принадлежит к числу последних.

Истерии страха принадлежат к числу наиболее частых психоневротических заболеваний и, самое главное, появляющихся раньше всего в жизни; это, можно сказать, — неврозы периода детства. Когда мать рассказывает про своего ребенка, что он «нервен», то можно в 9 случаях из 10-ти рассчитывать, что ребенок имеет какой-нибудь страх или много страхов за раз. К сожалению, более тонкий механизм этих столь важных заболеваний еще недостаточно изучен. Еще не установлено, находятся ли эти условия происхождения истерии страха (в отличие от конверсионной истерии и других неврозов) в конституционных моментах или в случайных переживаниях, и какая комбинация тех или других условий дает эту болезнь. Мне кажется, что это невротическое заболевание меньше всего зависит от особой конституции и вследствие этого легче всего может быть приобретено во всякий период жизни.

Довольно легко выделить один существенный признак истерии страха. Эта болезнь всегда развивается преимущественно в фобию; в конце концов больной может освободиться от страхов, но только на счет задержек и ограничений, которым он должен себя подвергнуть. При истерии страха уже начинается психическая работа,

---

[1]) W. Steckel. Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung. 1908.

имеющая целью психически связать ставший свободным страх. Но эта работа не может ни превратить страх обратно в либидо, ни связать его с теми комплексами, из которых происходит это либидо. Не остается ничего другого, как предупреждать всякий повод к развитию страха путем психических надстроек в форме осторожности, задержки, запрещения. Эти психические прикрытия проявляются наружу в форме фобии и кажутся нам сущностью болезни.

Нужно сказать, что лечение истерии страха было до сих пор чисто отрицательным. Опыт показал, что невозможно, а при некоторых обстоятельствах даже опасно, достигать излечения болезни насильственным путем, ставя больного в такое положение, при котором у него должен развиваться страх, после того, как его лишают прикрытия. Таким образом, его заставляют искать себе защиты там, где он ее надеется найти, и проявляют к нему не имеющее на него влияния презрение за его «непонятную трусость».

Для родителей нашего маленького пациента с самого начала уже было ясно, что здесь ни насмешкой, ни строгостью ничего сделать нельзя, и что нужно искать доступа к его вытесненным желаниям психоаналитическим путем. Успех вознаградил необычайные труды отца, и его сообщения дают нам возможность проникнуть в самую структуру подобной фобии и проследить путь предпринятого анализа.

Мне не кажется невероятным, что для читателя этот анализ вследствие его обширности и обстоятельности потерял в некоторой мере свою ясность. Поэтому я хочу сначала вкратце повторить его, оставляя ненужные подробности и отмечая те факты, которые шаг за шагом можно будет констатировать.

Прежде всего мы узнаем, что вспышка припадка страха была не столь внезапна, как это может показаться с первого взгляда. За несколько дней до того ребенок проснулся от кошмарного сна: мать ушла, и теперь у него «нет мамы, чтобы ласкаться к ней». Уже этот сон указывает на процесс вытеснения значительной интенсивности. Его нельзя истолковать так, как большинство тревожных сновидений, что мальчик испытал во сне страх соматического происхождения и затем уже использовал его для исполнения интенсивно вытесненного желания (ср. «Толкование сновидений»). Сновидение Ганса — это настоящее сновидение наказания и вытеснения, при котором нарушается самая функция сновидения, так как Ганс со страхом пробуждается. Можно легко восстановить

самый процесс, имевший место в бессознательном. Мальчику снилось, что его ласкает мать, что он спит у нее: все наслаждение претворилось в страх, и все содержание представления стало прямо противоположным. Вытеснение одержало победу над механизмом сновидения.

Но начало этой психологической ситуации можно отнести еще к более раннему периоду. Уже летом у него появились подобные тоскливо-тревожные настроения, во время которых он высказывал приблизительно то же, что и теперь, и которые давали ему то преимущество, что мать брала его к себе в постель. С этого периода мы могли бы уже признать существование у Ганса повышенного сексуального возбуждения, объектом которого оказалась мать, а интенсивность которого выразилась в двух попытках совращения матери (последняя незадолго до появления страха). Это возбуждение привело Ганса к ежевечернему мастурбаторному удовлетворению. Произошло ли превращение возбуждения спонтанно, вследствие отказа матери или вследствие случайного пробуждения прежних впечатлений при случае, послужившем «поводом» к заболеванию, этого решить нельзя, но это и безразлично, так как все три возможности не противоречат друг другу. Но несомненен факт превращения сексуального возбуждения в страх.

Мы уже слышали о поведении мальчика в начале его страха и о первом содержании страха, на которое он указывал, а именно, что его укусит **лошадь**. Тут происходит первое вмешательство терапии. Родители указывают на то, что страх является результатом мастурбации, и стараются его отучить от нее. Я принимаю меры к тому, чтобы ему основательно подчеркнули его нежность к матери, которую ему хотелось бы выменять на страх перед лошадьми. Маленькое улучшение, наступившее после этой меры, вскоре во время соматической болезни исчезает. Состояние остается неизмененным. Вскоре Ганс находит источник боязни, что его укусит лошадь, в воспоминании о впечатлении в Гмундене. Уезжающий отец предупреждал тогда сына: «Не подноси пальца лошади, иначе она тебя укусит». Словесная форма, в которую Ганс облек предостережение отца, напоминает форму, в которой сделано было предупреждение против онанизма. Получается впечатление, что родители правы, полагая, что Ганс испытывает страх перед своим онанистическим удовлетворением. Но связь получается все еще непрочная, и лошадь кажется попавшей в свою устрашающую роль совершенно случайно.

Я высказал предположение, что вытесненное желание Ганса могло означать, что он во что бы то ни стало хочет видеть «Wiwimacher» матери. Так как поведение его по отношению к новопоступившей прислуге соответствовало моему предположению, то отец делает ему первое разъяснение: «У женщин нет Wiwimacher'а». На эту первую помощь Ганс реагирует сообщением своей фантазии, в которой он видел мать прикасающейся к его Wiwimacher'у. Эта фантазия и высказанное в разговоре замечание, что его Wiwimacher все-таки вырос, дают возможность в первый раз заглянуть в ход бессознательных мыслей пациента. Он действительно находился под впечатлением угрозы матери кастрацией, которая имела место $1^1/_4$ года назад, так как фантазия, что мать делает то же самое (обыкновенный прием обвиняемых детей), должна освободить его от страха перед угрозой; это — защитная фантазия. В то же время мы должны сказать, что родители извлекли у Ганса из его патогенно-действующего материала тему интереса к Wiwimacher'у. Он последовал за ними в этом направлении, но самостоятельно не принимая участия в анализе. Терапевтического успеха еще не было заметно. Анализ далеко ушел от лошадей, и сообщение, что у женщин нет Wiwimacher'а, по своему содержанию скорее способно было усилить его заботы о сохранении собственного Wiwimacher'а.

Но мы прежде всего стремимся не к терапевтическому успеху; мы желаем привести пациента к тому, чтобы он мог сознательно охватить свои бессознательные побуждения. Этого мы достигаем, когда мы на основании указаний, которые он нам делает, при помощи нашего искусства толкования своими словами вводим в его сознание бессознательный комплекс. Следы сходства между тем, что он услышал, и тем, что он ищет, что само, несмотря на все сопротивления, стремится дойти до сознания, помогают ему найти бессознательное. Врач идет немного впереди; пациент идет за ним своими путями до тех пор, пока у определенного пункта они не встретятся. Новички в психоанализе обыкновенно сливают в одно эти два момента и считают, что момент, в который им стал известен бессознательный комплекс больного, в то же время есть момент, когда этот комплекс стал понятен и больному. Они ждут слишком многого, желая вылечить больного от сообщения ему такого знания, между тем как сам больной может использовать сообщенное ему только для того, чтобы с его помощью найти бессознательный комплекс в сфере бессознательного там, где он застрял. Первого успеха подобного рода мы достигаем теперь у Ганса.

После частичной победы над его кастрационным комплексом он теперь в состоянии сообщить свои желания по отношению к матери, и он делает это в еще искаженной форме в виде фантазии о двух жирафах, из которых одна безуспешно кричит в то время, как сам Ганс овладевает другой. Овладевание он изображает тем, что он садится на нее. В этой фантазии отец узнает воспроизведение сцены, которая утром разыгралась в спальне между родителями и мальчиком, и он тут же спешит освободить желание от всего, что его искажает. Обе жирафы — это отец и мать. Форма фантазии с жирафами в достаточной мере детерминирована посещением этих больших животных в Шенбрунне, которое имело место несколько дней назад, рисунком жирафы, который отец сохранил из прежнего времени, и, быть-может, благодаря бессознательному сравнению, связанному с высокой и неподвижной шеей жирафы[1]). Мы замечаем, что жирафа, как большое и по своему Wiwimacher'у интересное животное, могла бы сделаться конкурентом лошади в ее устрашающей роли; а то, что отец и мать выведены в виде жираф, дает нам пока еще неиспользованное указание на значение вызывающих страх лошадей.

Две меньшие фантазии, которые Ганс рассказывает непосредственно после истории с жирафами, ускользают от истолкования со стороны отца, а их сообщение не приносит и Гансу никакой пользы. Содержание этих фантазий состоит в том, что он в Шенбрунне стремится проникнуть в огороженное пространство, и что он в вагоне разбивает стекло; в обоих случаях подчеркивается преступное в поступках и соучастие отца. Но все, что оставалось непонятным, возникает опять; как рвущийся на свободу дух, оно не находит себе покоя до тех пор, пока дело не доходит до освобождения и разрешения.

Понимание обеих преступных фантазий не представляет для нас никаких затруднений. Они принадлежат комплексу овладевания матерью. В мальчике, как будто, пробивает себе дорогу неясное представление о том, что следовало бы сделать с матерью, чтобы достичь полного овладения ею. И для того, что он не может понять, он находит известные образные подстановки, общим для которых является насильственное, запретное, а содержание которых так удивительно хорошо соответствует скрытой действительности. Мы можем теперь сказать, что это — символические фанта-

[1]) С этим находится в соответствии высказанное позже удивление Ганса по поводу шеи его отца.

зии о coitus'е, и ни в коем случае нельзя считать второстепенным то, что отец в них принимает участие: «Я бы хотел делать с мамой что-то запретное, не знаю, что именно, но знаю, что и ты это делаешь».

Фантазия о жирафах усилила во мне убеждение, которое возникло при словах маленького Ганса: «лошадь придет в комнату», и я нашел этот момент подходящим, чтобы сообщить ему существенно важную предпосылку в его бессознательных побуждениях: его страх перед отцом вследствие ревнивых и враждебных желаний по отношению к нему. Этим я отчасти истолковал ему страх перед лошадьми и именно, что лошадь — это отец, перед которым он испытывает страх с достаточным основанием. Известные подробности, как страх перед чем-то черным у рта и у глаз (усы и очки, как преимущества взрослого), казались мне перенесенными на лошадей с отца.

Подобным разъяснением я устранил у Ганса самое существенное сопротивление по отношению к обнаруживанию бессознательных мыслей, так как отец сам исполнял роль врача. С этого времени мы перешагнули через высшую точку болезни, материал начал притекать в изобилии, маленький пациент обнаруживал мужество сообщать отдельные подробности своей фобии и вскоре самостоятельно принял участие в ходе анализа [1]).

Теперь только можно узнать, перед какими объектами и впечатлениями Ганс испытывает страх. Не только перед лошадьми и перед тем, что его укусит лошадь (этот страх скоро утихает), а перед экипажами, мебельными фургонами и омнибусами, общим для которых оказывается их тяжелая нагрузка, перед лошадьми, которые начинают двигаться, которые выглядят большими и тяжелыми, которые скоро бегут. Смысл этих определений указывает сам Ганс; он испытывает страх, что лошади упадут, и содержанием его фобии он делает все то, что способствует падению лошади.

Весьма нередко приходится услышать настоящее содержание фобии, правильную формулировку навязчивого импульса и т. п. только после ряда психоаналитических усилий. Вытеснение ка-

---

[1]) Страх перед отцом, даже в тех анализах, которые врач предпринимает с посторонними, играет весьма значительную роль, как сопротивление против репродукции бессознательного патогенного материала. Эти сопротивления отчасти принадлежат к «мотивам», с другой стороны, как в настоящем случае, они составляют частицу бессознательного материала, *по содержанию* способного служить задержкой для репродукции другой части анализа.

сается не только бессознательных комплексов, — оно направлено также на непрерывно образующиеся дериваты их и мешает самим больным заметить продукты их болезни. Тут часто оказываешься в необыкновенном положении, когда в качестве врача приходится притти на помощь болезни, чтобы вызвать к ней внимание. Но только тот, кто совершенно не разбирается в сущности психоанализа, будет выставлять на первый план эту фазу усилий и ждать вследствие этого вреда от анализа. Истина в том, что нюрнбержцы никого не вешают прежде, чем не заполучат в свои руки, и что требуется известная работа, чтобы овладеть теми болезненными образованиями, которые хочешь разрушить.

В своих замечаниях, сопровождающих историю болезни, я упомянул уже о том, что весьма поучительно настолько углубиться в детали фобии, чтобы можно было вынести верное впечатление о вторично появившемся соотношении между страхом и его объектами. Отсюда происходит своеобразная расплывчатость и в то же время строгая обусловленность сущности фобии. Материал для этих вторичных образований наш маленький пациент, очевидно, получил из впечатлений, связанных с положением квартиры напротив таможни. По этой причине он высказывает заторможенное страхом побуждение играть, подобно мальчикам на улице, вокруг нагруженных возов, багажа, бочек и ящиков.

В этой стадии анализа он сталкивается опять с довольно безобидным переживанием, которое непосредственно предшествовало началу заболевания и которое можно считать для него поводом. Во время прогулки с матерью он видел, как впряженная в омнибус лошадь упала и задергала ногами. Это произвело на него большое впечатление. Он сильно испугался и думал, что лошадь околела; с этого времени все лошади могут упасть. Отец указывает Гансу на то, что, когда лошадь упала, тот думал об отце и, вероятно, желал, чтобы отец также упал и умер. Ганс не протестует против этого толкования; несколько позже он принимает его, изображая в игре, как он кусает отца. При этом он идентифицирует отца с лошадью и теперь он уже держится по отношению к отцу свободно, без страха и даже несколько дерзко. Но страх перед лошадьми не исчез, и еще неясно, вследствие каких ассоциаций падающая лошадь пробудила бессознательные желания.

Резюмируем все, что получили до сих пор: за проявленным страхом, что лошадь его укусит, открывается более глубоко лежащий страх, что лошади упадут; и обе лошади, кусающая и па-

дающая, это отец, который его накажет за его дурные желания. Матери в этом анализе мы пока еще не касались.

Совершенно неожиданно и уже, наверно, без участия отца Ганса начинает занимать «комплекс испражнения», и он обнаруживает отвращение к предметам, которые напоминают ему действие кишечника. Отец, который здесь идет за Гансом довольно неохотно, проводит, между прочим, свой анализ в желательном для него направлении и напоминает Гансу про одно переживание в Гмундене, впечатление от которого скрывается за падающей лошадью. Его любимый товарищ игр и, быть-может, конкурент у его приятельниц, Фриц, во время игры в лошадки споткнулся о камень, упал, а из раненой ноги у него пошла кровь. Переживание с упавшей лошадью от омнибуса вызвало воспоминание об этом несчастном случае. Любопытно, что Ганс, который в это время был занят другими вещами, сначала отрицает падение Фрица (которое устанавливает связь) и признает его только в более поздней стадии анализа. Но для нас очень интересно отметить, каким образом превращение либидо в страх проецируется на главный объект фобии — лошадь. Лошади были для Ганса самыми интересными большими животными, игра в лошадки — самой любимой игрой с его товарищами — детьми. Предположение, что отец первый изображал для него лошадь, подтверждается отцом, и, таким образом, при несчастном случае в Гмундене Фриц мог быть замещен отцом. После наступившей волны вытеснения он должен был уже испытывать страх перед лошадьми, с которыми до этого у него было связано столько удовольствий.

Но мы уже сказали, что этим последним важным разъяснением о действительности повода болезни мы обязаны вмешательству отца. Ганс остается при своих фекальных интересах, и мы в конце концов должны за ним следовать. Мы узнаем, что он уже обыкновенно навязывался матери с просьбой сопровождать ее в клозет, и что он то же предлагал заместительнице матери — своей приятельнице Берте, пока это не стало известным и не было запрещено. Удовольствие, испытываемое при наблюдении за известными операциями у любимого лица, соответствует также «сплетению влечения», пример которого мы уже заметили у Ганса. Наконец, и отец идет на эту фекальную символику и признает аналогию между тяжело нагруженным возом и обремененным каловыми массами животом, между тем, как выезжает из ворот воз, и тем, как выделяется кал из живота, и т. п.

Но позиция Ганса в анализе сравнительно с прежними стадиями существенно изменилась. В то время как раньше отец мог всегда сказать ему наперед, что будет потом, и Ганс, следуя указаниям, плелся за ним, теперь, наоборот, Ганс уверенно спешит вперед, и отец должен прилагать усилия, чтобы поспевать за ним. Ганс, как бы самостоятельно, приводит новую фантазию: слесарь или водопроводчик отвинтил ванну, в которой находится Ганс, и своим большим буравом толкнул его в живот. С этого момента уже наше понимание с трудом поспевает за материалом. Только позже нам удается догадаться, что это есть искаженная страхом переработка фантазии оплодотворения. Большая ванна, в которой Ганс сидит в воде, это — живот матери; «бурав», который уже отцу напомнил большой penis, упоминается как способ оплодотворения. Конечно, это звучит довольно курьезно, если мы истолкуем фантазию так: «Твоим большим penis'ом ты меня «пробуравил» (привел к появлению на свет) и всадил меня в чрево матери». Но пока фантазия остается неистолкованною и служит Гансу только связью для продолжения его сообщений.

Перед купаньем в большой ванне Ганс обнаруживает страх, который тоже оказывается сложным. Одна часть его пока ускользает от нас, другая вскоре выясняется отношением его к купанию маленькой сестры. Ганс соглашается с тем, что у него есть желание, чтобы мать во время купания сестренки уронила ее, и чтобы та умерла; его собственный страх при купании был страхом перед возмездием за это злое желание, перед наказанием, которое будет состоять в том, что так и с ним поступят. Тут он оставляет тему экскрементов и непосредственно переходит к теме о сестренке. Но мы можем подозревать, что означает этот переход. Ничего другого, как то, что маленькая Анна сама «Lumpf», что все дети «Lumpf'ы» и рождаются наподобие дефекации. Теперь мы понимаем, что все виды возов только возы для аистиных ящиков и представляют для него интерес только, как символическое замещение беременности, и что падение ломовой или тяжело нагруженной лошади может означать только разрешение от беременности. Таким образом, падающая лошадь означала не только умирающего отца, но также и рожающую мать.

И тут Ганс подносит сюрприз, к которому мы на самом деле не были подготовлены. Уже когда ему было 3½ года, он обратил внимание на беременность матери, закончившуюся рождением сестренки, и он конструировал для себя — во всяком случае после

родов — истинное положение вещей, никому не открывая этого и, быть может, не будучи в состоянии сделать это. Тогда можно было только наблюдать, что непосредственно после родов он скептически относился ко всем признакам, которые должны были указывать на присутствие аиста. Но то, что он в бессознательной части своей психики и противоположно своим официальным заявлениям знал, откуда пришло дитя, и где оно раньше находилось, подтверждается этим анализом вне всякого сомнения; быть-может, это даже самая неопровержимая часть анализа.

Доказательством этому служит упорно держащаяся и украшенная столькими деталями фантазия о том, что Анна уже летом, до ее рождения, находилась с ними в Гмундене, что она туда переезжала и что она тогда была способна к большему, чем через год после ее рождения. Дерзость, с которой Ганс преподносит эту фантазию, бесчисленные лживые вымыслы, которые он в нее вплетает, не совсем лишены права; все это должно служить местью отцу, на которого он сердится за то, что тот вводил его в заблуждение сказкой об аисте. Как будто он хотел сказать: если ты мог меня считать столь глупым, чтобы я поверил в аиста, который принес Анну, тогда я могу и от тебя требовать, чтобы ты мои выдумки принял за истину. В довольно прозрачном соотношении с этим актом мести маленького исследователя находится фантазия о том, как он дразнит и бьет лошадей. И эта фантазия тоже связана с двух сторон; с одной — она опирается на дерзости, которые он только-что наносил отцу, а с другой стороны она вновь обнаруживает неясные садистические желания по отношению к матери, которые вначале, когда мы еще их не понимали, проявлялись в фантазиях о преступных поступках. Он и сознательно признает весьма приятным бить маму.

Теперь нам уже нечего ожидать многих загадок. Неясная фантазия об опоздании поезда кажется предшественницей последующего помещения отца у бабушки в Лайнце, так как в этой фантазии дело идет о путешествии в Лайнц, и бабушка участвует в ней. Другая фантазия, в которой мальчик дает кондуктору 50.000 флор., чтобы тот позволил ему ехать на дрезине, звучит почти как план откупить мать у отца, сила которого отчасти в его богатстве. Затем он признается в желании устранить отца и соглашается с обоснованием этого желания (потому что отец мешает его интимности с матерью) с такой откровенностью, до какой он до сих пор

еще не доходил. Мы не должны удивляться, что одни и те же побуждения во время анализа выплывают по нескольку раз; дело в том, что монотонность происходит только от приемов толкования: для Ганса это не простые повторения, а прогрессирующее развитие от скромного намека до сознательной ясности, свободной от всяких искажений.

Все, что последует теперь, это — только исходящие от Ганса подтверждения фактов, несомненных для толкования, благодаря анализу. В довольно недвусмысленных симптомных поступках, которые он слегка прикрывает перед прислугой, а не перед отцом, он показывает, как он представляет себе деторождение; но при более внимательном наблюдении мы можем отметить еще кое-что, в анализе больше не появившееся. Он втыкает в круглое отверстие резиновой куклы маленький ножичек, принадлежащий матери, и затем дает ему выпасть оттуда, при чем он разрывает ноги кукле, раздвигая их в стороны. Последовавшее за этим разъяснение родителей, что дети действительно вырастают в чреве матери и выходят оттуда, как каловые массы при испражнении, оказывается запоздавшим; оно ему уже ничего нового сказать не может. При помощи другого, как бы случайно последовавшего симптомного поступка он допускает, что он желал смерти отца; он опрокидывает лошадь, с которой играл в тот момент, когда отец говорит об этом желании смерти. На словах он подтверждает, что тяжело нагруженные возы представляют для него беременность матери, а падение лошади — процесс родов.

Великолепное подтверждение того, что дети — Lumpf'ы, мы видим в придуманном им для его любимого ребенка имени «Лоди». Но оно становится нам известным несколько поздно, так как мы узнаем, что он давно играет с этим «колбасным» ребенком [1]).

Обе заключительные фантазии Ганса, которыми закончилось его излечение, мы отметили уже раньше. Одна о водопроводчике, который ему приделывает новый и, как угадывает отец, больший «Wiwimacher», является не исключительно повторением прежней фантазии, в которой фигурировали водопроводчик и ванна. Это — победная фантазия, которой преодолевается страх перед кастрацией

[1]) Кажущаяся сначала странной мысль гениального рисовальщика Т. Т. Heine, изображающего на страницах Simplicissimus'а, как ребенок мясника попадает в колбасную машину, как родители оплакивают его в виде сосиски, как его отпевают и как он возносится на небо, благодаря эпизоду о Lodi находит свое объяснение в инфантильных фантазиях.

Вторая фантазия, подтверждающая желание быть женатым на матери и иметь с ней много детей, не исчерпывает одного только содержания тех бессознательных комплексов, которые пробудились при виде падающей лошади и вызвали вспышку страха. Цель ее в исправлении всего того, что было совершенно неприемлемо в тех мыслях; вместо того, чтобы умертвить отца, он делает его безвредным женитьбой на бабушке. С этой фантазией вполне правильно заканчивается болезнь и анализ.

Во время хода анализа определенного случая болезни нельзя получить наглядного впечатления о структуре и развитии невроза. Это дело синтетической работы, которую нужно предпринять потом. Если мы произведем этот синтез для фобии нашего маленького Ганса, то мы начнем с его конституции, с его преобладающих сексуальных желаний и его переживаний до рождения сестры, о чем мы говорили на первых страницах этой статьи.

Появление на свет этой сестры принесло для него много такого, что с этого момента больше не оставляло его в покое. Прежде всего частица лишения: вначале временная разлука с матерью, а позже длительное уменьшение ее заботливости и внимания, которые он должен был делить с сестрой. Во-вторых, все то, что на его глазах мать проделывала с его сестренкой, пробудило в нем вновь его переживания, связанные с чувством наслаждения из того периода, когда он был грудным младенцем. Оба эти влияния усилили в нем его эротические потребности, вследствие чего он начал чувствовать необходимость удовлетворения. Ущерб, который ему принесла сестра, он компенсировал себе фантазией, что у него самого есть дети. Пока он в Гмундене на самом деле мог играть с этими детьми, его нежность находила себе достаточное отвлечение. Но по возвращении в Вену, опять одинокий, он направил все свои требования на мать и претерпел опять лишение, когда его в возрасте 4 лет удалили из спальни родителей. Его повышенная эротическая возбудимость обнаружилась в фантазиях, в которых вызывались, чтобы разделить его одиночество, его летние товарищи, и в правильных автоэротических удовлетворениях при помощи мастурбаторного раздражения полового органа.

В-третьих, рождение его сестры дало толчок для мыслительной работы, которой, с одной стороны, нельзя было разрешить, и которая, с другой стороны, впутывала его в конфликты чувств.

Пред ним предстала большая загадка, откуда появляются дети; быть-может, первая проблема, разрешение которой начинает беспокоить духовные силы ребенка, и которая в измененном виде воспроизведена, вероятно, в загадке фиванского сфинкса. Предложенное Гансу объяснение, что аист принес Анну, он отклонил. Все-таки он заметил, что у матери за несколько месяцев до рождения девочки сделался большой живот, что она потом лежала в постели, во время рождения девочки стонала и затем встала похудевшей. Таким образом, он пришел к заключению, что Анна находилась в животе матери и затем вылезла из него как «Lumpf». Этот процесс рождения в его представлении был связан с удовольствием, так как он опирался на прежние собственные ощущения удовольствия при акте дефекации, и поэтому с удвоенной мотивировкой мог желать иметь детей, чтобы их с удовольствием рожать, а потом (на ряду с удовольствием от компенсации) ухаживать за ними. Во всем этом не лежало ничего, что могло его привести к сомнению или к конфликту.

Но тут было еще кое-что, нарушавшее его покой. Отец должен был иметь отношение к р о ж д е н и ю маленькой Анны, так как он утверждал, что как Анна, так и он, Ганс, — его дети. Но, наверно, это не отец принес их на свет, а мама. Этот отец стоял у него поперек дороги к маме. В присутствии отца он не мог спать у матери, а когда мать хотела брать Ганса в постель, отец подымал крик. Гансу пришлось испытать, как это хорошо, когда отец находится в отсутствии, и желание устранить отца было вполне естественным. Затем эта враждебность получила подкрепление. Отец рассказал ему ложь про аиста и этим сделал для него невозможным просить разъяснения по поводу этих вещей. Он не только мешал ему лежать у мамы в постели, а скрывал от него знание, к которому стремился Ганс. Отец наносил ему ущерб в обоих направлениях, и все это, очевидно, к своей выгоде.

Первый, сначала неразрешимый, душевный конфликт создало то обстоятельство, что того же самого отца, которого он должен был ненавидеть как конкурента, он раньше любил и должен был любить дальше, потому что тот для него был первым образцом, товарищем, а в первые годы и нянькой. С развитием Ганса любовь должна была одержать верх и подавить ненависть в то самое время, когда эта ненависть поддерживалась любовью к матери.

Но отец не только знал, откуда приходят дети, он сам в этом принимал участие, что Ганс не совсем ясно мог подозревать.

что то здесь должен был делать Wiwimacher, возбуждение которого сопровождало все эти мысли, и, вероятно, большой Wiwimacher, больший, чем Ганс находил у себя. Если следовать указаниям ощущений, которые тут появлялись, то здесь должно было иметь место насилие над мамой, разбивание, открывание, внедрение в закрытое пространство, импульсы, которые Ганс чувствовал и в себе. Но хотя он находился уже на пути, чтобы на основании своих ощущений в penis'е постулировать vaginam, он все-таки не мог разрешить этой загадки, так как у него не было знаний того, что необходимо Wiwimacher'у. И, наоборот, разрешению препятствовала уверенность в том, что у мамы такой же «Wiwimacher», как и у него. Попытка решения вопроса о том, что нужно было предпринять с матерью, чтобы у нее появились дети, затерялась в области бессознательного. И без применения остались оба активных импульса — враждебный против отца и садистически любовный по отношению к матери, первый вследствие существующей наряду с ненавистью любви, второй — вследствие беспомощности, вытекающей из инфантильных сексуальных теорий.

Только в таком виде, опираясь на результаты анализа, я мог конструировать бессознательные комплексы и стремления, вытеснение и воскрешение которых вызвало у маленького Ганса фобию. Я знаю, что тут слишком много приписывается мыслительным способностям мальчика в возрасте 4—5 лет, но я руковожусь только тем, что мы узнали, и не поддаюсь влиянию предвзятостей, вытекающих из нашего незнания. Быть-может, можно было использовать страх перед топаньем ногами лошади, чтобы выполнить несколько пустых мест в нашем процессе толкования. Даже сам Ганс говорил, что это напоминает ему его топание ногами, когда его заставляют прервать игру, чтобы пойти в клозет; таким образом, этот элемент невроза становится в связь с проблемой, охотно ли или с принуждением получает мама детей; но у меня не получается впечатления, что этим вполне разъясняется значение «топанья ногами». Моего предположения, что у Ганса пробудилось воспоминание о половом сношении родителей, замеченном им в спальне, отец подтвердить не мог. Итак, удовлетворимся тем, что мы узнали.

Благодаря какому влиянию в описанной ситуации появилось у Ганса превращение страстного желания в страх, с какого конца имело место вытеснение, — сказать трудно, и это можно решить только после сравнения со многими подобными анализами. Вызвала ли вспышку интеллектуальная недостаточность ребенка разрешить трудную загадку деторождения и использовать развившиеся при приближении к разрешению агрессивные импульсы; или недостаточность соматическая, невыносливость его конституции к правильно проделывавшемуся мастурбаторному удовлетворению; или самая продолжительность сексуального возбуждения в столь высокой интенсивности должна была повести к перевороту, — все это я оставляю под вопросом, пока дальнейший опыт не придет нам на помощь.

Приписать случайному поводу слишком много влияния на появление заболевания запрещают условия времени, так как намеки на страх наблюдались у Ганса задолго до того, как он присутствовал на улице при падении лошади.

Но во всяком случае невроз непосредственно опирается на это случайное переживание и сохраняет его следы, возводя лошадь в объект страха. Само по себе это впечатление не имеет «силы травмы»; только прежнее значение лошади, как предмета особой любви и интереса, и ассоциация с более подходящим для роли травмы переживанием в Гмундене, когда во время игры в лошадки упал Фриц, а затем уже легкий путь ассоциации от Фрица к отцу придали этому случайно наблюдавшемуся несчастию столь большую действительную силу. Да, вероятно, и этих отношений оказалось бы мало, если бы, благодаря гибкости и многосторонности ассоциационных связей, то же впечатление не оказалось способным затронуть другой комплекс, затаившийся у Ганса в сфере бессознательного, — роды беременной матери. С этого времени был открыт путь к возвращению вытесненного, и по этому пути *патогенный материал был переработан (транспонирован) на комплекс лошади, и все сопутствующие аффекты оказались превращенными в страх.*

Весьма интересно, что идейному содержанию фобии пришлось еще подвергнуться искажению и дополнению прежде, чем оно дошло до сознания. Первая формулировка страха, высказанная Гансом: «лошадь укусит меня»; она обусловлена другой сценой в Гмундене, которая, с одной стороны, имеет отношение к враждебным желаниям, направленным на отца, с другой — напоминает предостережение по поводу онанизма. Здесь проявилось также отвлекающее влияние, которое, вероятно, исходило от родителей; я не уверен, что сообщения о Гансе тогда записывались достаточно тщательно, чтобы решиться сказать, дал ли он эту формулировку для своего страха *до* или *только после* предупреждения ма-

тери по поводу мастурбации. В противоположность приведенной истории болезни я склонен предположить последнее. В остальном довольно ясно, что враждебный комплекс по отношению к отцу повсюду скрывает похотливый комплекс по отношению к матери; точно так же, как и в анализе, он первым открывается и разрешается.

В других случаях болезни нашлось бы больше данных, чтобы говорить о структуре невроза, его развитии и распространении, но история болезни нашего маленького Ганса слишком коротка; она вскоре же после начала сменяется историей лечения. Когда фобия в продолжение лечения казалась дальше развивающейся, привлекала к себе новые объекты и новые условия, лечивший Ганса отец оказывался, конечно, достаточно благоразумным, чтобы видеть в этом только проявление уже готового, а не продукцию нового, в котором можно было бы винить лечение. На такое понимание в других случаях лечения не всегда можно рассчитывать.

Прежде, чем закончить этот синтез, я должен принять в соображение еще другую точку зрения, при которой мы очутимся посреди трудностей понимания невротических состояний. Мы видим, как нашего маленького пациента охватывает волна вытеснения, которое касается преимущественно его преобладающих сексуальных компонентов [1]). Он признается в онанизме, с отвращением отвергает от себя все то, что напоминает экскременты и операции, связанные с действием кишечника. Но это не те компоненты, которые затронуты поводом к заболеванию (падение лошади) и которые дают материал для симптомов, содержание фобии.

Таким образом, здесь есть повод установить принципиальное различие. Вероятно, можно достигнуть более глубокого понимания случая болезни, если обратиться к тем другим компонентам, которые удовлетворяют обоим вышеприведенным условиям. У Ганса это — стремления, которые уже раньше были подавлены и которые, насколько мы знаем, никогда не могли проявиться незаторможенными: враждебно ревнивые чувства к отцу и садистические, соответствующие предчувствию coitus'а, влечения к матери. В этих ранних подавлениях находится, быть-может, предрасположение для позже появившейся болезни. Эти агрессивные наклонности не нашли у

[1]) Отец наблюдал даже, что одновременно с этим вытеснением у ребенка наступает в известной мере сублимирование. Вместе с наступлением боязливости он проявляет повышенный интерес к музыке и развивает унаследованное музыкальное дарование.

Ганса никакого выхода, и как только они в период лишения и повышенного сексуального возбуждения стремились проявиться с большей силой, вспыхнула борьба, которую мы называем «фобией». Во время ее проникает в сознание, как содержание фобии, часть вытесненных представлений, искаженных и переработанных на другой комплекс; но несомненно, что это — жалкий успех. Победа остается за вытеснением, которое при этом случае захватывает и другие компоненты. Но это ничего не изменяет в том, что сущность болезненного состояния остается безусловно связанной с природой компонентов влечения, подлежащих удалению. Цель и содержание фобии — это далеко идущее ограничение свободы движения и, таким образом, мощная реакция против неясных двигательных импульсов, которые особенно стремятся направиться на мать. Лошадь для нашего мальчика всегда была образцом удовольствия от движения («я молодая лошадь», говорит Ганс, прыгая), но так как удовольствие от движения заключает в себе импульс coitus'а, то это удовольствие невроз ограничивает, а лошадь возводится в символ ужаса. Кажется, что вытесненным влечениям в неврозе ничего больше не остается, как честь доставлять в сознание поводы для страха. Но как бы ни была отчетливо выраженной победа сексуального отклонения в фобии, все-таки компромиссная природа болезни не допускает, чтобы вытесненное могло достичь чего-либо другого. Фобия перед лошадью — все-таки препятствие выйти на улицу и может служить средством остаться дома у любимой матери. Здесь победила его нежность к матери; любящий цепляется вследствие своей фобии за любимый объект, но он, конечно, заботится и о том, чтобы не испытать опасности. В этих обоих влияниях обнаруживается настоящая природа невротического заболевания.

Недавно А. Адлер в богатой идеями работе, из которой я взял термин «сплетение влечения», писал, что страх происходит от подавления так называемого «агрессивного влечения», и в обширном синтезе он приписал этому влечению главную роль «в жизни и в неврозе». Если бы мы, в конце концов, были склонны признать, что в нашем случае фобии страх объясняется вытеснением агрессивных склонностей, враждебной — к отцу и садистической — к матери, то мы имели бы блестящее подтверждение взглядов Адлера. И все-таки я с этим не могу согласиться, так как это ведет к вносящим заблуждение обобщениям. Я не могу решиться признать особое агрессивное влечение на ряду и на одинаковых

правах с известными нам влечениями самосохранения и сексуальным. Мне кажется, что Адлер неправильно считает особенным влечением общий и непременный характер всякого влечения и именно то «влекущее», побуждающее в них, что мы могли бы описать как способность давать толчок двигательной сфере. Из всех влечений не осталось бы ничего, кроме отношения к цели, после того, как мы отняли бы от них отношение к средствам для достижения этой цели, «агрессивное влечение». Несмотря на всю неуверенность и неясность нашего учения о влечениях, я все-таки пока держался бы привычных воззрений, которые признают за каждым влечением свою собственную возможность сделаться агрессивным и без того, чтобы быть направленным на объект. И в обоих влечениях, достигших вытеснения у Ганса, я признал бы давно известные компоненты сексуального либидо.

III.

Прежде, чем я приступлю к своим кратким замечаниям по поводу того, что можно извлечь ценного из фобии маленького Ганса для жизни и воспитания детей, я должен ответить на возражение, что Ганс — невротик, отягченный наследственностью дегенерат и ненормальный ребенок сравнительно с другими детьми. Мне уже заранее досадно думать, как сторонники существования «нормального человека» будут третировать нашего маленького бедного Ганса, после того как узнают, что у него, действительно, можно отметить наследственное отягощение.

Я в свое время пришел на помощь его прекрасной матери, которая в своем конфликте девичьего периода заболела неврозом, и это даже было началом моего сближения с его родителями. Но я позволю себе лишь с большой робостью привести кое-что в его защиту.

Прежде всего, Ганс совсем не то, что после строгого наблюдения можно было бы назвать дегенеративным, наследственно обреченным на нервозность ребенком. Наоборот, это скорее физически хорошо развитой, веселый, любезный, с живым умом мальчишка, который может вызвать радость не только у отца. Конечно, не подлежит сомнению его скороспелое половое развитие, но для правильного суждения у нас нет достаточного сравнительного материала. Так, например, из одного массового исследования, произведенного в Америке, я мог видеть, что подобный же ранний выбор объекта и любовные ощущения у мальчиков вовсе не так

редки; а так как то же известно и из истории детства «великих» людей, то я склонен был бы думать, что сексуальная скороспелость является редко отсутствующим коррелатом интеллектуального развития, и поэтому она встречается у одаренных детей чаще, чем этого можно было ожидать.

Открыто сознаваясь в моем неравнодушии к маленькому Гансу, я должен заявить, что он не единственный ребенок, который в периоде детства был одержим фобиями. Известно, что эти заболевания необыкновенно часты, и даже у таких детей, воспитание которых в смысле строгости не оставляет желать ничего большего. Такие дети позже или делаются невротиками, или остаются здоровыми. Их фобии заглушаются криками в детской, потому что для лечения они недоступны и, наверно, весьма неудобны. В течение месяцев или лет эти фобии ослабевают и кажутся излеченными; какие психические изменения обусловливает подобное излечение, какие связаны с ними изменения характера, об этом никто не узнает. И когда приступаешь к психоанализу взрослого невротика, у которого болезнь, предположим, обнаружилась только в годы зрелости, то каждый раз узнаешь, что его невроз связан с таким детским страхом и представляет только его продолжение, и что непрерывная, а в то же время ничем не нарушаемая психическая работа, начинаясь с детских конфликтов, продолжается и дальше в жизни, независимо от того, отличался ли первый симптом постоянством или исчезал под давлением обстоятельств. Таким образом, я думаю, что наш Ганс был болен не сильнее, чем многие другие дети, на которых не налагают клейма дегенерата; но так как его воспитывали возможно бережно, без запугиваний и с возможно малым принуждением, то и его страх проявился более открыто. У этого страха не было мотивов нечистой совести и страха перед наказанием, которые, наверное, обыкновенно оказывают влияние на его уменьшение. Я склонен думать, что мы обращаем слишком много внимания на симптомы и мало заботимся о том, откуда они происходят. Ведь в деле воспитания детей мы ничего больше не желаем, как покоя, не желаем переживать никаких трудностей, коротко сказать, мы культивируем послушного ре енка и слишком мало обращаем внимания, полезен ли для него та ой ход развития. Итак, я могу предположить, что продуцирование фобии Гансом было для него целительным, 1) потому, что оно направило внимание родителей на неизбежные трудности, которые ребенку при современном культурном воспитании приносит

преодоление прирожденных компонентов влечения, 2) потому, что его болезнь повлекла за собой подачу помощи отцом. Быть-может, у него даже есть преимущество перед другими детьми, что он больше не носит в себе того ядра вытесненных комплексов, которое в дальнейшей жизни всякий раз должно иметь какое-нибудь значение. Оно, наверно, приносит с собой в известной мере неправильности в развитии характера, если не предрасположение к будущему неврозу. Я склонен так думать, но не знаю, согласятся ли со мной и другие, не знаю также, подтвердит ли все это опыт.

Но должен спросить, чем повредили Гансу выведенные на свет комплексы, которые не только вытесняются детьми, но которых боятся и родители? Разве мальчик начал серьезно относиться к своим претензиям на мать, или место дурных намерений по отношению к отцу заняли поступки? Этого, наверно, боялись бы все те, которые не могут оценить сущность психоанализа и думают, что можно усилить дурные побуждения, если сделать их сознательными. Эти мудрецы только тогда поступают последовательно, когда они всячески убеждают не заниматься всеми теми дурными вещами, которые кроются за неврозом. Во всяком случае, они при этом забывают, что они врачи, и у них обнаруживается фатальное сходство с шекспировским Dog berry в «Много шуму из пустяков», который тоже дает страже совет держаться вдали от всякого общения с попавшимися ворами и разбойниками. Подобный сброд вовсе не компания для честных людей! [1])

Наоборот, единственные последствия анализа — это то, что Ганс выздоравливает, не боится больше лошадей и начинает относиться к отцу более по-товарищески, о чем последний сообщает с усмешкой. Но все, что отец теряет в уважении, он выигрывает в доверии. «Я думал, что ты знаешь все, потому что ты знал это о лошади». Благодаря анализу, успех вытеснения не ослабляется, влечения, которые были в свое время подавлены, остаются подавленными. Но успех получается другим путем, так как анализ заменяет автоматический и эксцессивный процесс вытеснения полным и целесообразным преодолением при помощи высших духовных инстанций.

---

[1]) Я не могу удержаться, чтобы не задать вопроса, откуда противники моих взглядов получают свои, повидимому, обширные знания насчет того, играют ли роль вытесненные сексуальные влечения (и какие из них) в этиологии неврозов, если они закрывают рот пациенту, как только тот начинает говорить про свои комплексы и их производные. Единственное знание, которое остается для них доступным, — это сообщения мои и моих последователей.

Одним словом, он заменяет вытеснение осуждением. Нам кажется, что анализ дает давно ожидаемое доказательство того, что сознание носит биологическую функцию, и с его выступлением связаны значительные преимущества.

Если бы я мог сам все устроить по своему, я решился бы дать мальчику еще одно разъяснение, которого родители не сделали. Я подтвердил бы его импульсивные предчувствия, рассказавши ему о существовании vaginae и coitus'a, и таким образом еще больше уменьшил неразрешенный остаток и положил бы конец его стремлению к задаванию вопросов. Я убежден, что вследствие этих разъяснений не пострадала бы ни его любовь к матери, ни его детский характер, и он понял бы, что с занятиями этими важными, даже импозантными вопросами нужно подождать, пока не исполнится его желание стать большим. Но педагогический эксперимент не был доведен так далеко.

Что между «нервными» и «нормальными» детьми и взрослыми нельзя провести резкой границы, что «болезнь» — это чисто практическое суммарное понятие, что предрасположение и переживание должны встретиться, чтобы переступить порог достижения этой суммации, что вследствие этого то и дело многие индивидуумы переходят из класса здоровых в разряд нервно-больных, а гораздо меньшее число людей проделывает обратный путь от болезни к здоровью, — все это вещи, о которых уже столько людей говорило и столько поддерживало, что я со своими утверждениями, наверное, окажусь не одиноким. Что воспитание ребенка может оказать мощное влияние в пользу или во вред предрасположению к болезни при этом процессе суммации, считается по меньшей мере весьма вероятным. Но чего надо добиваться при воспитании и где надо в него вмешаться, до сих пор остается под вопросом.

До сих пор воспитание всегда ставило себе задачей обуздывание или часто настоящее подавление влечений; успех получался далеко не удовлетворительный, а там, где он имелся, то — к выгоде небольшого числа избранных, для которых такого подавления и не требовалось. Никто также не спрашивал себя, каким путем и какими жертвами достигается подавление неудобных влечений. Но попробуем эту задачу заменить другой, а именно — сделать индивидуума при наименьших потерях в его активности пригодным для культурной социальной жизни. Тогда нужно принять во внимание все разъяснения, полученные от психоанализа, по поводу происхождения патогенных комплексов и ядра всякой нервозности,

и воспитатель найдет уже в этом неоценимые указания, как держать себя по отношению к ребенку. Какие практические выводы можно отсюда извлечь, и насколько наш опыт может оправдать проведение этих выводов в нашу жизнь при современных социальных отношениях, я предоставляю другим для испытания и разрешения.

Я не могу расстаться с фобией нашего маленького пациента, не высказавши предположения, которое делает для меня этот анализ, приведший к излечению, особенно ценным. Строго говоря, из этого анализа я не узнал ничего нового, ничего такого, чего я уже раньше, быть-может, в менее отчетливой и непосредственной форме, не мог угадать у других взрослых. Неврозы этих других больных каждый раз можно свести на такие же инфантильные комплексы, которые открывались за фобией Ганса. Поэтому я хотел бы считать этот детский невроз типичным и образцовым, как если бы ничто не мешало приписывать разнообразие невротических явлений вытеснения и богатство патогенного материала происхождению от очень немногих процессов в одних и тех же комплексах представлений.

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ДЕТСКОГО НЕВРОЗА[1]).

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Заболевание, о котором я намерен здесь сообщить, — опять таки в виде отрывка — отличается целым рядом особенностей, которые необходимо отдельно подчеркнуть, прежде чем приступить к изложению самого случая. Случай этот касается молодого человека, впавшего на 18-м году жизни, после гонорройной инфекции, в тяжелую болезнь, выражавшуюся в полной его зависимости от окружающих; он совершенно не был способен к существованию к тому времени, когда — спустя несколько лет после заболевания — с ним было предпринято психоаналитическое лечение. Первые десять юношеских лет до момента заболевания он прожил почти в нормальном состоянии здоровья и закончил среднее образование без особых затруднений. Но в предшествующие годы благополучие нарушалось тяжелыми невротическими страданиями, начавшимися как раз перед самым днем его рождения, на пятом году жизни, в форме истерии страха (фобии животных), превратившейся затем в невроз навязчивости с религиозным содержанием, причем некоторые симптомы сохранились до восьмилетнего возраста.

[1]) Эта история болезни написана вскоре после окончания лечения зимою 1914-15 г. под свежим еще тогда впечатлением тех новых толкований, которые Юнг (Jung) и Адлер (Adler) хотели придать результатам психоанализа. Она, таким образом, примыкает к опубликованной в *Jahrbuch der Psychoanalyse*, VI, статье: «К истории психоаналитического движения» (см. III выпуск этой библиотеки) и дополняет содержащуюся там личную, по существу, полемику с объективной оценкой аналитического. Она первоначально была предназначена для следующего тома журнала, но так как появление его затянулось на неопределенное время вследствие помех великой войны, то я решился включить ее в этот сборник, выпускаемый новым издателем. Многое из того, что должно было быть впервые высказано в этой статье, я должен был между тем разобрать в моих «Лекциях по введению в психоанализ. 1916—17» (см. вып. I и II этой библиотеки). Текст первой рукописи не подвергся никакому, сколько-нибудь значительному изменению; дополнения отмечались квадратными скобками.

Содержание моего сообщения составит только этот детский невроз. На прямое предложение пациента с просьбой дать ему полное описание его заболевания, лечения и выздоровления, я ответил отказом, так как считаю эту задачу технически неосуществимой и социально недопустимой. Благодаря этому пропадает возможность показать связь между его инфантильным заболеванием и более поздним окончательным. Относительно последнего я могу сказать только, что больной провел много времени в немецких санаториях, и тогда его заболевание авторитетным специалистом было классифицировано, как маниакально - депрессивное. Этот диагноз был несомненно верен по отношению к отцу пациента, жизнь которого, полная интересов и деятельности, неоднократно нарушалась припадками тяжелой депрессии. У сына, при многолетнем наблюдении, мне не удавалось ни разу наблюдать перемену настроения, которая по своей интенсивности или по условиям своего возникновения превосходила бы то, что было естественно при той или иной создавшейся психической ситуации. Об этом случае у меня сложилось представление, как об одном из тех, в которых клиническая психиатрия ставит разнообразные и различные диагнозы, и которые нужно понимать как последствие невроза навязчивости, самопроизвольно закончившегося выздоровлением с дефектом.

В моем описании будет, следовательно, итти речь об инфантильном неврозе, подвергнувшемся анализу не тогда, когда он был, а лишь пятнадцать лет спустя после того, как он прошел. Такое положение имеет свои преимущества, но вместе с тем и свои недостатки по сравнению с другим. К анализу, производимому непосредственно над невротическим ребенком, кажется, можно отнестись с бо̀льшим доверием, но такой анализ не может быть очень содержателен; приходится подсказывать ребенку очень много слов и мыслей, и все же самые глубокие слои могут оказаться непроницаемыми для сознания. Анализ детского заболевания, проходящий через среду воспоминаний, у взрослых и духовно зрелых свободен от этих ограничений; но необходимо принять во внимание искажения и переработку, которым подвергаются собственные воспоминания, когда рассматриваешь их ретроспективно в более поздний период жизни. В первом случае получаются, пожалуй, более убедительные результаты, второй — гораздо поучительней.

Во всяком случае, можно утверждать, что анализы детских неврозов могут претендовать на особенно повышенный теоретический

интерес. Для правильного понимания неврозов взрослых они дают приблизительно столько же, сколько детские сны для снов взрослых. Дело не в том, что их легче разобрать или что они беднее элементами; трудность проникновения в душевную жизнь ребенка делает работу врача при их анализе особенно тяжелой. Но в них отпадает так много из позднейших наслоений, что самое существенное в неврозе выступает особенно ярко. Сопротивление, оказываемое выводам психоанализа, в настоящей фазе борьбы за психоанализ, как известно, приняло новые формы. Прежде довольствовались тем, что отрицали действительную реальность утверждаемых анализом фактов, а для этого лучшим техническим методом было — избегать каких-либо проверок личным опытом. Этот прием, как будто, постепенно сходит на нет; теперь идут другим путем: факты признают, но выводы, к которым эти факты приводят, стараются истолковать как-нибудь по иному и таким образом их обезвредить, чтобы снова освободиться от всех неприличных новинок. Изучение детских неврозов убеждает в полной несостоятельности этих нетрудных или насильственных попыток перетолковать все по иному. Оно доказывает преобладающее участие так охотно отрицаемых либидинозных влечений в формировании невроза и открывает отсутствие отдаленных культурных целей и стремлений, неизвестных ребенку и не имеющих поэтому для него никакого значения.

Другая черта, на которую излагаемый здесь анализ пытается обратить внимание, находится в связи с тяжестью заболевания и длительностью его лечения. Анализы, приводящие в короткий срок к благоприятному исходу, ценны для самочувствия терапевта и служат доказательством врачебного значения психоанализа; для успехов научного познания они, по большей части, ничего не дают. На них ничему новому не научишься. Они только потому так быстро удаются, что все необходимое известно уже заранее. Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, для преодоления которых требуется, конечно, много времени. Только в таких случаях удается добраться до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития и там найти разрешение проблем позднейших душевных формирований. Тогда начинаешь думать, что только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия. Разумеется, один только случай не научает всему, что хотелось бы знать. Вернее говоря, он мог бы научить всему, если только сам в состоянии все понимать и не

вынужден довольствоваться немногим благодаря собственной неопытности при восприятии.

В отношении таких плодотворных трудностей описываемый здесь случай болезни не оставляет желать ничего лучшего. Первые годы лечения не дали почти никакой перемены. Счастливое стечение обстоятельств привело к тому, что, несмотря ни на что, внешние условия сделали возможным продолжение терапевтических попыток. Охотно допускаю, что при менее благоприятных условиях лечение через некоторое время было бы прекращено; что касается точки зрения врача, то я могу сказать только, что в таких случаях последний должен вести себя так же «вне времени», как и само бессознательное, если только он хочет что-нибудь узнать и чего-нибудь достичь. Это ему в конце концов удастся, если он в состоянии отказаться от близорукого терапевтического честолюбия. Ту бездну терпения, покорности, понимания и доверия, которые требуются от больного и его родных, можно встретить только в немногих случаях. Но аналитик может себе сказать, что выводы, полученные в одном случае после такой длительной работы, помогут ему значительно сократить срок лечения следующего такого же тяжелого заболевания и таким образом постепенно преодолеть «вневременность» бессознательного, подчинившись ему в первый раз.

Пациент, которым я здесь занят, долгое время оставался недоступным под броней «установки» покорного безучастия. Он внимательно слушал, понимал, но его ничто не трогало. Его безупречная интеллигентность была как бы отрезана от действовавших сил влечений, господствовавших над всем его поведением в немногих оставшихся ему жизненных отношениях. Потребовалось длительное воспитание, чтобы заставить его принять самостоятельное участие в работе; а когда вследствие этих стараний наступило первое облегчение, он немедленно прекратил работу, чтобы не допустить дальнейших изменений и, таким образом, остаться в создавшейся уютной обстановке. Его боязнь перед необходимостью самостоятельного существования была так велика, что превосходила все страдания, вызванные болезнью. Нашелся только один путь, который помог преодолеть ее. Мне пришлось ждать до тех пор, пока привязанность к моей личности настолько окрепла, что составила противовес этой болезни, и тогда я использовал этот фактор против другого. Руководствуясь верными признаками своевременности, я решил, что лечение должно быть закончено к определенному сроку независимо от того, насколько оно пока продвинулось

вперед. У меня было твердое решение не нарушать этого срока; пациент, наконец, поверил серьезности моего намерения. Под неумолимым давлением этого определенного срока его сопротивление пошло на уступки, как и его привязанность к болезни, и тогда анализ в относительно очень короткое время вскрыл весь материал, который сделал возможным разрешение его задержек и уничтожение его симптомов. К этому последнему периоду работы, когда сопротивление временно исчезло и больной производил впечатление просветленности, обычно возможной только в гипнозе относятся все те объяснения, которые сделали для меня возможным понимание детского невроза.

Таким образом, ход этого лечения иллюстрирует уже давно установленное аналитической техникой положение, что длина пути, который должен пройти анализ, и обилие материала, которое приходится на этом пути одолеть, не имеют значения в сравнении с сопротивлением, оказываемым во время работы самим больным; с ними приходится считаться лишь постольку, поскольку они по необходимости пропорциональны этому сопротивлению. Это тот же процесс, какой имеет место, когда наступающая армия тратит недели и месяцы, чтобы пройти расстояние, которое в мирное время можно проехать за несколько часов скорым поездом и которое за некоторое время до того было пройдено враждебной ей армией в несколько дней. Третья особенность описанного здесь анализа опять-таки затруднила решение опубликовать его. Результаты его в общем вполне удовлетворительно совпадали с нашими прежними знаниями или составляли хорошее к ним дополнение. Но некоторые детали казались мне такими замечательными и невероятными, что у меня явилось сомнение в возможности завоевать для них доверие других. Я требовал от пациента строжайшей критики по отношению к своим воспоминаниям, но он не находил в своих показаниях ничего невероятного и продолжал на них настаивать. Читатели, по крайней мере, должны быть убеждены в том, что я сам передаю только сообщенное мне как независимое переживание, без всякого влияния со стороны делаемых мною предположений. В таком случае мне ничего другого не оставалось, как вспомнить ту мудрость, которая гласит, что между небом и землей происходят такие вещи, какие и не снились нашим мудрецам. Тому, кто сумел бы еще основательней освободиться от влияния предвзятых убеждений, удалось бы наверное открыть еще больше подобного рода вещей.

II. ОБЗОР СРЕДЫ И ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ.

Историю моего больного я не могу писать ни чисто исторически, ни чисто прагматически; не могу дать ни истории лечения, ни истории болезни, а вынужден комбинировать эти оба способа изложения. Как известно, не найдено еще пути передать в изложении то личное убеждение, которое создается в результате проведенного анализа. Исчерпывающими протокольными записями во время аналитического сеанса наверное ничего не сделаешь; составление их исключается к тому же и техникой лечения. Поэтому подобные анализы не следует публиковать с целью убедить тех, кто до сих пор относится отрицательно и недоверчиво. Можно надеяться дать что-нибудь новое только таким исследователям, которые составили уже себе определенное убеждение на основании собственного опыта с больными.

Начну с того, что опишу мир, окружавший ребенка, и то, что легко было узнать из истории его детства и что в течение многих лет лечения не дополнялось и не выяснялось.

Рано женившиеся родители жили еще в счастливом браке, на который первую тень бросили их болезни: женская болезнь матери и первые припадки депрессии у отца, имевшие последствием его отсутствие из дома. Пациент научается, разумеется, только гораздо позже понимать болезнь отца, но с болезненным состоянием матери он знакомится уже в ранние детские годы. Из-за этой болезни мать сравнительно мало занималась детьми. Однажды, быть может, на шестом году жизни, он слышит, идя рядом с матерью и держа ее за руку, ее жалобы врачу, которого она проводит на станцию; он запоминает ее слова с тем, чтобы использовать их для себя. Он не единственный ребенок; у него есть сестра, старше его на два года, живая, одаренная и преждевременно испорченная, которой суждено сыграть большую роль в его жизни.

За ним ухаживает, насколько хватает его воспоминаний, необразованная старая женщина из народа, питающая к нему неисчерпаемую нежность. Он заменил ей рано умершего сына. Семья живет в имении, из которого летом переезжает в другое. Большой город находится недалеко от обоих имений. Целый период его детства составляет продажа родителями имений и переезд в город. Часто в течение долгого времени, в том или другом имении проживают близкие родственники, братья отца, сестры матери, их дети и дедушка и бабушка со стороны матери. Летом обыкновенно родители уезжают на несколько недель. Одно «покрывающее воспоминание» (Deckerinnerung) рисует ему картину, как он со своей няней смотрит вслед экипажу, увозящему отца, мать и сестру, а затем спокойно возвращается домой. Он был тогда, вероятно, очень маленьким[1]). Следующим летом сестра осталась дома; была приглашена гувернантка-англичанка, которой было поручено наблюдение за детьми.

В более позднем возрасте ему много рассказывали о его детстве[2]). Многое он сам знал, но, разумеется, без временной или внутренней связи. Одно из этих преданий, несметное число раз повторяемое впоследствии, по поводу его позднейшего заболевания, знакомит нас с проблемой, разрешение которой нас будет занимать. Сначала он был, будто бы, кротким, послушным и спокойным ребенком, так что обыкновенно говорили, что ему следовало бы быть девочкой, а старшей сестре его — мальчуганом. Но однажды родители, возвратившись из летней поездки, нашли в нем большую перемену. Он стал недовольным, раздражительным, несдержанным, обижался по всякому поводу, бесился и кричал, как дикарь, так что родители, видя, что состояние его не меняется, высказывали опасение, что позже не будет возможности посылать его в школу. Это было в то лето, когда появилась англичанка-гувернантка, которая оказалась глупой, несносной особой, а к тому же еще и пьяницей. Мать поэтому была склонна привести в связь перемену в характере мальчика с влиянием англичанки, предполагая, что последняя привела его в раздражение своим обращением. Проницательная бабушка, проведшая лето с детьми, придерживалась мнения, что раздражительность ребенка вызвана раздорами между англичанкой и няней. Англичанка неоднократно называла ее ведьмой и выгоняла из комнаты. Ребенок открыто принимал сторону любимой няни и про-

---

[1]) Два с половиной года. Почти все сроки удалось впоследствии точно установить.

[2]) Сообщениями такого рода нельзя обыкновенно пользоваться, как материалом, заслуживающим неограниченного доверия. Весьма естественно без особого труда заполнить пробелы воспоминаний пациента расспросами старших членов семьи; однако, я не могу с достаточной решительностью предупредить против такого приема. То, что родственники рассказывают при подобных расспросах, подлежит возможно критическому отношению. Всегда приходится вести изложение в зависимости от такого рода сообщений; при этом нарушается доверие к анализу, так как над ним поставлена другая инстанция. То, что только удается вспомнить, проявляется в дальнейшем течении анализа.

являл свою ненависть к гувернантке. Как бы то ни было, вскоре после возвращения родителей англичанку отпустили, а в несносном характере ребенка в то же время ничто не переменилось.

У пациента сохранилось воспоминание об этом тяжелом времени. Он рассказывает, что первое бурное проявление его характера имело место на Рождестве, когда он не получил двойного подарка, как то ему следовало, потому что день Рождества был одновременно и днем его рождения. Своими капризами и обидами он не щадил даже любимую няню и может быть ее-то мучил самым жестоким образом. Но эта фаза изменения характера неразрывно связана в его воспоминаниях со многими другими странными и болезненными явлениями, которых он не умеет распределить во временной последовательности. Все, что сейчас последует в рассказе, — что не могло иметь место в одно и то же время и что полно внутреннего противоречия, — он приводит к одному и тому же времени, которое определяет, как «еще в первом имении». Он полагает, что выехал из этого имения, когда ему было пять лет. Он помнит, что страдал «страхом», — чем пользовалась его сестра, чтобы мучить его. У него была книга с картинками, в которой был изображен волк, стоявший на задних лапах и широко шагавший. Когда ему попадалась на глаза эта книга, он начинал исступленно кричать, боясь, что придет волк и сожрет его. Но сестра всегда умела так устраивать, что ему приходилось смотреть на эту картинку, и радовалась его испугу. Однако, он боялся и других животных, маленьких и больших. Однажды он гнался за красивой большой бабочкой с крыльями в желтых полосках, заостренных к концу, желая поймать насекомое (это был, вероятно, «Адмирал»). Вдруг его охватил ужасный страх перед этим насекомым, и он с криком прекратил ловлю. Он питал также к жукам и гусеницам страх и отвращение. Но ему удалось вспомнить, что в то же время мучил жуков и разрезал гусениц; и лошади внушали ему жуткое чувство. Когда били лошадь, он не мог сдерживать крика и однажды должен был из-за этого уйти из цирка. В других случаях он сам любил бить лошадей. Но по воспоминаниям своим он не мог решить, проявлялись ли эти противоположные отношения к животным одновременно, или же одно отношение сменялось другим, а в последнем случае, в какой последовательности и когда. Он не мог также сказать, сменилось ли у него это тяжелое время фазой болезни, или сохранилось и в течение последней. Во всяком случае, его последующие рассказы оправдывали пред-

положение, будто в те детские годы он перенес вполне явное заболевание неврозом навязчивости. Он рассказал, что долгое время был очень набожен. Перед сном он должен был долго молиться и творить бесконечно длинный ряд крестных знамений. Вечером он обыкновенно со скамейкой, на которую взбирался, обходил все иконы, висевшие в комнате и проникновенно целовал каждую. С этим благочестивым церемониалом очень плохо, — а может быть, очень хорошо, — вязалось то обстоятельство, что он вспоминал богохульные мысли, возникавшие в уме его, как навождение диавола. Он должен был думать: бог — свинья или бог — кал. Однажды во время путешествия на немецкий курорт он страдал от навязчивости, так как должен был думать о святой тройце, когда видел на улице три кучки навоза или другого кала. Тогда же он совершал своеобразный церемониал, когда видел людей, внушавших ему жалость: нищих, калек, старцев. Он должен был с шумом выдохнуть воздух, чтобы не стать таким, как они; при определенных других условиях — втягивать также с силой воздух. Мне казалось вполне естественным предположение, что эти явные симптомы невроза навязчивости относятся к несколько более позднему возрасту и к периоду развития, чем явления страха и жестокости по отношению к животным.

Более зрелые годы жизни пациента протекали при очень неблагоприятном отношении к отцу, который тогда после неоднократных припадков депрессии не мог скрывать болезненных сторон своего характера. В течение первых лет детства взаимоотношения между отцом и сыном отличались большой нежностью, воспоминания о которой сохранились в памяти ребенка. Отец очень любил его и охотно с ним играл. Мальчик с малых лет гордился отцом и говорил, что хочет быть таким господином, как тот. Няня сказала ему, что сестра принадлежит матери, а он — отцу, чем он был очень доволен. На исходе детства между ним и отцом произошло охлаждение. Отец явно оказывал предпочтение сестре, что очень огорчало мальчика. Позже в отношениях к отцу доминировал страх.

Около восьмилетнего возраста исчезли все явления, которые пациент относит к периоду жизни, начавшемуся с «испорченности» (Schlimmheit). Они исчезли не сразу, а несколько раз появлялись снова, но в конце концов исчезли, как думает больной, под влиянием учителей и воспитателей, которые к тому времени заняли место воспитательниц-женщин. Таковы, в общих контурах, загадки,

разрешение которых предстояло найти психоанализу: откуда взялась внезапная перемена характера мальчика, что означала его фобия и его перверсии, каким образом нашла на него его навязчивая набожность и какая связь между этими всеми феноменами? Еще раз напоминаю, что наша терапевтическая работа касалась более позднего рецентного невротического заболевания и что объяснение тех более ранних проблем могло получиться только тогда, когда течение анализа на некоторое время отступало от настоящего и вынуждало нас направляться обходным путем через самое раннее детство.

III. СОБЛАЗН И ЕГО НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Самое естественное предположение имело, понятно, в виду англичанку-гувернантку, в присутствии которой наступила перемена в мальчике. У него сохранились два непонятных «покрывающих воспоминания» (Deckerinnerungen) относительно нее. Однажды, идя впереди, она сказала тем, кто за ней шел: посмотрите-ка на мой хвостик! Однажды во время езды, к великой радости детей, у нее улетела шляпа. Это указывало на кастрационный комплекс и вызывало предположение, что ее угроза по адресу мальчика много способствовала тому, что он стал так странно себя вести. Высказывать анализируемому такого рода предположения не представляет никакой опасности; они никогда не вредят анализу, если оказываются ошибочными, и никто не станет их высказывать, не имея надежды приблизиться благодаря этому к действительности. Под непосредственным влиянием этого предположения у больного появились сновидения, толкование которых не вполне удавалось, но которые, как будто, всегда вращались вокруг одного и того же содержания. Поскольку их можно было понять, дело в них шло об агрессивных действиях мальчика по отношению к сестре или гувернантке и об энергичных выговорах и наказаниях за это. Как будто..... после купания..... обнажить сестру..... покрывала..... или одеяла..... хотел сорвать или что-то в этом роде. Но из толкования не удавалось получить что-либо определенное, и когда создалось впечатление, что в этих снах один и тот же материал разрабатывается различным образом, то не могло уже подлежать сомнению, как следует понимать эти мнимые воспоминания. Речь могла быть тут только о фантазиях, относящихся к детству, которые некогда возникли у больного, вероятно, в юношеские годы, и которые теперь снова появились в такой трудно узнаваемой форме.

Понимание их далось сразу, когда пациент вдруг вспомнил тот факт, что сестра соблазнила его на сексуальные поступки, «когда он был еще совсем мал, в первом имении». Сперва явилось воспоминание, что в клозете, которым дети часто пользовались вместе, она предложила ему: покажем друг другу popo (задние части), и за словами последовало и дело. Позже припомнилось более существенное в соблазне ее во всех деталях по времени и месту. Дело происходило весной, в такое время, когда отца не было дома; дети играли на полу в комнате, а мать что-то делала в соседней. Сестра схватила его орган, играла с ним и при этом рассказывала как бы в объяснение непонятные вещи про няню. Няня делает то же самое со всеми, например, с садовником, она ставит его половой орган вниз и затем берет его гениталии.

Таким образом, понятны стали предугаданные прежде фантазии. Они должны были уничтожить воспоминания о событии, которое оскорбляло позже мужское самолюбие пациента, и достигли этой цели, заменив историческую истину чем-то желательным. Согласно этим фантазиям, не он играл пассивную роль по отношению к сестре, а наоборот, он был агрессивен, хотел видеть сестру обнаженной, был остановлен и наказан и поэтому впал в гнев, о котором так много рассказывает домашняя традиция. Было также целесообразно вплести в эту выдумку гувернантку, которой мать и бабушка приписывали главную вину в его припадках гнева. Эти фантазии вполне соответствовали сложившимся легендам, которыми современем великая и гордая нация постарается окутать слабость и неудачи своего появления на арене истории.

В действительности, во всей этой истории соблазна и его последствий гувернантка могла принимать только весьма отдаленное участие. Сцена с сестрой имела место весною того же года, в летние месяцы которого появилась гувернантка для замены отсутствующих родителей. Враждебность мальчика к гувернантке возникла иным образом. Тем, что она ругала няню и назвала ее ведьмой, она пошла в его глазах по стопам сестры, рассказавшей впервые чудовищные вещи про няню, и, таким образом, дала ему возможность проявить по отношению к ней ту же антипатию, которая, как мы услышим, возникла к сестре вследствие соблазна.

Но соблазн, совершенный сестрой, несомненно, не был фантазией. Достоверность его была подтверждена рассказом в более поздние зрелые годы, которого пациент никогда не забывал. Двоюродный брат, старший более, чем на десять лет, в беседе о сестре од-

нажды рассказал ему, что он прекрасно помнит, что она была любопытная чувственная девочка. Ребенком четырех или пяти лет она как-то взобралась к нему на колени, расстегнула брюки, чтобы взять в руки его орган.

Я прерываю теперь историю детства моего пациента, чтобы сказать несколько слов об этой сестре, ее развитии, дальнейшей судьбе и об ее влиянии на него. Она была двумя годами старше его и стояла всегда выше его по своему развитию. Ребенком она была мальчишески шаловливым, а затем стала блестяще развиваться интеллектуально, отличалась острым реалистическим умом, в занятиях предпочитала естественные науки, но также писала и стихи, которые отец ценил очень высоко. Она духовно значительно превосходила своих первых многочисленных поклонников и обычно смеялась над ними. Но с началом двадцатых годов своей жизни она стала впадать в удрученное состояние, жаловалась, что недостаточно красива, и стала избегать общество. Ее отправили путешествовать в сопровождении близкой немолодой дамы; по возвращении она рассказывала совершенно невероятные вещи о том, как ее спутница ее мучила, но сохраняла, однако, сильную привязанность к своей мнимой мучительнице. Во время второго путешествия вскоре после этого она отравилась и умерла вдали от дома. Вероятно, ее заболевание было началом Dementia praecox. Она служила одним из доказательств значительной невропатической наследственности семьи, но никоим образом не единственным доказательством ее. Один дядя, брат отца, после многих лет жизни, полной чудачеств, умер, проявляя симптомы тяжелого невроза навязчивости; значительное число родственников страдало и страдает более легкими нервными болезнями.

Для нашего пациента сестра была в детстве — не считая соблазна — неудобным конкурентом в отношениях к родителям; беспощадно подчеркиваемое превосходство ее было для него очень тягостным. Он особенно завидовал ей за то уважение, которое отец оказывал ее умственным способностям и проявляемой интеллектуальной деятельности, между тем как он, интеллектуально подавленный со времени возникновения его невроза навязчивости, должен был довольствоваться более низкой оценкой. С четырнадцатилетнего возраста отношения между братом и сестрой стали улучшаться; сходный духовный склад и общая оппозиция родителям сблизила их настолько, что между ними установились самые лучшие приятельские отношения. Во время одного бурного сексуального возбуждения при наступлении половой зрелости он решился попытаться завязать с ней интимные физические отношения. Когда же она ему отказала в такой же мере решительно, как и ловко, он немедленно обратился к молоденькой крестьянской девушке, прислуживавшей в доме и носившей то же имя, что и сестра. Этим он совершил шаг, предопределивший гетеросексуальный выбор объекта, потому что все девушки, в которых он впоследствии, при явных признаках навязчивости, влюблялся, были также прислугой, в отношении образования и интеллигентности уступавшими ему. Если все эти лица были заместительницами запретной для него сестры, то нельзя не признать, что решающим моментом при выборе объекта была его тенденция унизить сестру, уничтожить ее интеллектуальное превосходство, которое в былое время так подавляло его.

Мотивам такого рода, продиктованным волей к могуществу, влечением индивида к самоутверждению, Адлер подчинил, наряду со всеми другими проявлениями, также и сексуальное поведение человека. Никогда не отрицая значения таких мотивов могущества, я никогда не был убежден в том, что они действительно могут играть приписываемую им доминирующую и исключительную роль. Если бы я не довел анализа моего пациента до конца, то наблюдения, сделанные мною в этом случае, должны были бы послужить поводом к тому, чтобы исправить мое предвзятое мнение в пользу взглядов Адлера. Неожиданным образом конец этого анализа дал новый материал, из которого стало ясно, что эти мотивы могущества (в нашем случае тенденция унижения) влияли на выбор объекта только как дополнительная тенденция и как рационализация, между тем как настоящая, глубокая, детерминирующая причина дала мне возможность остаться при моих прежних убеждениях[1]).

Когда получилось известие о смерти сестры, рассказывал пациент, он почувствовал еле ощутимый намек на душевную боль. Он заставлял себя проявлять признаки печали и с полным душевным спокойствием мог радоваться тому, что остался теперь единственным наследником. К этому времени он находился уже в течение нескольких лет во власти своей последней болезни. Должен сознаться, что одно только это сообщение лишило меня на некоторое время уверенности в правильности моего диагноза. Можно было допустить, что боль из-за потери самого любимого члена семьи в проявлении своем наткнется на задержку из-за непрекращаю-

[1]) Смотри ниже.

щейся ревности и вследствие примеси ставшей бессознательной инцестуозной влюбленности, но я все же не мог отказаться от мысли, что непроявленный взрыв душевной боли должен был найти себе какую-нибудь замену. Эта замена в конце концов нашлась в другом, оставшемся ему непонятным проявлении чувств. Несколько месяцев спустя после смерти сестры он сам совершил путешествие в ту местность, где она умерла, посетил там место дуэли великого поэта, бывшего тогда его идеалом, и проливал горячие слезы на этой могиле. Эта реакция казалась ему самому странной, потому что ему было хорошо известно, что со смерти обожаемого поэта прошло больше, чем два поколения. Он понял ее только тогда, когда вспомнил, что отец часто сравнивал стихотворения покойной сестры с произведениями великого поэта. Другое указание на правильное понимание этого акта почитания, оказанного как-будто поэту, он случайно привел в своем рассказе. Прежде он неоднократно повторял, что сестра застрелилась, а теперь он должен внести поправку, что она приняла яд. Но поэт на дуэли был застрелен из пистолета.

Теперь возвращаюсь к истории брата, которую я, однако, с этого момента должен в некоторой части изложить прагматически. Оказалось, что в то время, когда сестра начала свои попытки соблазна, мальчику было $3^1/_4$ — $3^1/_2$ года. Это произошло, как сказано, весною того же года, в летние месяцы которого появилась гувернантка, и когда осенью родители, по своем возвращении домой, нашли в нем такую глубокую перемену. Весьма естественно эту перемену в нем привести в связь с имевшим место в этот период времени пробуждением его сексуальности.

Как реагировал мальчик на соблазн его старшей сестры? Ответ гласит: отказом, но отказ относился к лицу, а не к делу. Сестра, как половой объект, оказалась для него неприемлемой, вероятно, потому, что отношение к ней вследствие соревнования из-за любви родителей приняло враждебный характер. Он стал ее избегать, и ее ухаживания скоро кончились. Но он старался вместо нее найти другое любимое лицо, и рассказы самой сестры, ссылавшейся на пример няни, руководили его выбором. Он начал поэтому играть перед няней своим органом, что, как и во многих других случаях, когда дети не скрывают своего онанизма, должно пониматься, как попытка соблазнить. Няня разочаровала его, сделала серьезное лицо и сказала, что нехорошо так делать: у детей, которые этим занимаются, на этом месте делается «рана».

Влияние этих слов, напоминающих угрозу, можно проследить в различных направлениях. Благодаря им ослабла его привязанность к няне. Теперь он мог бы на нее рассердиться; позже, когда наступили его припадки ярости, оказалось также, что он действительно озлоблен против нее. Но для него было характерно, что всякую либидинозную позицию, от которой он должен был отказаться, он сначала упорно защищал против новой. Когда на сцену появилась гувернантка и обругала няню, прогнала из комнаты, пыталась подорвать ее авторитет, он преувеличил свою любовь к няне и проявил неприязнь и упрямство по отношению к нападающей гувернантке. Тем не менее, втайне он стал искать другой сексуальный объект. Соблазн указал ему на пассивную сексуальную цель — искание чьих-либо прикосновений к своим гениталиям; мы услышим, от кого он хотел этого добиться и какие пути вели его к этому выбору.

В полном соответствии с нашим ожиданием, мы узнаем, что с первыми генитальными возбуждениями начались его сексуальные исследования и что скоро он столкнулся с проблемой кастрации. В это время он имел возможность наблюдать при мочеиспускании двух девочек, свою сестру и ее приятельницу. Благодаря своей проницательности, он мог бы и сам, наблюдая их, понять настоящее положение вещей, но он вел себя при этом так, как нам это известно о других мальчиках. Он отклонил мысль, что видит здесь подтверждение раны, которой угрожала няня, и объяснил себе, что это «переднее роро» девочек. Такое решение не покончило с темой о кастрации; во всем, что он слышал, он находил новые намеки на нее. Когда однажды детям дали окрашенные продолговатые конфекты, то гувернантка, склонная к диким фантазиям, объявила, что это куски разрезанных змей. Это напомнило ему, что отец однажды во время гуляния увидел змею и разрубил ее своей палкой на куски. Он слышал, как читали историю (из «Рейнеке-Лиса»), как волк хотел зимою ловить рыбу и пользовался своим хвостом для приманки, причем хвост примерз и оторвался. Он расспрашивал о различных названиях, которыми обозначают лошадей в зависимости от сохранения ими половых признаков. Он был, следовательно, занят мыслями о кастрации, но не верил в нее еще и не боялся ее. Известные ему в то время сказки навели его на другие сексуальные проблемы. В «Красной Шапочке» и в «Семи козлятах» детей вынимают из живота волка. Был ли, следовательно, волк женским существом или, может быть, и мужчины могли иметь

в животе детей? В то время это еще не было решено. Впрочем, во время этих исследований он не знал еще страха перед волком.

Один из рассказов пациента откроет нам путь к пониманию перемены в характере, которая наступила у него во время отсутствия родителей в отдаленной связи с соблазном. Он рассказывает, что после отказа няни и ее угроз он скоро перестал онанировать. Начинающаяся сексуальная жизнь под руководством генитальной зоны подверглась, таким образом, внешней задержке и отброшена была под влиянием этой задержки на прежнюю фазу прегенитальной организации. Вследствие подавления онанизма, сексуальная жизнь мальчика приняла анально-садистический характер. Он стал раздражительным, проявлял склонность к мучительству и удовлетворял себя таким образом, мучая людей и животных. Главным его объектом была любимая няня, которую он ухитрялся мучить до того, что она заливалась слезами. Таким образом он мстил ей за полученный отказ и одновременно удовлетворял свое половое желание в форме, соответствующей регрессивной фазе. Он начал проявлять жестокость к маленьким животным, ловить мух, чтобы отрывать у них крылья, давить жуков; в фантазии он любил бить также и крупных животных, лошадей. Это все были безусловно активные, садистические проявления; об анальных чувствованиях этого времени речь пойдет в дальнейшем.

Чрезвычайно ценно, что одновременно в воспоминаниях пациента всплывали фантазии совершенно иного рода, содержащие картины того, как бьют и секут мальчиков, особенно бьют по пенису; а каких мальчиков должны были заменить эти анонимные объекты, легко понять из других фантазий, которые рисовали ему картины того, как престолонаследника запирают в карцер и бьют. Престолонаследником был, очевидно, он сам; садизм обратился, следовательно, в фантазии против него самого и превратился в мазохизм. То обстоятельство, что половой орган сам получает наказание, заставляет сделать вывод, что при этом превращении принимало уже участие сознание своей вины, что относилось к онанизму.

В анализе не оставалось сомнения, что эти пассивные стремления появились одновременно или очень скоро после активно-садистических [1]). Это соответствует необычайно ясной, интенсивной

[1]) Под пассивными стремлениями я понимаю стремления с пассивной сексуальной целью, но имею при этом в виду не превращение одного влечения в другое, а только превращение цели в указанном смысле.

и длительной амбивалентности больного, которая здесь впервые проявилась в равномерном развитии противоположных частичных влечений. Такое положение вещей осталось и в будущем для него так же характерным, как и другая черта, выражающаяся в том, что, собственно говоря, ни одна из имевшихся у него когда-либо позиций либидо не уничтожалась вполне более поздней. Она сохранялась на-ряду со всеми другими и давала ему возможность постоянно колебаться, что было несовместимо с образованием установившегося характера.

Мазохистические стремления мальчика приводят к другому пункту, упоминания о котором я избегал, потому что он был окончательно установлен только анализом следующей фазы развития пациента. Я уже упомянул, что после отказа, полученного от няни он не стал больше связывать с ней свои либидинозные ожидания и направил свои виды на другое лицо, как на сексуальный объект. Этим лицом был тогда отсутствовавший отец. К этому выбору его привело совпадение различных моментов, в том числе и случайных, как-то воспоминание о змее, рассеченной на куски отцом; но главным образом он возобновил этим выбором свой первый и первоначальный выбор объекта, который, в соответствии с нарцизмом маленького ребенка, совершен был путем отождествления. Мы уже слышали, что отец был для него образцом, вызывающим удивление, что на вопрос о том, чем он хочет быть, он обыкновенно отвечал: «господином, как отец». Этот объект идентификации его активных стремлений стал теперь сексуальным объектом пассивного психического течения в анально-садистической фазе. Создается впечатление, будто соблазн, совершенный сестрой, втолкнул его в пассивную роль и дал ему пассивную сексуальную цель. Под постоянным влиянием этого переживания он описал теперь путь от сестры через няню к отцу, от пассивной установки по отношению к женщине к такому же отношению к мужчине и нашел при этом еще связь со своей прежней естественной фазой развития. Отец стал теперь снова объектом; идентификация, в соответствии с высшим развитием, сменилась выбором объекта; превращение активной направленности в пассивную было результатом и признаком случившегося между тем соблазна. Активная установка по отношению к всемогущему отцу в садистической фазе была бы, разумеется, не так легко осуществима. Когда отец вернулся к концу лета или осенью, припадки ярости и сцены буйства ребенка получили новое применение. По отношению к няне они

служили активно-садистическим целям; по отношению к отцу они преследовали мазохистические намерения. Проявлениями своей испорченности он хотел заставить отца прибегнуть к наказанию и к ударам и получить от него, таким образом, желанное мазохистическое сексуальное удовлетворение. Его припадки крика были прямо попытками к соблазну. Соответственно мотивировке мазохизма, он нашел бы при таком наказании также удовлетворение своего чувства вины. У него сохранилось воспоминание о том, как он во время такой сцены «испорченности» начинает громче кричать, как только к нему подходит отец. Но отец его не бьет, а старается успокоить тем, что играет с ним, как мячем, подушками постельки.

Я не знаю, как часто необъяснимая «испорченность» ребенка дает родителям и воспитателям повод вспомнить о такой типичной связи фактов. Ребенок, который ведет себя так несносно, этим самым делает признание и хочет спровоцировать наказание. В наказании он ищет одновременно и успокоения сознания своей вины, и удовлетворения своих мазохистических сексуальных стремлений.

Дальнейшим разъяснением нашего случая мы обязаны появившемуся с большой точностью воспоминанию о том, что все симптомы страха присоединились к признакам перемены в характере только после одного события. До того не было никакого страха, а непосредственно после события страх проявился в мучительной форме. Время этого превращения можно установить с полной точностью; это случилось перед самым днем рождения его на пятом году жизни. Период детства, которым мы займемся, распадается благодаря этому сроку на две фазы: первая—«испорченности» и перверзности от момента соблазна в $3^1/_4$ года до дня рождения, и более длинная последующая, в которой преобладают признаки невроза. Но событие, делающее такое подразделение возможным, было не внешней травмой, а сновидением, после которого он проснулся со страхом.

IV. СНОВИДЕНИЕ И ПЕРВИЧНАЯ СЦЕНА.

Этот сон, из-за содержащегося в нем сказочного материала, я публиковал уже в другом месте [1]) и сначала повторю уже сообщенное там:

[1]) Сказочный материал в сновидениях. Int. Zeitschr. für ärztl. Psychoanalyse. B. I, 1913.

«Мне снилось, что — ночь, и я лежу в моей кровати (моя кровать стояла так, что ноги приходились к окну; перед окном находился ряд старых ореховых деревьев. Знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночь). Вдруг окно само распахнулось и в большом испуге я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь штук. Волки были совершенно белы и скорей похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши их торчали, как у собак, когда они настораживаются. С большим страхом, очевидно, боясь быть съеденным волками, я вскрикнул и проснулся. Няня поспешила к моей кроватке, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Прошло довольно много времени, пока я убедился, что то был только сон — так естественно и ясно рисовалась мне картина, как открывается окно и как волки сидят на дереве. Наконец, я успокоился, почувствовал себя так, будто избежал какой-то опасности, и снова заснул».

«Единственным действием во сне было то, как распахнулось окно, потому что волки сидели спокойно без всякого движения на ветках дерева, справа и слева от ствола и глядели на меня. Как будто все свое внимание они сосредоточили на мне. Думаю, что это был мой первый кошмарный сон. Мне было тогда три, четыре, самое большее—пять лет. До одиннадцати- или двенадцатилетнего возраста я с тех пор всегда боялся увидеть что-нибудь страшное во сне».

При этом он дает еще рисунок, изображающий дерево с волками на нем, подтверждающий его описание. Анализ сновидения вскрывает нижеследующий материал.

Это сновидение он всегда приводил в связь с воспоминанием о том, что в эти годы детства он проявлял всегда совершенно невероятный страх перед картинкой в одной книжке сказок, изображавшей волка. Старшая, значительно превосходившая его по развитию сестра, часто дразнила его, показывая ему под каким-нибудь предлогом именно эту картинку, вследствие чего он начинал ужасно кричать. На картинке волк был изображен стоящим на задних лапах, с выставленной вперед одной задней лапой и протянутыми вперед передними лапами и навостренными ушами. Он думает, что картинка была иллюстрацией к сказке о Красной Шапочке.

Почему волки белы? Это напоминает ему овец, большие стада которых разводились недалеко от имения. Отец брал его иногда с собой при посещении этих стад, и он бывал в таких случаях всегда горд и счастлив. Позже — по наведенным справкам весьма возможно, что это было незадолго до сновидения — среди овец появился мор. Отец выписал одного ученика Пастера (Pasteur), который сделал животным прививку, но после прививки они погибали в еще большем количестве, чем до того.

Каким образом волки попали на дерево? По этому поводу ему припоминается история, которую он слышал от дедушки. Он не может вспомнить, слышал ли он это до или после сновидения, но по содержанию рассказа это безусловно должно было предшествовать сновидению. История эта гласит: Один портной сидел за работой в своей комнате, как вдруг распахнулось окно и на него прыгнул волк. Портной бьет его аршином — нет, поправляется он — портной схватывает его за хвост и отрывает хвост, так что испуганный волк убегает. Несколько времени спустя портной шел лесом и вдруг видит стаю волков, от которых спасается на дерево. Сначала волки растерялись, но находившийся среди них бесхвостый, желавший отомстить портному, предлагает, чтобы один волк взлез на другого с тем, чтобы самый верхний добрался до портного. Сам он — матерый старый волк — составит основание этой пирамиды. Волки так и делают, но портной узнал наказанного посетителя и закричал вдруг, как и тогда: ловите серого за хвост. При этом воспоминании бесхвостый волк испугался, убежал, а все прочие свалились вниз.

В этом рассказе имеется дерево, на котором в сновидении сидят волки. Но он имеет также вполне определенную связь с кастрационным комплексом. У старого волка портной оторвал хвост. Лисьи хвосты у волков в сновидении являются вероятно компенсацией за эту «бесхвостость».

Почему их имеется пять или шесть волков? На этот вопрос не находилось ответа, пока я не выразил сомнения в том, может ли его страшная картинка относиться непременно к сказке о Красной Шапочке. Эта сказка дает повод только к двум иллюстрациям, ко встрече Красной Шапочки с волком в лесу и к сцене, когда волк лежит в чепчике бабушки в ее кровати. За воспоминанием о картинке должна, следовательно, скрываться какая-нибудь другая сказка. Тогда он скоро вспомнил, что такой сказкой может быть только сказка о волке и семи козлятах. Здесь имеется также

число семь, потому что волк пожирает только шестерых козлят, а седьмой прячется в ящике от часов. Также и белое встречается в этой сказке, потому что волк велит пекарю выбелить себе ногу, после того, как козлята при первом посещении узнали его по серой лапе. Впрочем, в обеих сказках много общего. В обеих имеет место пожирание, взрезание живота, извлечение съеденных, замена их тяжелыми камнями и, наконец, в обеих злой волк погибает. В сказке о козлятах встречается также и дерево. После обеда волк ложится под деревом и храпит.

Этим сном я должен буду заняться еще в другом месте, благодаря особому обстоятельству, и подробнее истолковать и оценить его. Это первый кошмарный сон, сохранившийся в воспоминаниях с детства, содержание которого, в связи с другими снами, последовавшими вскоре после этого, и с известными событиями детства сновидца, будят совершенно исключительный интерес. Здесь мы ограничиваемся указанием на отношение сновидения к двум сказкам, имеющим много общего между собой, к «Красной Шапочке» и к «Волку и семи козлятам». Впечатление от этих сказок выразилось у ребенка в форме настоящей фобии животных, отличающейся от других подобных случаев только тем, что страшное животное было не легко доступным для восприятия объектом (вроде лошади и собаки), а знакомо лишь по рассказам и из книжки с картинками.

В другой раз я подробно изложу, какое объяснение имеют эти фобии животных и какое значение следует им приписывать. Пока замечу только, что это объяснение очень подходит к главному характеру, который носил невроз сновидца в более позднем возрасте. Страх перед отцом был сильнейшим мотивом его заболевания, и амбивалентная установка ко всякому заместителю отца господствовала во всей его жизни, как и в его поведении во время лечения.

Если волк был у моего пациента только первым заместителем отца, то возникает вопрос, имеют ли сказки о волке, который пожирает козлят, и о Красной Шапочке своим тайным содержанием что-либо другое, чем инфантильный страх «перед отцом» [1]). У отца моего пациента была, кроме того, особенность «ласковой брани», которую проявляют многие в обращении со своими детьми, и угроза в шутку: «я тебя съем» в первые годы, вероятно, не раз

[1]) Срав. подчеркнутое O. Rank'ом сходство этих обеих сказок с мифом о Кроносе (Völkerpsychologische Parallelen zu den infantilen Sexualtheorien; Zentralblatt für Psychoanalyse, II, 8).

была произнесена, когда позже строгий отец, играя, ласкал своего маленького сына. Одна моя пациентка рассказала мне, что оба ее ребенка никогда не могли полюбить дедушку, потому что, играя с ними, он их часто пугал тем, что вскроет им живот.

Оставим в стороне все, что в этой статье предвосхищает использование сновидения, и вернемся к его ближайшему толкованию. Хочу заметить, что это толкование составило задачу, разрешение которой тянулось в течение нескольких лет. Пациент сообщил сновидение очень рано и скоро присоединился к моему убеждению, что за этим скрывается причина его инфантильного невроза. В период лечения мы часто возвращались к сновидению, но только в последние месяцы удалось вполне понять его и только благодаря самостоятельной работе пациента. Он всегда подчеркивал, что два момента сновидения произвели на него самое сильное впечатление, во-первых — полное спокойствие и неподвижность волков и, во-вторых, напряженное внимание, с которым они на него глядели. Так же казалось ему замечательным то длительное чувство реальности, которым закончился сон.

С этого последнего мы и начнем. Из нашего опыта с толкованием сновидений нам известно, что этому чувству реальности нужно придавать определенное значение. Оно убеждает нас в том, что нечто в латентном содержании сновидения имеет право считаться воспоминанием действительности, т. е. что сновидение имеет отношение к событиям действительности, которые на самом деле имели место, а не только разыгрались в фантазии. Разумеется, речь может итти только о действительности чего-то, что неизвестно; например, убеждение, что дед действительно рассказал историю про портного и волка, или что ему, сновидцу, действительно читали вслух сказки про Красную Шапочку и про семь козлят, никогда не могло бы быть заменено чувством действительности более длительным, чем сновидение. Сновидение, как будто, намекало на какое-то событие, реальность которого подчеркивается особенно в противоположность нереальности сказок.

Если за содержанием сновидения предполагать такую неизвестную, т. е. ко времени, когда приснился сон, уже забытую, сцену, то эта сцена должна была иметь место в очень раннем детстве. Сновидец так и говорит: когда я видел этот сон, мне было три, четыре, самое большее пять лет. Мы можем прибавить: и сон этот мне что-то напомнил, что должно быть отнесено к еще более раннему периоду.

К содержанию этой сцены должно привести то, что сновидец подчеркнул из явного содержания сновидения,—моменты внимательного разглядывания и неподвижности. Мы, разумеется, ждем, что этот материал воспроизводит в каком-нибудь искажении неизвестный материал, может быть, даже искаженный в смысле полной противоположности.

Из сырого материала, который дал первый анализ с пациентом, можно было также сделать несколько выводов, которые удалось вплести в искомую связь. За упоминанием об овцеводстве можно было искать доказательств его сексуальных исследований, интересы которых он мог удовлетворять во время своего посещения стад совместно с отцом, но при этом также должны были иметь место и намеки на страх смерти, потому что овцы погибли, по большей части, от мора. То, что в сновидении было ярче всего, — волки на дереве, прямо вело к рассказу деда, в котором не могло быть ничего другого, захватывающего и возбуждающего сновидение, как только связь с кастрационным комплексом.

Из первого неполного анализа сновидения мы далее заключили, что волк является заместителем отца, так что в этом первом кошмарном сне проявился страх перед отцом — страх, который с того времени преобладал во всей его жизни. Такой вывод сам по себе, правда, не был еще обязателен. Но если в результате предварительного анализа мы сопоставим то, что удается вывести из данного сновидцем материала, то у нас имеются приблизительно следующие отрывки для реконструкции:

Действительное событие—относится к очень раннему возрасту—разглядывание—неподвижность—сексуальные проблемы—кастрация—отец—что-то страшное.

Однажды пациент стал продолжать толкование сновидения. Место сновидения, говорил он, в котором значится: вдруг окно само распахнулось, не совсем выяснено в отношении к окну, у которого сидит портной и через которое в комнату впрыгивает волк. Оно должно означать: вдруг открываются глаза. Следовательно, я сплю и вдруг просыпаюсь, при этом что-то вижу: дерево с волками на нем. Против этого ничего нельзя было возразить, но это можно было использовать дальше. Внимательное разглядывание, приписываемое в сновидении волкам, оказывается, нужно перенести на него самого. Тут в решительном пункте имело место превращение в противоположное, которое, впрочем, проявляется посредством дру-

того превращения в явном содержании сновидения. Превращением было также и то, что волки сидели на дереве, между тем как, по рассказу деда, они находились внизу и не могли влезть на дерево.

Если в таком случае и другой момент, подчеркнутый сновидцем, искажен превращением в противоположное, тогда вместо неподвижности (волки сидят совершенно неподвижно, глядят на небо и не трогаются с места) должно наблюдаться большое движение. Он, следовательно, внезапно проснулся и увидел перед собой сцену, заключавшуюся в большом движении, на которую он смотрел с напряженным вниманием. В одном случае искажение состоит в замене субъекта объектом, активности пассивностью, быть рассматриваемым вместо рассматривать; в другом случае — в превращении в противоположное: спокойствие вместо подвижности.

Дальнейший шаг вперед в понимании сновидения составила появившаяся внезапно мысль: дерево это — елка. Теперь он уже знал, что сновидение появилось перед самым рождеством в ожидании сочельника. Так как день рождества был также и днем его рождения, то явилась возможность с точностью установить время сновидения и происшедшего в связи с ним изменения его душевного состояния. Это было накануне дня его рождения на четвертом году жизни. Он заснул в напряженном ожидании того дня, когда должен был получить двойные подарки. Нам известно, что ребенок при таких условиях легко предвосхищает исполнение своих желаний в сновидении. В сновидении, следовательно, было уже рождество, содержание сновидения показывало ему предназначенные для него подарки, которые висели на дереве. Но вместо подарков оказались волки, и сон закончился тем, что им овладел страх быть съеденным волком (вероятно, отцом), и тогда он прибег к помощи няни. Знание его сексуального развития до сновидения дает нам возможность восполнить пробел в сновидении и объяснить превращение удовлетворения в страх. Среди образующих сон желаний сильней всего, вероятно, было желание получить сексуальное удовлетворение, которого он тогда добивался от отца. Силе этого желания удалось освежить давно забытые следы воспоминаний о сцене, которая могла ему показать, какой вид имело сексуальное удовлетворение, доставляемое отцом, и в результате появился испуг, отчаяние перед исполнением этого желания, вытеснение этого душевного движения, выразившегося в этом желании, и он обратился в бегство от отца к не представляющей опасности няне.

Значение этого срока — рождества — сохранилось в указанном воспоминании о первом припадке ярости, явившейся следствием неудовлетворенности рождественскими подарками. Воспоминание соединило правильное с неправильным; оно не могло быть верным без всяких изменений, потому что, согласно часто повторяемым показаниям родителей, его «испорченность» обратила на себя внимание уже после их возвращения осенью, а не на рождестве; но самое существенное в взаимоотношении между недостаточным любовным удовлетворением, яростью и рождеством сохранилось в воспоминании.

Но какой образ мог вызвать действующую в ночное время сексуальную тоску и оказаться в состоянии так интенсивно отпугнуть от желанного удовлетворения? Судя по материалу анализа, этот образ должен был бы выполнить одно условие: он должен был подходить для того, чтобы обосновать убеждение в существовании кастрации. Страх кастрации становился в таком случае двигателем для превращения аффекта.

Тут я подхожу к месту, где мне приходится перестать придерживаться хода анализа. Боюсь, что это будет в то же время и тем местом, где читатель перестанет мне верить.

В ту ночь из хаоса бессознательных следов воспринятых впечатлений оживилась картина контуса между родителями при не совсем обыкновенных и для наблюдения особенно благоприятных обстоятельствах. Постепенно удалось для всех вопросов, которые могли быть связаны с этой сценой, получить удовлетворительные ответы, благодаря тому, что этот первый сон в течение лечения возвращался с бесконечными изменениями и в повторных изданиях, которым анализ давал желательное объяснение. Так выяснился сперва возраст ребенка во время этого наблюдения, а именно — около 1½ года[1]). Он страдал тогда малярией, припадок которой наступал ежедневно в один и тот же час[2]). С десятилетнего возраста он был подвержен временами депрессивным настроениям, начинавшимся после обеда и достигавшим наибольшей высоты к пяти часам. Этот симптом сохранился еще и во время аналитического лечения. Возвращающаяся депрессия заменяла тогдашний припадок лихорадки и слабости; пятый час был или временем наибольшего

---

[1]) На ряду с этим могла бы быть речь, с гораздо меньшей вероятностью, о едва допустимом в сущности возрасте в ½ года.

[2]) Сравни позднейшее превращение этого момента в неврозе навязчивости. В сновидениях во время лечения — замена сильным ветром.

повышения температуры или наблюденного коитуса, если оба срока вообще не совпадали [1]). Вероятно, именно вследствие этой болезни он находился в комнате родителей. Эта подтвержденная непосредственной традицией болезнь заставляет нас перенести это событие на лето и вместе с тем предположить, что ребенку, родившемуся на рождестве, могло быть $n + 1^1/_2$ года. Он спал, следовательно, в комнате своих родителей в своей кроватке и проснулся, вследствие повышающейся температуры, после обеда, может быть, около пяти часов, отмеченных позже депрессией. Эта согласуется с предположением о том, что это происходило в жаркий летний день, если допустить, что родители полураздетые [2]) прилегли отдохнуть после обеда. Когда он проснулся, он стал свидетелем трижды повторенного [3]) коитуса a tergo, мог при этом видеть genitaliae матери и penis отца и понял значение происходящего [4]). Наконец, он помешал общению родителей и позже будет сказано, каким именно образом.

В сущности, ничего необыкновенного нет в этом, и не производит впечатления дикой фантазии тот факт, что молодая, несколько лет тому назад поженившаяся супружеская пара после послеобеденного сна в жаркую летнюю пору предается нежному общению и не обращает при этом внимания на присутствие полуторагодовалого спящего в своей кровати ребенка. Я полагаю, что это скорее нечто банальное, повседневное, и предполагаемое положение при коитусе не может повлиять на наше мнение. В особенности, если из имеющегося материала не следует, что коитус всякий раз производился в положении a tergo. Одного раза было бы достаточно, чтобы дать зрителю возможность сделать наблюдения, которые было бы очень трудно сделать или даже совсем невозможно при другом положении любящих. Содержание самой сцены не может, поэтому,

[1]) С этим нужно привести в связь и то, что пациент нарисовал для иллюстрации сна только пять волков, хотя в тексте сна говорится о 6 или 7.

[2]) В белом белье, белые волки.

[3]) Почему три раза? Вдруг он стал утверждать, что эту деталь я узнал путем толкования. Но это было не верно. Эта мысль пришла ему сама в голову без какой-бы то ни было критики, и по обыкновению своему он ее приписал мне и благодаря такой проекции сделал ее более вероятной.

[4]) Хочу сказать, что происходящее он понял в то время, когда ему приснился сон, в 4 года, а не тогда, когда сделал свое наблюдение. В $1^1/_2$ года он получил определенное впечатление, понимание которого стало для него возможным позже в то время, когда он видел сон благодаря своему развитию, сексуальному возбуждению и сексуальному исследованию.

быть доказательством того, что она не заслуживает доверия. Сомнение в вероятности направится на три других пункта: на то, что ребенок в раннем возрасте $1^1/_2$ лет окажется в состоянии воспринять такой сложный процесс и с такой точностью сохранить его в бессознательном, во-вторых — против того, что последующая, дошедшая до понимания, обработка воспринятого таким образом впечатления возможна в 4 года, и, наконец, что может удасться каким бы то ни было способом довести до сознания подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах в общей связи и убедительным образом [1]).

Позже я более тщательно исследую эти и другие сомнения; уверяю читателя, что я не менее, чем он, критически отношусь к допущению такого наблюдения у ребенка, и прошу его вместе со мной решиться пока поверить в реальность этой сцены. Сперва продолжим изучение отношения этой «первичной сцены» («Urszene») к сновидению, к симптомам и к истории жизни пациента. Мы проследим в отдельности, какое действие произвели содержание сцены, по существу, и одно из ее зрительных впечатлений, в частности.

Под последним я понимаю положение родителей, которое он видел, — вертикальное мужчины и звереподобное, согнутое — женщины. Мы уже слышали, что в то время, когда он страдал страхами, сестра пугала его картинкой из сказок, на которой волк был изображен в вертикальном положении, с выдвинутой вперед задней лапой, протянутыми вперед передними и навостренными ушами. Во время лечения он не пожалел трудов на поиски в антикварных магазинах, пока не отыскал книжку сказок из своего детства и узнал пугавшую его картинку в иллюстрации к сказке о «Волке и семи козлятах». Он полагал, что положение волка могло ему напомнить положение отца во время сконструированной «первичной сцены». Эта картинка, во всяком случае, стала исходным пунктом

[1]) Из первой из этих трудностей нельзя выйти, допустив, что ребенок к тому времени, когда он наблюдал эту сцену, был, вероятно, старше на год, то-есть ему было $2^1/_2$ года, когда он, может быть, уже умел вполне хорошо говорить. Для моего пациента, благодаря совокупности приходящих обстоятельств в данном случае, такое отодвигание времени событий почти исключается. Впрочем, необходимо принять во внимание, что подобные сцены наблюдения родительского коитуса вовсе не редко открываются в анализе. Но условием их является именно то, что они случаются в раннем детстве. Чем старше ребенок, тем тщательней, на известном социальном уровне, родители станут оберегать ребенка от возможности делать такого рода наблюдения.

дальнейшего развития страха. Когда он на седьмом или восьмом году жизни однажды узнал, что завтра к нему придет новый учитель, он в ближайшую ночь видел этого учителя во сне в виде льва, который с громким рыканием приближался к его кровати в положении волка на той картинке, и опять проснулся со страхом. Фобия волка была тогда уже преодолена, у него была поэтому свободная возможность выбрать себе нового зверя, как предмет страха, и в этом позднем сновидении он узнал в учителе заместителя отца. Каждый учитель его в более поздние годы его детства играл ту же роль отца и приобретал влияние отца как в хорошую, так и в дурную сторону.

Судьба дала ему особенный повод освежить свою фобию волка в гимназическое время и лежавшее в основе ее отношение сделать исходной точкой тяжелых задержек. Учитель, преподававший в его классе латынь, назывался Вольф (волк). С самого начала он стал его бояться; однажды учитель его жестоко выбранил из-за глупой ошибки в латинском переводе, и с тех пор он не мог уже освободиться от чувства парализующего страха перед этим учителем, страха, который скоро перенесся и на других учителей. Но и случай, при котором он ошибся в переводе, не был свободен от внутренних отношений. Он должен был перевести латинское слово «filius» и перевел его, употребив французское слово «fils» вместо соответствующего слова на родном своем языке. Волк все еще оставался отцом [1]).

Первый «преходящий симптом» («passagere Symptom») [2]), который появился у пациента во время лечения, относился еще к фобии волка и к сказке о семи козлятах. В комнате, где происходили первые сеансы, находились большие стенные часы против пациента, лежавшего отвернувшись от меня на диване. Я обратил

---

[1]) После этой брани со стороны учителя — Вольфа ему стало известно общее мнение товарищей, что учитель для примирения ждет от него денег. К этому мы вернемся позже. Могу себе представить, какое большое значение это имело бы для рационалистического взгляда на такую историю болезни, если бы можно было предположить, что весь страх перед волком в действительности исходил от учителя латинского языка с такой фамилией, что он был проецирован обратно в детство и вызвал при посредстве иллюстрации к сказке фантазию о первичной сцене. Но с этим согласиться нельзя; первенство фобии волка во времени и перенесение ее в детские годы в первом имении установлены с несомненностью. А сновидение в 4 года?

[2]) Ferenczi — Über passagere Symptombildung während der Analyse. Zentralblatt f. Psychoanalyse, II. Jhg. 1912. S. 588 ff.

внимание на то, что он время от времени поворачивал ко мне лицо, смотрел на меня очень дружелюбно, как будто старался умилостивить меня, и затем переводил взор на часы. Я полагал тогда, что этим он выражает свое сильное желание поскорей закончить сеанс. Долгое время спустя пациент напомнил мне эту игру выражения его лица и жестов и дал мне ее объяснение, напомнив, что самый молодой из семи козлят спрятался в ящике стенных часов, между тем как шесть остальных его братьев были съедены волком. Он хотел тогда сказать: будь добр со мной. Должен ли я тебя бояться? Сожрешь ли ты меня? Должен ли я спрятаться от тебя в ящике от часов, как самый молодой из козлят?

Волк, которого он боялся, был, несомненно, его отец, но страх перед волком был связан с условием вертикального положения. На основании своих воспоминаний он с полной определенностью утверждает, что изображения волка, идущего на всех четырех лапах или, как в сказке «Красная Шапочка», лежащего в кровати, не испугали бы его. Не меньшее значение имело положение, в котором он, согласно нашей конструкции первичной сцены, видел женщину; но это значение осталось ограниченным в сексуальной области. Самым замечательным явлением в его любовной жизни по наступлении зрелости были припадки навязчивой чувственной влюбленности, которые наступали и вновь исчезали в загадочной последовательности, развивали в нем колоссальную энергию даже в периоды заторможенности и овладеть которыми было совершенно не в его власти. Полную оценку этой навязчивой любви я должен отложить до другого места вследствие особенно ценной связи ее с другими моментами, но здесь могу указать, что она была связана с определенным, скрытым для него условием, узнать о котором удалось только во время лечения. Женщина должна была занять положение, какое в первичной сцене мы приписываем матери. Крупные, бросающиеся в глаза задние части он с юных лет воспринимал, как самую привлекательную прелесть женщины; коитус не a tergo почти не доставлял ему наслаждения. Критическое соображение вполне оправдывает возможное здесь возражение, что такое сексуальное предпочтение, оказываемое задним частям тела, составляет общий характер лиц, склонных к неврозу навязчивости, и не оправдывает объяснение, приписываемое особенному впечатлению, имевшему место в детские годы. Оно входит в состав анально-эротического предрасположения и относится к тем архаическим чертам, которыми отличается эта конституция. Коитус a tergo —

more ferarum можно ведь филогенетически рассматривать, как более старую форму. Мы вернемся к этому пункту в позднейшей дискуссии, когда приведем материал, касающийся бессознательных условий его любовного чувства.

Будем теперь продолжать рассмотрение отношений между сновидением и первичной сценой. Согласно теперешним нашим ожиданиям, сон должен был представить ребенку, радующемуся исполнению своих желаний к рождеству, картину сексуального удовлетворения отцом в том виде, в каком он это наблюдал в той первичной сцене, что стало образцом собственного удовлетворения, которое он желал получить от отца. Но вместо этой картины появляется материал истории, незадолго до того рассказанный дедом: дерево, волки, «бесхвостость» в форме сверхкомпенсации в виде пушистых хвостов означенных волков. Здесь у нас не хватает связи, ассоциативного моста, который ведет от содержания первичной сцены к истории о волке. Эта связь создается опять-таки только этим положением. Бесхвостый волк предлагает другим в рассказе деда *взобраться на него*. Эта деталь вызвала в воспоминаниях картину первичной сцены. Таким путем материал первичной сцены мог быть заменен материалом из истории о волке и при этом одновременно двое родителей могли быть заменены по желанию несколькими волками. Ближайшее превращение содержания сновидения состояло в том, что история о волке приспособилась к содержанию сказки о «Семи козлятах», позаимствовав у нее число семь [1]). Превращение материала: первичная сцена — история о волке — сказка о семи козлятах — является отражением развития хода мыслей во время образования сновидения: тоска по сексуальному удовлетворению отцом — понимание связанного с ним условия кастрации — страх перед отцом. Полагаю, что кошмарный сон четырехлетнего ребенка только теперь выяснен вполне [2]).

---

[1]) Шесть или семь значится во сне: 6 — число съеденных детей, 7-й спасается в часовой ящик. Строгий закон толкования сновидения сохраняет свою силу, каждая деталь получает свое объяснение.

[2]) После того, как нам удался синтез этого сна, я хочу попробовать изложить в ясной форме отношение явного содержания сновидения к скрытым его мыслям.

Ночь, я лежу в своей кровати. Последнее является началом репродукции первичной сцены. «Ночь» — представляет собой искажение вместо — я спал. Замечание: я знаю, что была зима, когда мне это приснилось, и ночь, — относится к воспоминанию о сновидении и не входит в его содержание. Оно вполне верно: это была одна из ночей, ближайших ко дню его рожденция, т. е. к рождеству.

Вдруг окно само распахнулось. Это нужно понимать — вдруг я сам просыпаюсь, воспоминание о первичной сцене. Влияние истории о волке, в которой волк вскакивает через окно, оказывает свое модифицирующее действие и превращает непосредственное выражение в образное. Введение окна служит одновременно для того, чтобы переместить в настоящее время следующее содержание сновидения. В сочельник вдруг открывается дверь и появляется елка с подарками. Здесь сказывается таким образом влияние действительного рождественского ожидания, которое включает в себя сексуальное удовлетворение.

Большое ореховое дерево заменяет елку, т. е. относится к действительному; кроме того, еще дерево из истории о волке, на которое взбирается преследуемый портной, и под которым стерегут его волки. Высокое дерево является также, как я в этом часто убеждался, символом наблюдения Voyeurtum: если сидишь на дереве, можешь видеть все, что происходит внизу, а сам остаешься невидимым. Сравни известную историю Боккачио и др.

Волки. Их число: *шесть или семь.* В истории о волке появляется целая стая без указания числа. Определение числа указывает влияние сказки о семи козлятах, из которых съедено шесть. Замена числа два в первичной сцене несколькими, что было бы абсурдно в первичной сцене, желательно сопротивлению, как средство искажения. В сделанном к этому сну рисунке сновидец подчеркнул число 5, исправляющее, вероятно, указание: была ночь.

Они сидят на дереве. Во-первых, они заменяют висящие на дереве рождественские подарки. Но они также помещены на дерево потому, что это может означать: они глядят. В истории деда они находятся под деревом. Их отношение к дереву превращено, следовательно, во сне в обратное, откуда приходится заключить, что в содержании сновидения имеют место еще и другие превращения латентного материала.

Они глядят на него с напряженным вниманием. Эта черта происходит всецело из первичной сцены, за счет полного превращения в сновидении.

Они совсем белые. Эта несущественная, сама по себе, но резко подчеркнутая в рассказе сновидца черта, своей интенсивностью обязана значительной спайке элементов из всех слоев материала и соединяет второстепенные детали других источников сновидения с значительной частью первичной сцены. Это последнее детерминирование исходит из белизны постельного и носильного

После всего вышесказанного я могу лишь вкратце остановиться на патологическом влиянии «первичной сцены» и на тех изменениях, которые пробуждение этой сцены вызвало в его сексуальном развитии. Проследим только то действие, которое нашло себе выражение в сновидении. Позже выяснится, что не одно только сексуальное течение произошло от этой первичной сцены, а целый ряд течений, прямо расщепление сексуальной жизни. Далее мы должны будем принять во внимание, что оживление этой сцены (я нарочно избегаю слова: воспоминание) имеет то же действие, как

если бы это было настоящее переживание. Сцена действует спустя некоторое время, и за это время — в промежутке между полутора и четырьмя годами — она не потеряла своей свежести. Может быть, мы в дальнейшем найдем признаки того, что определенное действие она оказала уже в то время, когда была воспринята, т. е. начиная с полуторых лет.

Когда пациент погружался в ситуацию первичной сцены, то он высказал следующее самонаблюдение. Раньше он полагал, что наблюдаемое происшествие представляет собой акт насилия, но этому

белья родителей; сюда же относится белизна овечьих стад, собак пастухов, как намек на его сексуальное исследование над животными, белизна в сказке о семи козлятах, в которой мать узнают по белизне ее руки. Ниже мы поймем, что белое белье является также намеком на смерть.

Они сидят неподвижно. Этим высказывается противоречие с странным содержанием виденной сцены, с подвижностью, которая, благодаря связанному с ним положению, соединяет первичную сцену с историей о волке.

У них хвосты, как у лисиц. Это должно противоречить результату, который получился от влияния первичной сцены на историю о волке, и в этом приходится признать самый важный вывод, к которому привело его сексуальное исследование: значит, действительно существует кастрация. Испуг, с которым встречается этот результат размышления, находит себе, наконец, выход в сновидении и приводит к его концу.

Страх быть съеденным волками. Сновидцу казалось, что этот страх не мотивирован содержанием сновидения. Он говорил: мне не следовало бы бояться, потому что волки были скорее похожи на лисиц или на собак, они на меня не бросались для того, чтобы укусить меня, и они были совершенно спокойны и совсем не страшны. Мы узнаем, что работа сновидения некоторое время старалась обезвредить мучительные содержания, превратив их в противоположные (они неподвижны, у них самые прекрасные хвосты), пока, наконец, это средство уже не помогает, и страх берет верх. Он достигает этого при помощи сказки, в которой детки—козлята пожираются волком—отцом. Возможно, что это место сказки само по себе напомнило шутливые угрозы отца, когда он играл с ребенком, так что страх быть съеденным волком так же хорошо мог быть воспоминанием, как и заменой путем сдвига.

Мотивы желаний в этом сновидении совершенно осязательны; к поверхностным желаниям дня, чтобы скорее уже наступило рождество (сны от нетерпения), присоединяется более глубокое непрекращающееся в то же время желание сексуального удовлетворения от отца, которое сначала заменяется желанием снова увидать то, что тогда произвело такое сильное впечатление. Тогда протекает психический процесс от исполнения этого желания в воспоминаниях о первичной сцене до ставшего теперь неизбежным отказа этого желания и вытеснения.

Обстоятельность и подробность изложения, необходимые благодаря старанию дать читателю какой-нибудь эквивалент взамен убедительности проведенного над самим собой анализа, пусть убедит его не требовать публикации анализов, тянувшихся в течение нескольких лет.

не соответствовало выражение удовольствия, которое он видел на лице матери; он должен был признать, что дело идет тут об удовлетворении [1]). Существенно новым, что дало ему наблюдение над общением родителей, было убеждение в действительном существовании кастрации, возможность которой уже раньше занимала его мысли (вид обеих девочек, пускавших мочу, угроза няни, объяснение гувернантки, данные ею конфеты, воспоминание о том, что отец палкой разрубил на куски змею). Ибо теперь он видел собственными глазами рану, о которой говорила няня, и понял, что существование ее является необходимым условием для общения с отцом. Он не мог уже смешивать ее с роро, как при наблюдении над маленькими девочками [2]).

Сновидение закончилось страхом, от которого он успокоился не раньше, чем к нему подошла няня. Он, следовательно, бежал от отца к ней. Страх был отказом от желания сексуального удовлетворения отцом, стремление к которому ему было внушено сном. Формулировка страха: быть съеденным отцом, была только, как мы услышим, регрессивным превращением желания иметь общение

[1]) Правильнее всего, может быть, мы поймем указание пациента, если допустим, что сначала предметом его наблюдения был контус в нормальном положении, который должен произвести впечатление садистического акта. Только после этого переменилось положение, так что у него был случай сделать другие наблюдения и рассуждать иначе. Но это предположение не достоверно и не кажется мне необходимым. Сокращенное изложение текста не должно заставить нас забыть настоящее положение вещей, а именно, что анализируемый в возрасте 25 лет выражал словами впечатления и душевные движения, относившиеся к четырехлетнему возрасту, которые тогда он выразить не сумел бы. Если пренебречь этим замечанием, то легко может показаться комичным и невероятным, что четырехлетний ребенок может быть способным высказывать такие специальные суждения и ученые мысли. Это просто второй случай запоздалого действия. В возрасте полутора лет ребенок получает впечатление, на которое он не может достаточно полно реагировать. В четырехлетнем возрасте, когда это впечатление снова оживает, оно производит на него сильное впечатление, и он начинает его понимать. И только 20 лет спустя, во время анализа, ему удается сознательным мышлением понять то, что в нем тогда происходило. Анализируемый вполне правильно не принимает во внимание эти три временные фазы и переносит свое настоящее я в далекую прошлую ситуацию. Мы следуем за ним в этом, потому что при правильном самонаблюдении и толковании эффект должен получиться такой, будто можно было бы пренебречь промежутком между второй и третьей временной фазой, У нас также нет других средств описать процессы во второй фазе.

[2]) Как он справился далее с этой частью проблемы, мы узнаем ниже при исследовании его анальной эротики.

с отцом, т. е. быть им так удовлетворенным, как мать. Его последняя сексуальная цель, пассивная установка к отцу, подверглась вытеснению, ее место занял страх перед отцом в форме фобии волка.

А каковы двигающие силы этого вытеснения? Судя по всему положению вещей, такой силой могло быть только нарцистическое генитальное либидо, которое из опасения за свой мужской орган воспротивилось удовлетворению; необходимым условием казался отказ от этого органа. В угрожаемом нарцизме он почерпал то мужество, с которым он противился пассивной установке к отцу.

Теперь мы обращаем внимание на то, что в этом пункте изложения мы должны изменить нашу терминологию. Во время сновидения он достиг новой фазы в своей сексуальной организации. До сих пор сексуальные противоположности выражались для него в активном и пассивном. Со времени соблазна его сексуальная цель была пассивной, выражалась в желании, чтобы дотрагивались до его гениталий; затем, благодаря регрессии на прежнюю ступень садистически-анальной организации превратилась в мазохистическую, в желание быть избитым и наказанным. Ему было безразлично, достигнет ли он этой цели у мужчины или у женщины. Не принимая во внимание различие полов, он перешел от няни к отцу, требовал от няни, чтобы она касалась его органа, и желал спровоцировать отца на наказание. При этом гениталии во внимание не принимались; в фантазии о том, чтобы его били по пенису, нашла себе выражение связь, скрытая благодаря регрессии. Активирование первичной сцены в сновидении снова привело его обратно к генитальной организации. Он открыл вагину и биологическое значение мужского и женского. Он понял теперь, что активное равнозначно мужскому и пассивное — женскому. Его пассивная сексуальная цель должна бы теперь превратиться в женскую, получить выражение: чтобы отец совершил над ним половой акт, вместо: чтобы отец бил по гениталиям или по роро. Эта женская цель подпала теперь вытеснению, и ее пришлось заменить страхом перед волком.

Здесь мы должны прервать обсуждение его сексуального развития до тех пор, пока на эту раннюю стадию его истории не прольется новый свет из более поздних стадий. Для оценки фобии волка мы еще прибавим, что волками стали и мать, и отец. Мать стала кастрированным волком, который позволил другим взобраться на себя, отец превратился в волка, который взбирался. Но мы

слышали, как он уверял, что его страх относился только к стоящему волку, т. е. к отцу. Далее, мы должны обратить внимание на то, что страх, которым закончился сон, имел прообраз в рассказе деда. В этом рассказе кастрированного волка, который позволил другим взобраться на себя, охватывает страх, как только ему напоминают о его «бесхвостости». Похоже на то, как будто в процессе сновидения он отождествил себя с кастрированной матерью и воспротивился этому в вполне правильном убеждении: если ты хочешь получить удовлетворение от отца, то должен, как мать, согласиться на кастрацию; но этого я не хочу. Итак, явный протест мужественности! Однако, уясним себе, что сексуальное развитие случая, подлежащее сейчас нашему изучению, страдает для нашего исследования тем недостатком, что протекает с нарушениями. Сначала на него производит решительное влияние соблазн, а затем его нарушает сцена наблюдения коитуса, которая впоследствии действует, как второй соблазн.

V. НЕСКОЛЬКО ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ.

Белый медведь и кит, как говорят, не могут вести друг с другом войны, так как каждый ограничен пределами своей стихии, и не могут попасть друг к другу. Так же невозможно и мне вести дискуссии с работниками в области психологии или невротики, не признающими исходных положений психоанализа и считающими его результаты искусственными. На ряду с этим в последние годы развилась оппозиция и других авторов, которые, по их собственному мнению по крайней мере, стоят на почве анализа, не оспаривают его техники и результатов и оставляют за собой только право из того же материала делать иные выводы и по-другому понимать его.

Но теоретические возражения по большей части остаются бесплодными. Как только начинаешь отдаляться от материала, из которого приходится исходить, сейчас же подвергаешься опасности опьянеть от собственных взглядов и даже отстаивать мнения, которым противоречит всякое наблюдение. Поэтому мне кажется несомненно целесообразней бороться с противоположными взглядами тем, что подвергаешь их испытанию на отдельных случаях и проблемах.

Выше я указал, что многие, наверное, будут считать невероятным, «чтобы ребенок в раннем возрасте полутора лет оказался в состоянии получать восприятия такого сложного процесса и с та-

кой точностью сохранить их в своем бессознательном, во-вторых, чтобы позже — в возрасте четырех лет — возможна была дошедшая до сознательного понимания обработка этого материала, и, наконец, чтобы каким-нибудь методом могло удасться довести убедительным и связным образом до сознания и подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах».

Последний вопрос чисто фактический. Кто берет на себя труд вести анализ в таких глубинах при помощи описанной техники, тот убедится, что это весьма возможно; кто этого не делает и обрывает анализ в каком-нибудь более высоком слое, тот лишается возможности судить об этом. Но этим не разрешается понимание того, что добыто путем глубокого анализа.

Оба других соображения опираются на пренебрежительную оценку ранних детских впечатлений, для которых не допускается такого длительного действия. Причину неврозов желают искать исключительно в серьезных конфликтах более поздней поры жизни и предполагают, что значение детства раздувается в анализе благодаря склонности невротиков выражать свои интересы настоящего времени воспоминаниями и символами далекого прошлого. При такой оценке инфантильного момента отпадает много, что принадлежит к самым интимным особенностям анализа, разумеется, также многое, что вызывает сопротивление ему и подрывает доверие стоящих в стороне от него. Итак, мы возбуждаем дискуссию по поводу взгляда, что такие сцены раннего детства, какие открывает исчерпывающий анализ неврозов, например, нашего случая, не представляют собой репродукции настоящих событий, которым можно приписать влияние на дальнейший склад жизни и на образование симптомов; это только образование фантазий, возникающих в период созревания и предназначенных в известной степени для символической замены реальных желаний и интересов и обязанных своим возникновением регрессивной тенденции, отходу от задач настоящей действительности. Если это так, то нет, разумеется, надобности в том, чтобы делать такие странные допущения по поводу душевной жизни и интеллектуальных способностей детей в самом раннем возрасте. Этому взгляду соответствует, помимо общего нам всем желания рационализации и упрощения трудных задач, также и нечто фактическое. Является также возможность устранить наперед сомнения, возникающие именно у практического аналитика. Приходится сознаться, что если верен вышеизложенный взгляд на инфантильные сцены, то в проведении анализа сначала ничего не

меняется. Если у невротика имеется дурная особенность отнимать свой интерес от настоящего и направлять его на такие регрессивные замены его фантазии, то ничего другого нельзя сделать, как последовать за ними на этом пути и привести в его сознание эти бессознательные продукции, потому что, независимо от их реальной незначимости, они чрезвычайно ценны для нас, как временные носители и обладатели интереса, который мы хотим освободить и направить на задачи настоящей действительности. Анализ необходимо вести точно так же, как если в наивном доверии принимать за истину такие фантазии. Различие возникает только к концу анализа после вскрытия этих фантазий. Пришлось бы сказать больному: «ну, хорошо; ваш невроз протекал так, как будто бы в детском возрасте у вас такие впечатления были и затем продолжали свое действие. Но вы ведь видите, что это невозможно, это были продукты вашей фантазии, которые должны были отвлечь вас от предстоявших вам реальных задач. Теперь позвольте нам исследовать, каковы были эти задачи и какие соединительные пути существовали между этими задачами и вашими фантазиями». После того, как будет покончено с этими детскими фантазиями, будет приступлено ко второй части лечения, имеющей в виду реальную жизнь.

Сокращение этого пути, т. е. изменение применяемого до сих пор психоаналитического лечения, было бы технически недопустимо. Если не довести до сознания больного эти фантазии в их полном объеме, то нельзя дать ему возможности располагать связанным с ними интересом. Если отвлечь его от них, когда начинаешь догадываться об их существовании и общем объеме, то только поддерживаешь таким образом работу вытеснения, благодаря которой они оказались недосягаемыми для всех усилий больного освободиться от их влияний. Если преждевременно обесценить их в его глазах, открыв ему, что речь идет только о фантазиях, не имеющих никакого реального значения, то никогда не встретишь с его стороны содействия для приведения их в его сознание. Аналитическая техника не должна поэтому при правильном ведении подвергнуться никакому изменению, независимо от оценки этих инфантильных сцен.

Я упомянул, что, понимая эти сцены, как агрессивные фантазии, можно сослаться, для подкрепления, на некоторые фактические моменты. Прежде всего, следующее: эти инфантильные сцены репродуцируются в лечении — поскольку хватает до настоящего времени моего опыта — не как воспоминание, они — результаты кон-

струкции. Понятно, многим благодаря одному этому признанию спор покажется уже разрешенным.

Я не хотел бы быть неправильно понятым. Всякий аналитик знает и много раз убеждался, что при удачном лечении пациент сообщает много воспоминаний из детства, в появлении которых — быть может, первичном появлении — врач не чувствует себя совершенно виновным, так как никакими конструктивными попытками он не навязывал больному воспоминаний подобного содержания. Эти бессознательные раньше воспоминания вовсе не должны всегда быть верными; они могут быть и верными, но часто они представляют собой искаженную правду, перепутаны с созданными фантазией элементами, совершенно так же, как сохранившиеся в памяти так называемые покрывающие воспоминания. Я хочу только сказать: сцены вроде тех, что у моего пациента, из такого раннего периода и такого содержания, которым приходится придавать такое исключительное значение в истории этого случая, воспроизводятся обыкновенно не как воспоминания, но их приходится с трудом и постепенно угадывать — конструировать — из целого ряда намеков. Вполне достаточно для доказательства, если я соглашусь, что такие сцены, в случаях невроза навязчивости, не доходят до сознания, как воспоминания, или если я ограничусь ссылкой на один только этот случай, который мы изучаем.

Я не придерживаюсь мнения, будто эти сцены должны быть обязательно фантазиями, потому что они не возникают вновь в виде воспоминаний. Мне кажется, что они вполне равноценны воспоминанию, если они — как в нашем случае — заменены сновидениями, анализ которых всегда приводит к той же сцене и которые в неутомимой переработке воспроизводят каждую отдельную часть своего содержания. Видеть сны значит тоже вспоминать, хотя и в условиях ночного времени и образования сновидений. Этим постоянным повторением в сновидениях я объясняю себе, что постепенно у самого пациента создается глубокое убеждение в реальности первичной сцены, убеждение, ни в чем не уступающее убеждению, основанному на воспоминании [1]).

[1]) Доказательством тому, как рано я стал заниматься этой проблемой, может послужить место из первого издания моего «Толкования Сновидений», 1900. Там, на стр. 126, по поводу анализа встречающейся в сновидении речи: этого нельзя уже больше иметь, эта речь принадлежит самому мне; несколько дней тому назад я ей объявил, что «самые ранние детские воспоминания, как воспоминания, больше уже недоступны (нем.: их нельзя уже больше иметь, как воспоминания), но заменяются «перенесением» и сновидениями в течение анализа».

Противникам незачем, разумеется, отказываться от борьбы против этих доказательств, как от безнадежной. Как известно, снами можно управлять [1]). А убеждение анализируемого может быть результатом внушения, для которого все еще ищут роли в игре психических сил при аналитическом лечении. Психотерапевт старого склада внушил бы своему пациенту, что он здоров, преодолел свои задержки и т. п. А психоаналитик внушает ему, что он ребенком имел то или другое переживание, которое он должен теперь вспомнить, чтобы выздороветь. Вот и все различие между ними.

Уясним себе, что последняя попытка противников дать объяснение этим сценам сводится к гораздо большему уничтожению инфантильных сцен, чем это указывалось раньше. Они представляют собой не действительность, а фантазии. Теперь становится ясно: фантазии принадлежат не больному, а самому аналитику, который навязывает их анализируемому под влиянием каких-то личных комплексов. Правда, аналитик, слушающий этот упрек, припомнит для своего успокоения, как постепенно сложилась конструкция этой будто бы внушенной им фантазии; как образование ее во многих пунктах происходило совершенно независимо от врачебного воздействия; как, начиная с одной определенной фазы лечения, все, казалось, приводит к ней, и как в синтезе от нее исходят самые различные и замечательные успехи; как большие и самые маленькие проблемы и особенности истории болезни находят свое разрешение в этом одном предположении; он укажет еще на то, что не может допустить у себя такой проницательности, чтобы измыслить событие, которое отвечало бы всем этим требованиям. Но и эта защита не повлияет на противную сторону, которая не пережила сама анализа. Утонченный самообман — скажет одна сторона, тупость суждения — другая; и такой спор решить невозможно.

Обратимся к другому моменту. подкрепляющему взгляд противников на сконструированную инфантильную сцену. Он заключается в следующем: все процессы, на которые ссылаются для объяснения спорного образования, как фантазии, действительно существуют, и необходимо признать их большое значение. Потеря интереса к задачам реальной жизни [2]), существование фантазий, как замены несовершенных действий, регрессивная тенденция, проявля-

[1]) Механизм сновидения не поддается влиянию, но содержание сновидения частично поддается воздействию.

[2]) Исходя из серьезных оснований, я предпочитаю говорить: отход либидо от актуальных конфликтов.

ющаяся в этих образованиях, — регрессивная больше, чем в одном смысле, поскольку одновременно наступает отход от жизни и возврат к прошлому, — все это вполне правильно, и анализом можно всегда это подтвердить. Можно было бы подумать, что этого вполне достаточно, чтобы объяснить ранние детские воспоминания, о которых идет речь, и это объяснение, согласно экономическим принципам науки, имело бы преимущество перед другим, которое не может обойтись без новых и странных предположений.

Позволю себе в этом месте обратить внимание на то, что возражения в современной психоаналитической литературе обыкновенно изготовляются согласно принципу pars pro toto. Из очень сложного ансамбля извлекают часть действующих факторов, объявляют их истиной и во имя этой истины возражают против другой части или против всего. Если присмотреться к тому, какая именно группа пользуется этим преимуществом, то оказывается, что именно та, которая содержит уже известное из других источников или ближе всего к нему подходит. Таковы у Юнга актуальность и регрессия, у Адлера эгоистические мотивы. Оставленным же, отброшенным, как заблуждение, оказывается именно то, что ново в психоанализе и что составляет его особенность. Таким путем удается легче всего отбросить революционные удары неудобного психоанализа.

Нелишне подчеркнуть, что ни один из моментов, приводимых противной точкой зрения для объяснения сцен детства, Юнгу незачем создавать, как новое учение. Актуальный конфликт, отход от реальности, заменяющее удовлетворение в фантазии, регрессия к материалу из прошлого, — все это, и в том же сопоставлении, может быть, только с незначительными изменениями в терминологии, составляло всегда составную часть моего же учения. Это было не все учение, а только часть, являющаяся причиной и действующая в регрессивном направлении от реальности к образованию невроза. Кроме этого, я оставил еще свободное место для другого прогрессирующего влияния, действующего от детских впечатлений, указывающего путь либидо, которое отступает от жизни, и объясняющего непонятную иначе регрессию к детству. Таким образом, по моему мнению, оба момента действуют при образовании симптомов, но прежнее совместное действие кажется мне также имеющим большое значение. Я утверждаю, что влияние детства чувствуется уже в первоначальной ситуации образования неврозов, так как оно решающим образом содействует

определению момента: — оказывается ли индивид несостоятельным и в каком именно месте, при одолении реальных проблем жизни.

Спор, следовательно, идет о значении инфантильного момента. Задача состоит в том, чтобы найти такой случай, который может доказать это значение вне всякого сомнения. Но таким именно и является разбираемый нами здесь так подробно случай, который отличается тем, что неврозу в более поздний период жизни предшествовал невроз в раннем периоде детства. Поэтому-то я и остановился на этом случае с целью опубликовать его. Если бы кто-нибудь захотел считать его несоответствующим намеченной цели, потому что фобия животных кажется ему недостаточно важной, чтобы считать ее самостоятельным неврозом, то я хочу ему указать на то, что без всякого интервала к этой фобии присоединился навязчивый церемониал, навязчивые действия и мысли, о которых будет речь в последующих частях этой статьи.

Прежде всего невротическое заболевание на пятом или четвертом году жизни показывает, что детские переживания сами по себе оказываются в состоянии продуцировать невроз, и что для этого не требуется отказа от поставленной в жизни задачи. Мне возразят, что и ребенку беспрерывно предъявляются требования, от которых он желал бы избавиться. Это верно, но жизнь ребенка дошкольного возраста нетрудно видеть насквозь, можно ведь исследовать, имеется ли в ней «задача», являющаяся причиной невроза. Но обычно отмечают только влечения, удовлетворение которых невозможно для ребенка, одоление которых ему не под силу, и источники, из которых эти влечения проистекают.

Громадное сокращение интервала между возникновением невроза и временем, когда разыгрались детские переживания, о которых идет речь, приводит, как и следовало ожидать, к крайнему уменьшению регрессивной части причинных моментов и ведет к открытому проявлению прогрессивной части их, влиянию ранних впечатлений. Эта история болезни, как я надеюсь, даст ясную картину этих обстоятельств. Но еще и по другим основаниям этот детский невроз дает решительный ответ на вопрос о природе первичных сцен или самых ранних, открытых анализом, детских переживаний.

Допустим, что никто не возражает против того, что подобная первичная сцена технически сконструирована правильно, что она необходима для обобщающего разрешения всех загадок, которые

у нас возникают благодаря симптоматике детского заболевания, что из этой сцены исходят все влияния, подобно тому, как к ней привели все нити анализа — тогда, если принять во внимание ее содержание, она не может оказаться чем-нибудь иным, как репродукцией пережитой ребенком реальности. Потому что ребенок может, как и взрослый, продуцировать фантазии только при помощи каким-либо образом приобретенного материала; пути такого приобретения для ребенка частично (как, напр., чтение) недоступны, время, которым он располагает для такого приобретения, коротко и его легко изучить для открытия таких источников приобретения.

В нашем случае первичная сцена содержит картину полового общения между родителями в положении, особенно благоприятном для некоторых наблюдений. Если бы мы открыли эту сцену у больного, симптомы которого, т. е. влияние сцены, проявились когда-нибудь в более позднем периоде жизни, то это вовсе не доказывало бы еще реальности этой сцены. Такой больной может в самые различные моменты длинного интервала приобрести те впечатления, представления и знания, которые он впоследствии превращает в фантастическую картину, проецирует ее в детство и связывает с родителями. Но если действия такой сцены проявляются на четвертом и пятом году жизни, то ребенок должен был видеть эту сцену еще в более раннем возрасте. Но тогда сохраняют свою силу все те выводы, к которым мы пришли посредством анализа инфантильного невроза. Разве только кто-нибудь стал бы утверждать, что пациент бессознательно вообразил себе не только эту первичную сцену, но сочинил также и изменение своего характера, свой страх перед волком и свою религиозную навязчивость-но такое мнение прямо противоречило бы его обычному трезвому складу и прямой традиции его семьи. Итак, приходится остаться при том — другой возможности я не вижу, — что анализ, исходящий из его детского невроза, представляет собой бессмысленную шутку или же что все обстояло именно так, как я изложил это выше.

Выше нам показалась странной двусмысленность того места, где говорится, что особенная любовь пациента к женским nates и к коитусу в таком положении, при котором эти части особенно выдаются, повидимому, должна происходить от наблюденного коитуса родителей, между тем как такое предпочтение составляет общую черту предрасположенных к неврозу навязчивости архаических конституций. Здесь само напрашивается объяснение, разрешающее противоречие, как сверхдетерминирование. Лицо, у которого он наблюдал это положение при коитусе, был ведь его родной отец, от которого он и мог унаследовать эту конституциональную особенность. Против этого не говорит ни последующая болезнь отца, ни история семьи; брат отца, как уже сказано, умер в состоянии, которое следует считать тяжелой болезнью навязчивости.

В связи с этим нам вспоминается, что сестра, соблазняя $3^1/_2$-годового мальчика, высказала о няне странную клевету, что та ставит всех на голову и прикасается к их гениталиям. Тут у нас напрашивается мысль, что, может быть, и сестра в таком же раннем возрасте видела те же сцены, что позже брат, и это навело ее на мысль о том, что при половом акте становятся на голову. Такое предположение содержало бы и указание на источник ее собственного преждевременного сексуального развития.

В мои намерения первоначально не входило продолжать здесь обсуждение вопроса о реальной ценности «первичной сцены», но так как я вынужден был коснуться этой темы в моих «Лекциях по введению в психоанализ» в более широком освещении вопроса и не с полемической целью, то могло бы повести к недоразумению, если бы я не применил решающих там точек зрения к разбираемому здесь случаю. В дополнение и исправление сказанного я продолжаю поэтому: возможно еще одно понимание первичной сцены, лежащей в основе сновидения, которое значительно меняет принятое раньше решение и избавляет нас от многих затруднений. Учение, желающее свести инфантильные сцены к регрессивным символам, все же ничего не выиграет и при этой модификации; оно мне кажется вообще окончательно опровергнутым этим — как и всяким другим — анализом детского невроза.

Я полагаю, что можно представить себе положение вещей и следующим образом. Мы не можем отказаться от предположения, будто ребенок наблюдал коитус, вид которого привел его к убеждению, что кастрация может быть чем-то бóльшим, чем одна только пустая угроза; также значение, которое приобретает положение мужчины и женщины для развития страха, и условие любви не оставляет нам никакого другого выбора, как только притти к заключению, что это должен был быть коитус a tergo, more ferrarum. Но другой момент не так незаменим, и от него можно отказаться. Может быть, ребенок, наблюдал коитус не родителей, а животных и перенес его на родителей, как бы сделав заключение, что родители поступают точно так же.

В пользу такого взгляда говорит прежде всего то, что волки в сновидении представляют собой, собственно говоря, овчарок и на рисунке кажутся таковыми. Незадолго до сновидения мальчика неоднократно брали на осмотр стад овец, где он мог видеть таких больших белых собак и вероятно наблюдать их при коитусе. Я хотел бы также привести в связь с этим число три, которое сновидец выдвинул без всякой дальнейшей мотивировки, и предположить, что у него сохранилось в памяти, что он сделал три таких наблюдения над овчарками. Возбужденный ожиданием в ночь, когда он видел сон, он перенес воспринятую недавно картину, запечатлевшуюся в памяти, со в с е м и деталями на родителей, вследствие чего только и стали возможны такие могучие действия аффектов. Теперь вдруг явилось понимание этих впечатлений, воспринятых, может быть, несколько недель или месяцев до того, — процесс, который может каждый из нас испытать на самом себе. Перенесение с совокупляющихся собак на родителей совершилось не в виде словесного вывода, а благодаря тому, что в воспоминании всплыла реальная сцена нежности родителей, которая слилась с ситуацией коитуса. Все установленные анализом сновидения детали сцены могут быть воспроизведены вполне правильно. Дело, действительно, происходило летом после обеда, когда ребенок болел малярией, родители были оба в белом и присутствовали при том, когда ребенок проснулся со сна, но — сцена была самая невинная. Все остальное прибавило потом желание любопытного ребенка подглядеть любовное общение родителей на основании его опыта с собаками, и тогда вымышленная таким образом сцена привела ко всем тем последствиям, которые мы ей приписываем, таким же, как если бы она была совершенно реальна и не была склеена из двух частей: одной ранней — индифферентной и позднейшей, произведшей очень сильное впечатление.

Совершенно очевидно, насколько меньше предъявляется требований к нашему доверию в последнем случае. Нам незачем больше предполагать, что родители совершали коитус в присутствии хотя и очень маленького ребенка, — представление, не очень-то для нас приятное. Значительно уменьшается момент запоздалости действия; он относится теперь только к нескольким месяцам четвертого года жизни ребенка и вовсе не доходит до темных первых лет детства. Ничего странного не остается в поведении ребенка, который переносит с собак на родителей и боится волка вместо отца. Ребенок находится в фазе развития своего миросозерцания, которое в «Тотем и Табу»

называется возвращением тотемизма. Учение, желающее объяснить первичные сцены неврозов обратным фантазированием переживаний более поздних лет, приобретает, повидимому, в нашем наблюдении, несмотря на ранний четырехлетний возраст, в нашем невротике веское подтверждение. Как он ни молод, ему все же удалось заменить впечатление из четвертого года жизни вымышленной травмой в возрасте полутора лет; но регрессия не кажется ни загадочной, ни тенденциозной. Сцена, которую нужно было создать, должна была отвечать известным условиям, которые благодаря обстоятельствам жизни сновидца могли иметь место только в ранние годы, например, то обстоятельство, что он находился в кровати в спальне родителей.

Но большинство читателей придаст прямо решающее значение тому, что я могу еще прибавить из аналитических результатов других случаев в пользу правильности предложенного последнего взгляда. Сцена наблюдения родительского коитуса в очень раннем детстве — будь то реальное воспоминание или фантазия — вовсе не составляет редкости в анализах невротических людей. Может быть, она так же часто встречается и у не ставших невротиками. Может быть, она составляет постоянную часть их — сознательного или бессознательного — сокровища воспоминаний. Но всякий раз, когда мне удавалось развить подобную сцену благодаря анализу, она имела те же особенности, которые приводят нас в смущение и у нашего пациента: она относилась к коитусу a tergo, который один только и дает возможность зрителю разглядеть гениталии. Тут уже не приходится более сомневаться, что дело идет только о фантазии, которая, может быть, всегда вызывается наблюдением над сексуальным общением животных. И еще больше; я уже заметил, что мое описание «первичной сцены» осталось несовершенным, так как я отложил до другого раза сообщение о том, каким образом ребенок мешает общению родителей. Должен прибавить, что и способ, каким он это делает, один и тот же во всех случаях.

Могу себе представить, что навлек на себя тяжелые подозрения со стороны читателя этой истории болезни. Если я располагал этими доказательствами в пользу такого понимания «первичной сцены», то как я мог взять на себя защиту другого понимания, кажущегося таким абсурдным? Или, может быть, в промежуток времени между написанием этой истории болезни и этого добавления я приобрел новый опыт, заставивший меня изменить мое первоначальное понимание, и по каким-либо мотивам я не хотел в этом

сознаться? Зато я сознаюсь в чем-то другом: на этот раз я собираюсь закончить обсуждение вопроса о реальной ценности первичной сцены с non liquet, Эта история болезни еще не закончена; в дальнейшем ее течении всплывет момент, который нарушит уверенность нашу в настоящую минуту. Тогда уже ничего другого не останется, как сослаться на то место в моих «Лекциях», где я обсуждаю проблему первичных фантазий (Urphantasien) или первичных сцен.

VI. Невроз навязчивости.

В третий раз он подвергся влиянию, изменившему решительным образом его развитие. Когда ему было $4\,^1/_2$ года, и его состояние раздраженности и боязливости все еще не улучшилось, мать решила познакомить его с библией, в надежде отвлечь его и поднять его настроение. Это ей удалось; введение религии в систему воспитания положило конец предшествующей фазе, но повлекло за собой замену симптомов страха симптомами навязчивости. До того он с трудом засыпал, так как боялся, что увидит во сне такие же дурные вещи, как в ночь под рождеством; теперь прежде чем лечь в постель, он должен был целовать все иконы в комнате, читать молитвы и класть бесконечное количество раз крестное знамение на постель и на самого себя.

Его детство явно расчленилось для нас теперь на следующие эпохи: во-первых, время, предшествующее соблазну ($3\,^1/_4$ г.), когда имела место первая сцена, во-вторых, время изменения характера до страшного сновидения (4 г.), в-третьих, фобия животного до знакомства с религией ($4\,^1/_2$ г.), а с этого момента период невроза навязчивости до десятилетнего возраста включительно. Внезапной и гладкой замены одной фазы последующей не бывает в силу природы вещей и обстоятельств; не было и у нашего пациента, для которого, наоборот, характерны были сохранение в силе всего прошлого и одновременное существование самых различных течений. «Испорченность» не исчезла, когда наступил страх, и, постепенно уменьшаясь, продолжалась во время набожности. Но о фобии волков в этой последней фазе нет больше речи. Невроз навязчивости протекал с перерывами; первый припадок был самым длинным и интенсивным, следующие наступали в восемь и в десять лет, всякий раз по поводам, которые находились в явной связи с содержанием невроза. Мать сама рассказывала ему священную историю и, кроме того, велела няне читать ему о ней из книги, разукрашенной

иллюстрациями. Главное значение при этом придавалось, разумеется, истории страстей господних. Няня, которая была очень набожна и суеверна, давала по этому поводу свои объяснения, но должна была также выслушивать все возражения и сомнения маленького критика. И если колебания и борьба, которые его теперь начали потрясать, в конце концов закончились победой веры, то это произошло не без влияния няни.

То, что он мне рассказал, как воспоминания о своих реакциях на знакомство с религией, встретило с моей стороны сначала решительное недоверие. Это, говорил я, не могло быть мыслями $4\,^1/_2$—5-летнего ребенка; вероятно он перенес в это раннее прошлое то, что явилось плодом размышления 30-летнего взрослого человека[1]).

Но пациент ничего и знать не хотел о такой поправке; его не удалось убедить в этом, как и во многих других различиях во взглядах между нами; связь между припоминаемыми им мыслями и симптомами, о которых он сообщал, как и то, что они вполне подходили к его сексуальному развитию, заставили меня, в конце концов, поверить ему. Я сказал себе тогда также, что критика учений религии, которую я не хотел допустить у ребенка, выполняется только самым минимальным числом взрослых людей.

Я приведу теперь материал его воспоминаний и потом уже поищу путь, который ведет к его пониманию.

Впечатление, произведенное на него рассказами священной истории, было, по его словам, сначала неприятное. Сперва он возмущался страдальческим характером личности Христа, а потом всей совокупностью его истории. Он направил свою недовольную критику против бога-отца. Если он, мол, так всемогущ, то это его вина, что люди так дурны и мучают других, за что попадают потом в ад. Ему следовало бы сделать их хорошими; он сам ответственен за все зло и все мучения. Он возмутился заповедью, требующей подставить другую щеку, если получишь удар по одной, и тем, что Христос на кресте желал, чтоб его миновала сия чаша, но также и тем, что не совершилось чуда, которое доказало бы,

---

[1]) Я делал также неоднократно попытки передвинуть историю больного, по крайней мере, на один год, т. е. отнести соблазн к возрасту $4\,^1/_4$ года, а сновидение на пятую годовщину рождения. В интервалах ничего нельзя было изменить, но пациент оставался и в этом отношении непоколебимым, хотя и не мог совершенно устранить во мне последнюю тень сомнения. Для впечатления, которое получается от его истории и всех связанных с ней выводов и соображений, такая отсрочка на год была бы очевидно совершенно безразличной.

что он сын божий. Его острый ум был уже таким образом пробужден и с неумолимой строгостью вскрывал все слабые стороны священной легенды.

Но скоро к этой рационалистической критике присоединились мудрствования и сомнения, которые могут обнаружить нам сотрудничество потаенных душевных движений. Один из первых вопросов, поставленных им няне, был, — имел-ли Христос заднюю часть. Няня ответила, что он был богом, но также и человеком. Как человек он имел и делал все, как другие люди. Это его совершенно не удовлетворило, но он сумел сам себя успокоить, подумав, что задняя часть ведь составляет только продолжение ног. Едва успокоенный страх перед вынужденным унижением священной особы опять разгорелся, когда у него возник новый вопрос: испражнялся ли также Христос? Он не решался поставить этот вопрос благочестивой няне, но сам нашел выход, лучше которого она не могла бы ему указать. Так как Христос сделал из ничего вино, то он мог, вероятно, также превратить пищу в ничего и мог таким образом избавиться от необходимости дефекации.

Мы приблизимся к пониманию этих умствований, если начнем с описанной раньше части его сексуального развития. Нам известно, что его сексуальная жизнь после отпора, данного ему няней, и связанного с ним подавления начинающейся генитальной деятельности развилась в сторону садизма и мазохизма. Он мучил и терзал животных, фантазировал о нанесении ударов лошадям, а с другой стороны о том, что престолонаследника бьют[1]). В садизме он сохранял самую старую идентификацию с отцом, в мазохизме он избрал себе отца в сексуальные объекты. Он находился полностью в фазе прегенитальной организации, в которой я вижу предрасположение к неврозу навязчивости. Под впечатлением сновидения, поставившего его под влияние первичной сцены, он мог бы подвинуться вперед к генитальной организации и превратить свой мазохизм по отношению к отцу в женственную установку к нему же, в гомосексуальность. Но такого успеха это сновидение не имело, оно закончилось страхом. Отношение к отцу, которое от сексуальной цели, состоящей в желании испытать от него телесное наказание, должно было привести к следующей цели — иметь, как женщина, с отцом половое сношение, — было, благодаря противодействию его нарцистической мужественности, отброшено на еще более

[1]) Особенно, об ударах по пенису.

примитивную ступень; посредством сдвига на замену отца волком, оно затем отщепилось, как страх быть съеденным волком, но этим путем никоим образом не исчерпалось. Скорее мы сможем понять кажущееся таким сложным положение вещей, если будем твердо помнить, что у него одновременно существуют три сексуальных стремления, направленных на отца. Со времени сновидения он был гомосексуален в бессознательном, а в неврозе, на уровне каннибализма[1]); господствующей осталась прежняя мазохистическая установка. Все три течения имели пассивные сексуальные цели; объект был тот же, те же сексуальные стремления, но произошло расщепление их на три различных уровня.

Знание священной истории дало ему возможность сублимировать господствующую мазохистическую установку к отцу. Он стал Христом, — что ему особенно легко было благодаря одному и тому же дню рождения. Этим он стал чем-то большим, а также — чему пока не придавалось еще большого значения — мужчиной. В сомнении, имел-ли Христос заднюю часть, слегка отражается вытесненная гомосексуальная установка, так как все это мудрствование не могло иметь никакого другого значения, кроме вопроса, может ли он быть использован отцом, как женщина, как мать в первичной сцене. Когда мы придем к разрешению второй навязчивой идеи, мы увидим, что это толкование подтверждается. Вытесненной пассивной гомосексуальности соответствовало соображение, что заслуживает резкого порицания — связывать священную особу с такими предположениями. Заметны его старания освободить свои новые сублимации от придатка, который они получали из источников вытесненного. Но это ему не удалось.

Мы еще не понимаем, почему он восставал также против пассивного характера Христа и против истязаний со стороны отца и этим стал отрицать свой прежний мазохистический идеал даже в его сублимированной форме. Мы можем предположить, что этот второй конфликт особенно благоприятствовал проявлению унижающих навязчивых мыслей из первого конфликта (между господствующим мазохистическим и вытесненным гомосексуальным течением), потому что ведь вполне естественно, если в душевном конфликте суммируются друг с другом все противоположные течения, идущие даже из самых различных источников. Мотив его сопротивления и вместе проявляемой критики религии мы узнаем из новых его сообщений.

[1]) Выражающемся в страхе (желании) быть съеденным волком-отцом. *Прим. перев.*

Из рассказов священной истории выиграли также его сексуальные исследования. До сих пор у него не было никакого основания думать, что дети происходят только от женщины. Напротив, няня дала ему повод верить, что он ребенок отца, а сестра — матери, и это более близкое отношение к отцу было для него очень ценно. Теперь он услышал, что Марию звали богородицей. Значит, дети происходили от матери, и словам няни не следует больше верить. Далее, благодаря этому рассказу он не знал больше, кто именно был отцом Христа. Он был склонен считать таковым Иосифа, потому что слышал, что они всегда вместе жили, но няня сказала, что Иосиф был только как отец, а настоящим отцом был бог. Тут он ничего не мог понять. Он понял только то, что если об этом вообще еще можно спорить, то, значит, отношения между сыном и отцом не такие близкие, как он себе всегда представлял.

Ребенок чувствовал в известной мере ту амбивалентность чувств к отцу, которая отразилась во всех религиях, и напал на свою религию вследствие ослабления этих отношений к отцу. Разумеется, его оппозиция скоро перестала быть сомнением в истинах учения и обратилась прямо против особы бога. Бог сурово и жестоко обращался со своим сыном, но не лучше относился он к людям. Он принес своего сына в жертву и того же он требовал от Авраама. Ребенок начал бояться бога.

Если он был Христом, то отец был богом. Но бог, которого ему навязывала религия, не был настоящей заменой отца, которого он любил и которого он не хотел позволить у себя отнять. Любовь к этому отцу была источником его критического остроумия. Он сопротивлялся богу для того, чтобы иметь возможность сохранить отца, и при этом, собственно говоря, защищал старого отца против нового. Ему пришлось тут проделать трудное дело отхода от привязанности к отцу (Ablösung vom Vater).

Итак, это была старая, проявившаяся в самом раннем детстве любовь к отцу, у которой он черпал энергию для борьбы против бога и остроту ума для критики религии. Но с другой стороны, эта враждебность к новому богу не была также первоначальным актом, она имела прообраз во враждебных душевных движениях к отцу, появившихся под влиянием страшного сновидения, и, по существу, была только их обновлением. Оба противоположных движения чувств, которым предстояло управлять всей его последующей жизнью, столкнулись здесь для амбивалентной борьбы вокруг темы религии. То, что получилось из этой борьбы, как симптом, —

богохульственные мысли, навязчивость, владевшая им и заставлявшая думать: бог — грязь, бог — свинья, — было, поэтому, настоящим компромиссным результатом, как нам покажет анализ этих идей в связи с анальной эротикой.

Некоторые другие симптомы навязчивости менее типичного характера так же несомненно ведут к отцу, но дают также возможность открыть связь невроза навязчивости с прежними случаями.

К богобоязненному церемониалу, которым он в конце концов искупал свое богохульство, относилась также заповедь при известных условиях торжественным образом дышать. При совершении крестного знамения он должен был всякий раз глубоко вдыхать или сильно выдыхать. На его родном языке выдох (Hauch) то же самое, что дух (Geist). Это была, следовательно, роль святого духа. Он должен был вдохнуть святой дух или выдохнуть злых духов, о которых он слышал и читал[1]). Этим злым духам он приписал также богохульные мысли, за которые он должен был наложить н себя столько покаяния. Но он должен был выдыхать, когда он видел нищих, калек, старых, внушающих жалость людей, и он не понимал, какая связь между этой навязчивостью и духами. Он отдавал себе отчет только в том, что делает это, чтобы не стать таким, как эти люди.

Тут анализ в связи с сновидением привел к тому объяснению, что выдыхание при виде людей, внушающих сожаление, началось только на седьмом году жизни и имело отношение к отцу. Он несколько месяцев не видел отца, когда мать однажды сказала, что поедет с детьми в город и покажет им что-то такое, что их очень обрадует. Она привела их в санаторий, в котором они увидались с отцом; он плохо выглядел, и сыну было его очень жалко. Отец, следовательно, был прообразом всех калек, попрошаек и нищих, в присутствии которых он должен был выдыхать, подобно тому, как он обычно бывает прообразом рож, которые показываются в состояниях страха, и карикатур, которые рисуют в насмешку. В другом месте мы еще узнаем, что эта установка сострадания относится еще к особенной детали первичной сцены, которая так поздно проявилась в неврозе навязчивости.

Желание не стать таким, как калеки, мотивировавшее выдыхание в присутствии последних, было, следовательно, старой индентификацией с отцом, превращенной в негатив. Все же он копиро-

[1]) Как мы еще услышим, этот симптом развился на шестом году жизни когда он уже умел читать.

вал отца и в положительном смысле, потому что глубокое вдыхание было подражанием шуму, который при коитусе, как он слышал, издавал отец[1]). Святой дух обязан был своим происхождением этому признаку чувственного возбуждения у мужчин. Благодаря вытеснению это дыхание стало злым духом, для которого имеется еще и другая генеалогия, а именно малярия, которой он был болен во время первичной сцены.

Отрицание этих злых духов соответствовало явно аскетической черте, проявлявшейся еще и в других реакциях. Когда он услышал, что Христос вселил однажды злых духов в свиней, упавших затем с кручи, то он подумал о том, что сестра в свои первые детские годы еще до того, как он мог об этом помнить, скатилась с скалистой дорожки на берег. Она, значит, тоже была таким злым духом и свиньей; отсюда короткий путь вел к богу-свинье. Отец сам, как оказалось, также находится во власти чувственности. Когда он узнал историю первых людей, то обратил внимание на сходство своей судьбы с судьбой Адама. В разговоре с няней он лицемерно удивился тому, что Адам позволил женщине навлечь на себя несчастье, и обещал няне, что никогда не женится. В это время резко проявилась враждебность к женщине вследствие соблазна сестрой. В его будущей любовной жизни ему очень часто мешала эта враждебность. Сестра стала для него надолго воплощением искушения и греха. Когда он исповедывался, он казался себе чистым и безгрешным, и затем ему казалось, будто сестра подстерегает его, чтобы снова ввергнуть его в грех, и не успевал он опомниться, как он провоцировал уже какой-нибудь спор с сестрой, благодаря которому снова становился грешным. Таким образом, он вынужден был все снова воспроизводить факт соблазна. Кстати, как его ни мучили его богохульственные мысли, он никогда не рассказывал о них на исповеди.

Незаметно мы перешли к симптоматике невроза навязчивости более поздних лет и потому, пропустив многое, что было в это время, расскажем о его конце. Нам уже известно, что невроз этот, никогда не прекращаясь окончательно, усиливался от времени до времени периодически, один раз, — что нам еще не может быть понятным, — когда на той же улице умер мальчик, с которым он себя отождествлял. В десятилетнем возрасте к нему был приглашен гувернер — немец, который вскоре приобрел на него очень большое

[1]) При допущении реальности первичной сцены

влияние. Очень поучительно, что вся его тяжелая набожность исчезла и никогда больше не оживала, после того, как он заметил и в поучительных беседах с учителем узнал, что этот заместитель отца не придает никакого значения набожности и не верит в истины религии. Набожность исчезла вместе с зависимостью от отца, которого сменил другой, более общительный отец. Это произошло, правда, не без последней вспышки невроза навязчивости, из которой особенно запомнилась ему навязчивость — вспоминать о св. троице всякий раз, когда видишь на улице три кучки навоза, лежащие вместе. Он никогда не поддавался какому-нибудь воздействию, не сделав попытки удержать обесцененное. Когда учитель убедил его не быть жестоким по отношению к мелким животным, он положил конец и этим злым поступкам, но не без того, чтобы основательно удовлетвориться предварительно еще раз разрезыванием гусениц. Так же он вел себя и во время аналитического лечения, проявляя преходящую и «отрицательную» реакцию. После всякого окончательного разрешения симптома он на короткое время пытался отрицать его действие ухудшением разрешенного симптома. Известно, что дети вообще ведут себя подобным образом по отношению к запрещению. Когда на них накричишь за то, что они производят, например, бесконечный шум, то прежде, чем прекратить его, они его повторяют еще раз после запрещения. Они достигли этим того, что прекратили шум, как будто, добровольно, а запрещения не послушались.

Под влиянием немецкого учителя развилась еще новая и лучшая сублимация его садизма, одержавшего в связи с приближавшимся тогда половым созреванием, верх над мазохизмом. Он стал мечтать о военщине, о формах, оружии и лошадях и беспрерывно отдавался этим грезам. Таким образом, под влиянием мужчины он освободился от своей пассивной установки и сперва находился на довольно нормальном пути. Отзвуком зависимости от учителя, покинувшего его вскоре после этого, было то, что в последующей жизни он отдавал предпочтение немецкому элементу (врачи, санатории, женщины) перед родным (замещением отца), что создало большие преимущества перенесению в лечении.

Ко времени перед освобождением благодаря учителю относится еще сновидение, о котором я упоминаю, потому что оно было забыто до соответствующего случая в лечении. Он видел себя верхом на лошади, преследуемым огромной гусеницей. Он узнал в этом сне намек на прежнее сновидение из периода жизни, предшество-

вавшего учителю, которое мы уже давно истолковали. В том прежнем сновидении он видел чорта в черном одеянии, в вертикальном положении, которое в свое время так напугало его в волке и во льве. Протянутым пальцем чорт указывал на огромную улитку. Он сейчас же понял, что этот чорт есть демон из известной поэмы, а само сновидение — переработка очень распространенной картины, изображающей демона в любовной сцене с девушкой. Улитка была вместо женщины, как исключительно женский сексуальный символ. Руководясь указывающим жестом демона, мы смогли скоро притти к заключению, что смысл сна состоит в том, что сновидец тоскует по ком-то, кто дал бы ему последние еще недостающие наставления о загадке полового общения, как в свое время отец в первичной сцене дал ему первые.

По поводу более позднего сновидения, в котором женский символ заменен мужским, он вспоминает одно определенное переживание незадолго до сновидения. Однажды он проезжал верхом в имении мимо спящего мужика, возле которого лежал его сын. Мальчик разбудил отца и сказал ему что-то, вслед за чем отец стал ругать и преследовать всадника, так что последний поспешил удалиться на своей лошади. К этому присоединяется второе воспоминание, что в том же имении имелись деревья, совершенно белые от того, что были облеплены гусеницами. Нам понятно, что он бежал также перед реализацией фантазии, что сын спит с отцом, и что он примешал сюда белые деревья, чтобы намекнуть на кошмарный сон о белых волках на ореховом дереве. Это был, следовательно, просто взрыв страха перед же нственной установкой к мужчине, от которой он сначала защищался посредством религиозной сублимации, а скоро затем посредством воинской, еще более действительной установки.

Но большой ошибкой было бы полагать, что после прекращения симптомов навязчивости невроз навязчивости не оставил у него никакого длительного следа. Процесс привел к победе благочестивой веры над критически-исследовательским протестом, и предпосылкой его было вытеснение гомосексуальной установки. Оба фактора привели к устойчивым дефектам. Интеллектуальная деятельность после этого первого большого поражения тяжело пострадала. Прилежания к учению не развилось, и больше не проявлялся у него тот острый ум, который в свое время, в раннем пятилетнем возрасте разрушил своей критикой учения религии. Совершившееся во время того кошмарного сновидения вытеснение слишком сильной гомосексуальности сохранило это душевное движение огромной важности за бессознательным, задержало его таким образом при его первоначальной целевой установке и отняло его от всех тех сублимаций, на которые оно обычно направляется. У пациента поэтому не было тех социальных интересов, которые дают содержание жизни. Только тогда, когда в лечении удалось освободить эту скованность гомосексуальности, положение вещей смогло принять лучший оборот, и очень интересно было наблюдать, как — без непосредственного указания врача — всякая освобожденная доля гомосексуального либидо стремилась найти себе применение в жизни и приобщиться к большой общественной деятельности человечества.

VII. АНАЛЬНАЯ ЭРОТИКА И КАСТРАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС.

Прошу читателя вспомнить, что эту историю детского невроза я получил, так сказать, как побочный продукт во время анализа заболевания в зрелом возрасте. Я должен был составить ее из еще меньших отрывков, чем те, какими обыкновенно располагаешь для синтеза. — Эта, нетрудная обычно работа, имеет свою естественную границу там, где дело идет о расположении в плоскости описания образования, имеющего различные протяжения. Я, следовательно, должен удовлетвориться тем, что предлагаю отдельные члены, которые читатель должен сам соединить в одно живое, целое. Как неоднократно подчеркивалось, описанный невроз навязчивости возник на почве садистически анальной конституции. Но до сих пор речь шла только об одном главном факторе: о садизме и его превращениях. Все, что касается анальной эротики, было преднамеренно оставлено в стороне, теперь же необходимо все вместе дополнить.

Аналитики уже давно пришли к заключению, что многочисленные влечения, объединенные в понятии анальной эротики, имеют необычайное, неподдающееся достаточно высокой оценке, значение для всего строя сексуальной жизни и душевной деятельности. А также и то, что одно из самых важных проявлений преобразованной эротики из этого источника проявляется в обращении с деньгами; этот ценный материал в течение жизни привлек к себе психический интерес, направленный первоначально на кал, продукт анальной зоны. Мы привыкли объяснять экскрементальным наслаждением интерес к деньгам, поскольку он, по природе своей, либидинозен и не рационален, и требовать от нормального человека, чтобы он в своих отношениях к деньгам был безусловно свободен от либидинозных влияний и руководился реальными соображениями.

У нашего пациента во время его позднейшего заболевания отношение к деньгам было нарушено в особенно жестокой мере, и это имело далеко не малое значение для его несамостоятельности и жизненной непригодности. Благодаря наследству от отца и от дяди он стал очень богат, явно придавал большое значение тому, чтобы слыть богатым, и, очень огорчался, когда его в этом отношении не дооценивали. Но он не знал, сколько он имел, сколько тратил и сколько у него оставалось, трудно было сказать, считать ли его скупым или расточительным. Он вел себя то так, то иначе, но никогда его поведение не указывало на преднамеренную последовательность. Судя по некоторым странным чертам, которые я ниже упомяну, можно было бы его считать за ненормального скупца, который в богатстве видит самые большие преимущества своей личности, и, в сравнении с денежными интересами, не принимает даже во внимание какие бы то ни было интересы чувства. Но других он ценил не по их богатству и во многих случаях проявлял себя скорее скромным, сострадательным и готовым оказать помощь другому. Он не умел сознательно распоряжаться деньгами, они имели для него какое-то другое значение.

Я уже упомянул, что мне казалось очень подозрительным то, как он утешил себя в гибели сестры, ставшей за последние годы его лучшим товарищем, соображением: теперь ему незачем делить с ней наследство родителей. Еще страннее, может быть, было то спокойствие, с которым он это рассказывал, как будто бы совсем не понимал бесчувственности, в которой таким образом признавался. Хотя анализ реабилитировал его, показав, что боль за сестру подверглась сдвигу, но тогда ведь только стало совсем непонятно, что в обогащении он хотел найти замену сестры.

В другом случае его поведение казалось ему самому загадочным. После смерти отца оставшееся имущество было разделено между ним и матерью. Мать управляла имуществом и, как он сам признавал, шла навстречу его денежным требованиям щедро и самым безупречным образом. И тем не менее, каждое обсуждение денежных вопросов между ними кончалось жесточайшими упреками с его стороны, что она его не любит, что она думает только о том, чтобы сэкономить на нем, и что она, вероятно, желала бы лучше всего видеть его мертвым, чтобы одной распоряжаться деньгами. Мать, плача, уверяла в своем бескорыстии, он стыдился и совершенно искренно уверял, что вовсе этого и не думает, но был уверен, что при ближайшем случае повторит ту же сцену.

Что кал задолго до анализа имел для него значение денег, — это явствует из многих случаев, из которых я сообщу только два. В то время, когда кишечник его еще не был захвачен болезнью, он однажды в одном большом городе навестил своего бедного кузена. Когда он ушел, он упрекал себя в том, что не оказал этому родственнику денежной помощи, и непосредственно за этим «у него был, может быть, самый обильный стул в его жизни». Два года спустя он назначил этому кузену ренту. Другой случай: в 18-летнем возрасте, во время подготовки к экзамену зрелости, он посетил товарища и обсуждал с ним, что бы получше предпринять, так как оба боялись провалиться на экзамене[1]). Решили подкупить служителя гимназии, и его доля в требуемой сумме была, разумеется, самая большая. По дороге домой он думал о том, что готов дать еще больше, если он только выдержит, если на экзамене с ним ничего не случится, и с ним, действительно, случилось другое несчастье еще раньше, чем он успел дойти до дома[2]).

Мы готовы услышать, что в своем последующем заболевании он страдал упорными, хотя и колеблющимися по различным поводам, расстройствами функции кишечника. Когда он начал у меня лечиться, он привык к клизмам, которые ему делал сопровождавший его человек; самостоятельного опорожнения кишечника не бывало месяцами, если не случалось внезапного возбуждения определенного характера, вследствие которого несколько дней устанавливалось правильное действие кишечника. Главная его жалоба состояла в том, что мир окутан для него в завесу или, что он отделен от мира завесой. Эта завеса разрывалась только в тот момент, когда при вливании опорожнялось содержимое кишечника, и тогда он снова себя чувствовал здоровым и нормальным[3]).

Коллега, к которому я направил его для освидетельствования кишечника, был достаточно проницателен и диагносцировал функциональное и даже психически обусловленное расстройство и воздержался от серьезных назначений. Впрочем, ни эти назначения, ни предписанная диэта не оказали никакой пользы. В годы аналитического лечения не было произвольного действия кишечника

---

[1]) Пациент говорит, что в его родном языке нет употребления слова «провал» (Durchfall) для обозначения кишечных расстройств.

[2]) Этот оборот речи имеет на родном языке пациента такое же значение, как и по-немецки.

[3]) Действие было одинаковое независимо от того, делал ли он вливание сам или поручал другому.

(не считая указанных внезапных влияний). Больного удалось убедить, что всякая интенсивная обработка упрямого органа еще ухудшила бы его состояние, и он удовлетворился тем, что вызывал действие кишечника один или два раза в неделю посредством вливания или приемом слабительного.

При изложении нарушений кишечника я предоставил позднейшему состоянию болезни пациента больше места, чем это входило в план данной работы, посвященной его детскому неврозу. К этому побудили меня два основания, во-первых, то, что симптоматика кишечника, собственно с малыми изменениями, перешла из детского невроза в позднейший, и во-вторых, при окончании лечения на ее долю выпала главная роль.

Известно, какое значение имеет для врача, анализирующего невроз навязчивости, сомнение. Оно является самым сильным оружием больного, предпочтительным средством его сопротивления. Благодаря этому сомнению пациенту удавалось, забаррикадировавшись почтительным безразличием, годами противиться всем усилиям лечения. Ничего не менялось, и не было никакого средства убедить его в чем-нибудь. Наконец, я понял, какое значение нарушение кишечника могло иметь для моих целей; оно представляло собой ту долю истерии, которая всегда лежит в основе невроза навязчивости. Я обещал пациенту полное восстановление деятельности его кишечника, сделал, благодаря этому обещанию, его недоверие явным и получил затем удовлетворение, видя, как исчезло его сомнение, когда кишечник, как истерически больной орган, начал принимать участие в работе и в течение немногих недель восстановил свою нормальную, так долго нарушенную функцию.

Теперь возвращаюсь к детству пациента, к периоду, когда кал для него не мог иметь значения денег.

Нарушения кишечника у него появились очень рано, прежде всего — самое частое и естественное у ребенка недержание кала. Но мы, безусловно, правы, если не согласны с патологическим объяснением этих ранних случаев и видим в них только доказательство намерения не допустить до помехи или задержки в удовольствии, связанном с функцией опорожнения кишечника. Большое удовольствие от анальных острот и проявлений, которое обычно соответствует естественной грубости некоторых классов общества, сохранилось у него и после начала позднейшего заболевания.

Во время пребывания англичанки-гувернантки неоднократно случалось, что он и няня должны были оставаться в комнате ненавистной воспитательницы. Няня, вполне верно понимая, констатировала тогда, что именно в эти ночи он пачкался в кровати, чего уже давно не было. Он этого вовсе не стыдился, то было выражение упрямства по отношению к гувернантке.

Год спустя (в $4^1/_2$ года), в период страхов случилось, что он днем испачкал штаны. Он ужасно стыдился и плакал, когда его мыли: он так не может жить. За это время, значит, что-то изменилось, и на след этого изменения нас навело исследование его жалобы. Оказалось, что слова: так он не может больше жить — он повторял за кем-то другим. Однажды [1]) мать взяла его с собой, когда провожала на станцию посетившего ее врача. Дорогой она жаловалась на боли и кровотечения, и у нее вырвались те же слова: «так я не могу больше жить»; она не думала, что ребенок, которого она вела за руку, сохранит их в памяти. Жалоба, которую он, между прочим, бесконечное число раз повторял в своей последующей болезни, означала, следовательно, идентификацию с матерью.

Скоро появилось воспоминание о недостающем по времени и содержанию своему звене между этими двумя событиями. Это случилось однажды в начале периодов его страха, когда озабоченная мать велела принять меры предосторожности, чтобы уберечь детей от дизентерии, вспыхнувшей по соседству с имением. Он осведомился, что такое дизентерия, и когда услышал, что при дизентерии находят кровь в испражнениях, он очень испугался и стал утверждать, что и в его испражнениях имеется кровь; он боялся умереть от дизентерии, но посредством исследования его удалось убедить, что он ошибся и что ему нечего бояться. Мы понимаем, что в этом страхе пыталось проявиться отождествление с матерью, о кровотечениях которой он слышал в ее разговоре с врачем. При его последующей попытке к отождествлению (в $4^1/_2$ года) он упустил момент крови; он больше не понимал себя, полагал, что стыдится, и не знал, что дрожит от страха смерти, который вполне определенно проявился в его жалобе.

Страдавшая женской болезнью мать вообще тогда боялась за детей; весьма вероятно, что его боязливость, помимо ее собственных мотивов, упиралась еще на отождествление с матерью.

Что же обозначает это отождествление с матерью?

Между дерзким использованием недержания кала в $3^1/_2$ года и ужасом перед этим недержанием в $4^1/_2$ года имело место сно-

[1]) Точнее не установлено, когда это было, но во всяком случае — перед кошмарным сном в 4 года, вероятно — перед отъездом родителей.

видение, с которого начался его период страха и которое объяснило ему пережитую им в $1^1/_2$ года сцену [1]) и дало ему понимание роли женщины при половом акте. Весьма естественно перемену по отношению к дефекации привести в связь с этим большим переворотом. Дизентерией, очевидно, называлась, по его мнению, болезнь, на которую, как он слышал, мать жаловалась, что «с такой болезнью нельзя жить»; он считал мать больной не женской, а кишечной болезнью. Под влиянием первичной сцены он открыл связь между заболеванием матери и тем, что сделал с ней отец [2]), и его страх перед кровью в испражнениях, т.-е. страх быть таким же больным, как мать, был отрицанием отождествления с матерью в той сексуальной сцене, — тем же отрицанием, с которым он проснулся после сновидения. Но страх был также доказательством того, что в последующей обработке первичной сцены он поставил себя на место матери, завидовал ей в ее отношениях к отцу. Орган, в котором могло проявиться это отождествление с женщиной, пассивно гомосексуальная установка к мужчине, был анальной зоной. Нарушения функций этой зоны приобрели значение гомосексуальных нежных душевных движений и сохранили это значение во время последующего заболевания.

В этом месте нам придется услышать возражение, обсуждение которого внесет много ясности в запутанное, повидимому, положение вещей. Ведь мы уже должны были предположить, что во время процесса сновидения он понял, что женщина кастрирована, что вместо мужского органа у нее рана, которой пользуются для полового общения, что кастрация является необходимым условием женственности, и что под влиянием угрозы такой потерей он вытеснил женскую установку к мужчине и со страхом проснулся от гомосексуальных мечтаний. Как вяжется это понимание полового общения, это признание вагины с избранием кишечника для иидентификации с женщиной? Не покоются ли кишечные симптомы на вероятно более старом, находящемся в полном противоречии с кастрационным страхом понимании, что выход из кишечного тракта является местом сексуального общения?

Несомненно, это противоречие существует, и оба понимания вовсе не вяжутся друг с другом. Вопрос только в том, должны ли они вязаться. Наше недоумение происходит от того, что мы всегда

[1]) См. предыдущее.

[2]) При чем он, вероятно, не ошибся.

склонны относиться к бессознательным душевным процессам, как к сознательным, и забывать о глубоком различии обеих психических систем.

Когда в возбужденном ожидании в рождественском сновидении ему представилась картина когда-то наблюденного (или сконструированного) полового общения родителей, то, несомненно, сперва явилось старое понимание его, по которому частью тела женщины, воспринимающей мужской орган, является выход из кишечного канала. Что же другое он мог подумать, когда в $1^1/_2$ года был свидетелем этой сцены [1])? А теперь присоединилось то, что впервые случилось в 4 года. Его последующий опыт, услышанные намеки на кастрацию проснулись и набросили тень сомнения на «теорию клоаки», дали ему знание полового различия и сексуальной роли женщины. Он вел себя при этом как вообще себя ведут дети, когда им дают нежелательные для них объяснения — сексуальное или какое-нибудь другое. Он отбросил новое — в данном случае из мотива страха кастрации, и уцепился за старое. Он решил вопрос в пользу кишечника и против вагины таким же образом и из тех же мотивов, как позже он стал на сторону отца против бога. Новое объяснение было отвергнуто, а старая теория сохранена; последняя могла дать материал для отождествления с женщиной, проявившегося потом, как страх перед смертью от кишечника и как первое религиозное сомнение, имел ли Христос заднюю часть и т. п.... Дело не в том, что новый взгляд остался без всякого влияния, как раз наоборот: он оказал невероятно сильное действие, став мотивом для того, чтобы удержать в вытеснении весь процесс сновидения и исключить его из позднейшей сознательной переработки. Но этим исчерпано было его влияние, — на разрешение сексуальной проблемы он не оказал никакого действия. Разумеется, было несомненным противоречием то, что с того времени мог существовать страх кастрации, на ряду с отождествлением с женщиной при посредстве кишечника. Но противоречие это было только логическое, что не имеет большого значения. Весь процесс скорее характеризует теперь то, как работает бессознательное. Вытеснение представляет собой нечто другое, чем осуждение.

Когда мы изучали происхождение фобии волка, мы проследили влияние нового взгляда на половой акт. Теперь, исследуя наруше-

[1]) Или пока он не понимал coitus'а собак.

ние деятельности кишечника, мы находимся на почве старой теории клоаки. Обе точки зрения остаются отделенными одна от другой вытеснением. Отвергнутая актом вытеснения женская установка к мужчине как бы сконцентрировалась в симптоматике кишечника и проявляется в часто наступающих поносах, запорах и болях в кишечнике в детском возрасте. Более поздние сексуальные фантазии, создавшиеся на основании правильных сексуальных знаний, могут регрессивным образом проявиться, как нарушение деятельности кишечника. Но мы их не поймем, пока не откроем изменения значения кала со времени первого детского периода [1]).

Раньше я в одном месте намекнул, что часть содержания первичной сцены еще осталась, и теперь я могу ее пополнить. Ребенок прервал общение родителей испражнением, которое могло мотивировать его крик. К критике этого добавления относится все то, что я раньше привел при обсуждении остального содержания этой сцены. Пациент принял этот сконструированный заключительный акт и как будто подтвердил его «проходящим симптомообразованием» (passagere Symptombildung). Дальнейшее добавление, предложенное мной, что отец, недовольный помехой, выразил свое недовольство тем, что выругался, должно было отпасть. Материал анализа на это не реагировал.

Деталь, которую я теперь прибавил, не может, разумеется, быть поставленной в ряд с остальным содержанием сцены. Дело тут идет не о впечатлении извне, возвращения которого можно ждать во многих позднейших признаках, а о реакции самого ребенка. Во всей истории ничего не изменилось бы, если бы этого проявления тогда не было или же если бы оно было вставлено в события сцены из позднейшего. Но не подлежит никакому сомнению то, как его нужно понимать. Оно означает возбужденность анальной зоны (в самом широком смысле). В других случаях такого рода наблюдение сексуального акта закончилось мочеиспусканием; взрослый мужчина при таких же условиях почувствовал бы эрекцию. То обстоятельство, что наш мальчуган продуцирует, как признак своего сексуального возбуждения, опорожнение кишечника, нужно понимать, как характерную черту его врожденной сексуальной конституции. Он сейчас же становится пассивным, проявляет больше склонности к отождествлению в последующем с женщиной, чем с мужчиной.

[1]) Ср. статью: «Превращения влечений и т. д.», 3-й выпуск этой библиотеки.

Он, как и всякий другой ребенок, пользуется при этом содержанием кишечника в его первом и первоначальном значении. Кал представляет собой первый п о д а р о к, первую жертву нежности ребенка, часть собственного тела его, от которой он отказывается, но только в пользу любимого лица [1]). Использование для того, чтобы поступить наперекор, как в нашем случае в $3^1/_2$ года по отношению к гувернантке, представляет собой только отрицательное превращение этого подарка. «Grumus merdae», которое воры оставляют на месте преступления, имеет, повидимому, оба значения: насмешку и регрессивно выраженное возмещение. Всегда, когда достигнута более высокая ступень, прежнее может найти применение еще в отрицательно униженном смысле. Вытеснение находит себе выражение в противоположном [2]).

На более поздней ступени развития кал получает значение ребенка. Ребенок, ведь, рождается через задний проход как испражнение. Значение кала, как подарка, легко допускает это превращение. В обычном разговоре ребенок называется «подарком»; часто о женщине говорят, что она «подарила» ребенка мужу, но в бессознательном вполне правильно принимается во внимание и другая сторона отношений, т.-е. что женщина «получает» ребенка в подарок от мужчины.

Значение кала, как денег, ответвляется в другом направлении от его значения, как подарка.

Раннее покрывающее воспоминание нашего больного о случившемся с ним первом припадке гнева, явившемся результатом того, что он к Рождеству получил недостаточно много подарков, разоблачает теперь свой более глубокий смысл. Ему недоставало сексуального удовлетворения, которое он понимал, как анальное. Его сексуальное исследование до сновидения уже подготовило его

[1]) Я думаю, что легко доказать, что младенцы пачкают своими экскрементами только тех лиц, которых они знают и любят. Чужих они не удостаивают таким отличием. В 3-х статьях о сексуальной теории я упомянул о самом первом применении кала для автоэротического раздражения слизистой оболочки кишечника; как дальнейшее завоевание к этому присоединяется, что при дефекации большое значение имеет внимание к объекту, которого ребенок слушается и идет навстречу ему. Это же отношение сохраняется и в дальнейшем в том, что более взрослый ребенок позволяет только некоторым предпочитаемым им лицам сажать себя на горшок или помогать при мочеиспускании, при чем, однако, принимаются во внимание и другие цели.

[2]) В бессознательном, как известно, не существует «нет»; противоположности совпадают. Отрицание вводится только процессом вытеснения.

к этому, а во время процесса образования сновидения он понял, что сексуальный акт разрешает загадку происхождения маленьких детей. Еще до сновидения он не переносил маленьких детей. Однажды он нашел маленькую еще голую птичку, выпавшую из гнезда, принял ее за маленького человечка и испугался его. Анализ доказал, что все те маленькие животные, гусеницы, насекомые, на которых он был так зол, имеют для него значение маленьких детей [1]). Его отношения к старшей сестре дали ему повод много раздумывать над взаимоотношениями между старшими и младшими детьми. Когда ему однажды няня сказала, что мать его так сильно любит, потому что он младший, то у него явился вполне понятный мотив желать, чтобы за ним не последовал еще младший ребенок. Под влиянием сновидения, воспроизведшего перед ним общение родителей, у него снова ожил страх перед этим младшим.

Нам нужно поэтому к известным уже сексуальным течениям прибавить еще новое, которое, как и другие, происходит из воспроизведенной им в сновидении первичной сцены. В отождествлении своем с женщиной (с матерью) он готов подарить отцу ребенка и ревнует к матери, которая это уже сделала и, быть может, снова сделает.

Обходным путем через общий результат значения подарка деньги могут приобрести значение ребенка и в таком виде могут стать выражением женского (гомосексуального) удовлетворения. Этот процесс совершился у нашего пациента, когда однажды — в то время брат и сестра находились в немецкой санатории — он увидел, как отец дал сестре деньги в виде двух бумажек большого достоинства. В своей фантазии он всегда подозревал отца в близости с сестрой. Тут в нем проснулась ревность, он бросился на сестру, когда они остались одни, и с такой настойчивостью и с такими упреками стал требовать свою долю в деньгах, что сестра, плача, бросила ему все. Его рассердила не только реальная стоимость денег, а еще гораздо больше ребенок, анально-сексуальное удовлетворение от отца. В этом отношении он мог утешиться, когда — при жизни отца — умерла сестра. Его возмутительная мысль при известии о ее смерти означала только: теперь я единственный ребенок, теперь отец должен любить меня одного. Но гомосексуальная подоплека этого безусловно доступного сознанию соображения была так невыносима, что его

[1]) Также вши, которые в сновидениях и фобиях часто означают маленьких детей.

замаскирование в виде низменной жадности оказалось возможным как большое облегчение.

То же самое было, когда, после смерти отца, он делал матери те несправедливые упреки, что она его хочет обмануть в денежном отношении, что она больше любит деньги, чем его. Старая ревность, что она любила еще другого ребенка, кроме него, что после него она желала иметь еще другого ребенка, вырывала у него обвинение, беспочвенность которого он сам сознавал.

Благодаря анализу значения кала нам становится теперь ясным, что навязчивые мысли, которые должны были привести бога в связь с калом, имеют еще другое значение, кроме оскорбления, которое он в них сознавал. Это были настоящие компромиссные образования, в которых нежное преданное течение принимает такое же участие, как враждебное и оскорбительное. «Бог-кал» было, вероятно, сокращением приглашения, которое приходится слышать и в несокращенной форме. «Испражняться на бога», «испражняться богу» — означает также подарить ему ребенка, получить от него в подарок ребенка. Старое отрицательно-унизительное значение подарка в навязчивых словах соединено с более поздним, развившимся из него значением ребенка. В последнем значении находит себе выражение женская нежность, готовность отказаться от мужественности, если за это получаешь любовь от женщины. Таким образом, это — то душевное движение против бога, которое недвусмысленными словами выражено в бредовой системе параноического президента сената Шребера [1]).

Когда я позже сообщу о последнем разрешении симптома у моего пациента, то можно будет еще раз показать, что нарушение кишечника служило гомосексуальному течению и выражало женскую установку к отцу. Новое значение кала должно открыть нам путь к описанию кастрационного комплекса.

Раздражая эрогенную слизистую оболочку кишечника, твердая каловая масса приобретает для него роль активного органа, действует так, как пенис на слизистую оболочку вагины, и становится как бы предшественником пениса в эпоху клоаки. Отдача кала в пользу (из любви) какого-нибудь другого лица в свое время становится прообразом кастрации; это первый случай отказа от части собственного тела [2]), чтобы приобрести милость другого любимого человека. Обычно нарцистическая любовь к своему пенису

[1]) См. анализ в Samml. Kl. Schriften z. Neurosenlehre, III F.

[2]) А именно так ребенок относится к калу.

не лишена известного притока и со стороны анальной эротики. Кал, ребенок, пенис — образуют, таким образом, нечто единое, бессознательное понятие — sit venia verbo — отделенного от тела «маленького». По этим соединительным путям могут произойти сдвиги и усиления привязанности либидо, имеющие значение для патологии и открытые анализом.

Первоначальное отношение нашего пациента к проблеме кастрации нам уже известно. Он отрицал кастрацию и остался на точке зрения общения через задний проход. Если я сказал, что он отрицал ее, то главное значение этого выражения состоит в том, что он ничего не хотел о ней знать в смысле вытеснения. Таким образом, в существовании ее не имело места, собственно, никакое суждение, но было так, будто бы кастрации вовсе не существовало. Однако, эта установка не могла быть окончательной, не оставалась даже в течение всех лет его детского невроза. Позже имеются веские доказательства того, что он признавал кастрацию, как факт. Он и в этом пункте ведет себя так, как это было показательно для его существа, что, разумеется, так необыкновенно затрудняет нам описание и понимание его. Он сначала противился, а потом уступил, но одна реакция не прекратила другую. В конце концов, у него одновременно имелись два противоположных течения, из которых одно пугалось кастрации, а другое готово было принять ее и утешиться женственностью, как заменой. Третье, самое старое и глубокое, которое просто отрицало кастрацию, при чем вопрос о реальности ее еще не возникал, было, несомненно, еще также жизненно. В другом месте я рассказал галлюцинацию этого же пациента из пятого года жизни, к которой я хочу присоединить небольшой комментарий [1]):

«Когда мне было 5 лет, я играл в саду возле няни и резал перочинным ножем кору одного из тех ореховых деревьев, которые играли роль [2]) в моем сновидении [3]). Вдруг я заметил с невыразимым ужасом, что так перерезал себе мизинец (правой или левой) руки, что он остался висеть на коже. Я не чувствовал боли, а только сильный страх. Я не решался сказать об этом находя-

[1]) См. выпуск IV этой библиотеки стр. 87.

[2]) См. Märchenstoffe im Träumen. Intern. Zeitschrift f. ärzt. PsA. 1, 2 H.

[3]) Корректура при последующем рассказе: мне кажется, что я резал не дерево. Это — слияние с другим воспоминанием, которое также извращено галлюцинацией, будто я сделал надрез ножом в дереве и будто при этом из дерева появилась кровь.

щейся в нескольких шагах няне, а опустился на ближайшую скамью и остался сидеть, неспособный бросить еще взгляд на палец. Наконец, я успокоился, посмотрел на палец, и оказалось, что он был совершенно невредим».

Нам известно, что в $4^1/_2$ года, после знакомства с священной историей, у него началась интенсивная работа мысли, которая закончилась навязчивой набожностью. Мы можем поэтому предположить, что эта галлюцинация случилась в то время, когда он решился признать реальность кастрации, и что она, может быть, отмечает именно этот шаг. И маленькая корректура пациента тоже представляет некоторый интерес. Если он галлюцинировал то же жуткое переживание, о котором Тассо (Tasso) рассказывает в «Освобожденном Иерусалиме» о своем герое Танкреде, то имеет свое оправдание и толкование, что и для моего маленького пациента дерево означало женщину. Он играл, следовательно, при этом роль отца и привел знакомое ему кровотечение матери в связь с открытой им кастрацией женщины, «раной».

Поводом к галлюцинации про отрезанный палец послужил, как он позже сообщил, рассказ о том, что у одной родственницы, которая родилась с шестью пальцами, этот лишний палец был сейчас же отрублен топором. У женщин, следовательно, не было пениса потому, что при рождении его у них отрезали. Таким путем он принял во время невроза навязчивости то, что знал уже во время процесса образования сновидения и что тогда отверг посредством вытеснения. Также и ритуальное обрезание Христа, как вообще евреев, не могло при чтении священной истории и разговорах о ней остаться ему неизвестным.

Не подлежит никакому сомнению, что к тому времени отец стал для него тем страшилищем, со стороны которого ему угрожает кастрация — от жестокого бога, с которым он тогда боролся, который заставляет людей провиниться, чтобы затем за это их наказывать, который приносит в жертву своего сына и сынов человечества, и который отразился на характере отца, которого он, с другой стороны, старался защитить против этого бога. Мальчику предстояло тут выполнить филогенетическую схему, и он осуществил это, хотя его личные переживания этому не соответствовали. Угрозы кастрацией или намеки на нее, с которыми он сталкивался, исходили от женщин [1]), но это не могло надолго

[1]) Мы знаем это относительно няни и узнаем то же относительно другой женщины.

задержать конечный результат. В конце концов, все же отец стал тем лицом, со стороны которого он боялся кастрации. В этом пункте наследственность одержала победу над случайным переживанием; в доисторическую эпоху человечества, несомненно, отец совершал кастрацию в наказание, а затем уменьшал его до обрезания. Чем дальше он в процессе невроза навязчивости продвигался по пути вытеснения чувственности, тем естественней было бы для него приписывать подобные злостные намерения отцу, настоящему представителю чувственных проявлений.

Отождествление отца с кастратором [1]) приобрело громадное значение, став источником острой, усилившейся до желания смерти бессознательной враждебности к нему и чувства вины, как реакции на эту враждебность. Но пока он вел себя нормально, т.-е., как всякий невротик, находящийся во власти комплекса Эдипа. Замечательно, что и в этом отношении у него было противоположное течение, в котором отец был кастрированным и, как таковой, вызывал у него сострадание.

При анализе церемониала дыхания в присутствии калек, нищих и т. д. я показал, что и этот симптом относился к отцу, который вызвал в нем сострадание при посещении им лечебницы. Анализ дал возможность проследить эту нить еще дальше. В очень раннем возрасте, вероятно, еще до соблазна ($3^{1}/_{4}$ года), в имении был бедный поденщик, который носил в дом воду; он не мог говорить, будто потому, что ему отрезали язык. Вероятно, это был глухонемой. Ребенок очень его любил и жалел от всего сердца. Когда несчастный умер, он искал его на небе [2]). Это был первый калека, вызвавший в нем жалость; судя по общей связи и порядку в анализе, он был, несомненно, заместителем отца.

Анализ открыл в связи с этим калекой воспоминания о других симпатичных слугах, о которых он подчеркнул, что они были болезненны или евреи (обрезание!). И лакей, который помогал чистить его при его несчастьи в $4^{1}/_{2}$ года, был евреем, чахоточным, и вы-

[1]) К самым мучительным, но также и нелепым симптомам его будущего страдания принадлежит его отношение ко всякому... портному, которому он заказал когда-либо платье, его робость и уважение перед этим высокопоставленным лицом, его старание расположить последнего в свою пользу несоразмерными чаевыми и отчаяние по поводу результатов работы, независимо от того, какими они оказались в действительности.

[2]) В связи с этим упоминаю о сновидениях, которые он видел позже, чем кошмарный сон, но еще в первом имении, и представлявших сцену контуса между небесными телами.

зывал в нем сострадание. Все эти лица относятся ко времени до посещения отца в санатории, т.-е. до образования симптома, который посредством выдыхания не должен был допустить отождествления с внушающим жалость. Тут анализ в связи с сновидением снова повернул к самому раннему периоду и побудил его к утверждению, что при контусе в первичной сцене он наблюдал исчезновение пениса, пожалел по этому поводу отца и радовался появлению вновь органа, который считал потерянным. Итак, — новое чувство, опять-таки исходящее из этой сцены. Нарцистическое происхождение сострадания, за которое говорит само слово, здесь вполне очевидно.

VIII. Дополнения из самого раннего детства. Разрешение.

Во многих анализах бывает так, что при приближении к концу вдруг всплывает новый материал, остававшийся до того тщательно скрытым. Или же однажды делается мельком незначительное замечание равнодушным тоном, как будто это нечто совершенно излишнее, к этому в другой раз присоединяется что-то новое, что уже заставляет врача насторожиться, и, наконец, в том обрывке воспоминаний, которому не придавалось значения, открывается ключ к самым важным тайнам, окутывавшим невроз больного.

Еще в начале мой пациент рассказал о том времени, когда его испорченность стала переходить в страх. Он преследовал прекрасную большую бабочку с желтыми полосками, большие крылья которой заканчивались острыми углами, т.-е. адмирала. Вдруг, когда он увидел, как бабочка опустилась на цветок, им овладел ужасный страх перед насекомым, и он с криком убежал.

От времени до времени он возвращался в анализе к этому воспоминанию, требовавшему объяснения, которое долго не давалось. Заранее можно было предположить, что подобная деталь сохранилась в воспоминании не сама по себе, а занимала место более важного, как покрывающее воспоминание, с чем она была каким-либо образом связана. Однажды он сказал, что это насекомое на его языке называется бабочка, старая бабушка; вообще, бабочки казались ему женщинами и девушками, а жуки или гусеницы — мальчиками. При той сцене страха должно было проснуться воспоминание о каком-нибудь женском существе. Не хочу умолчать, что тогда я предположил, как возможность, что желтые полосы адмирала напомнили ему такие же полосы на платьи, которое носила женщина. Делаю это только для того, чтобы показать на примере,

как, обыкновенно, бывают недостаточны комбинации врача для разрешения возникающих вопросов, и как неверно взваливать ответственность за результаты анализа на фантазию врача и на внушение с его стороны. В связи с чем-то совершенно другим, много месяцев спустя, пациент заметил, что распускание и складывание крыльев бабочки, когда она опустилась, произвело на него самое неприятное впечатление. Это было так, как если женщина раздвигает ноги, и при этом получается фигура римского V, — как известно, время, в которое еще в детские годы, но также и теперь обыкновенно наступало у него пониженное настроение.

Подобная мысль мне никогда не пришла бы в голову, но ценность ее возрастала от соображения, что вскрытый ею ход ассоциаций носил чисто инфантильный характер. Внимание детей, как я часто замечал, привлекается гораздо больше движением, чем покоющимися формами, и часто на основании сходства движения у них являются такие ассоциации, которые взрослые упускают, не обращая на них внимания.

Затем маленькая проблема снова приостановилась. Я хочу еще указать на то основательное предположение, будто острые, палкообразные концы крыльев бабочки могли иметь значение генитальных символов.

Однажды очень робко и неясно всплыло у больного нечто вроде воспоминания о том, как очень рано, еще до няни, за детьми ходила девушка, которую он очень любил; у нее было то же имя, что у матери. Несомненно, что он отвечал на ее нежность. Итак, забытая первая любовь. Мы согласились оба на том, что, вероятно, произошло нечто, что потом приобрело большое значение.

Затем, в другой раз он исправил свое воспоминание. Ее не могли звать так, как мать, это было с его стороны ошибкой, которая показывала, что в его воспоминаниях она слилась с матерью. Настоящее ее имя припомнилось ему косвенным путем. Вдруг он вспомнил о сарае в первом имении, в котором хранились собранные плоды, и об определенном сорте груш великолепного вкуса, больших с желтыми полосками на кожице. На его родном языке эти плоды называются г р у ш а, — это и было ее имя.

Таким образом стало ясно, что за покрывающим воспоминанием о преследуемой бабочке скрывалось воспоминание об этой девушке. Но желтые полосы находились не на ее платье, а на груше. Но откуда же взялся страх, когда ожило воспоминание о ней. Возможна была следующая ближайшая нехитрая комбинация: у этой

девушки он маленьким ребенком впервые увидел движения ног, которое и запомнил, как знак римского V, — движения, которые открыли доступ к гениталиям. Мы отказались от этой комбинации и ждали дальнейшего материала.

Скоро появилось воспоминание об одной сцене, неполное, но вполне определенное, поскольку оно сохранилось. Груша лежала на полу, возле нее стоял чан и метла из коротких прутьев; он был тут же, она дразнила или высмеивала его.

То, что тут недоставало, легко было пополнить другими воспоминаниями. В первые месяцы лечения он рассказывал о навязчивой влюбленности в крестьянскую девушку, от которой заразился болезнью, послужившей поводом к последующему заболеванию. Странным образом он противился тогда требованию назвать имя девушки. То был совсем единичный случай сопротивления; обычно он безусловно подчинялся основному аналитическому правилу. Но он утверждал, что должен очень стыдиться, произнося это имя, потому что оно совсем мужицкое. Знатные девушки никогда не носили бы такого имени. Имя, которое, наконец, стало известным, было М а т р е н а. Оно звучало матерински. Стыд был, очевидно, не по адресу. Самого факта, что это увлечение относилось к простой девушке, он не стыдился, а только ее имени. Если это приключение с Матреной могло иметь нечто общее со сценой с Грушей, то стыд нужно перенести на это раннее происшествие.

В другой раз он рассказал, что, когда он узнал о жизни Иоганна Гусса, он был очень потрясен этой историей, и его внимание было приковано к связкам хвороста, которые тащили на его костер. Симпатии к Гуссу будят вполне определенное подозрение; я часто находил их у молодых пациентов, и мне всегда удавалось объяснить их одинаковым образом. Один из них сделал даже драматическую обработку судьбы Гусса. Он начал писать драму в тот день, когда лишился объекта своей тайной влюбленности; Гусс погиб от огня, и, как другие отвечающие такому же условию, он становится героем бывших энуретиков (enuresis — недержание мочи). Вязки хвороста на костер Гусса мой пациент сам поставил в связь с веником (связка прутьев) молодой девушки.

Этот материал легко подошел к тому, чтобы восполнить изъян воспоминаний в сцене с Грушей. Глядя, как девушка моет пол, он помочился в комнате, и после этого она в шутку погрозила ему кастрацией [1].

[1]) Весьма замечательно, что реакция стыда так тесно связана с непроизвольным мочеиспусканием (дневным и ночным), а не, как следовало бы ожи-

Не знаю, догадываются ли уже читатели, почему я так подробно сообщаю этот эпизод из раннего детства[1]). Он образует важную связь между первичной сценой и более поздней навязчивой влюбленностью, сыгравшей такую решающую роль в его судьбе, и, кроме того, вводит еще условие любви, объясняющее эту навязчивость.

Когда он увидел, как девушка лежала на полу, занятая мытьем этого пола, стоя на коленях с выдающимися вперед задними частями, а спиной — в горизонтальном направлении, он узнал в ней положение, которое мать занимала в сцене коитуса. Она стала его матерью, им овладело сексуальное возбуждение, вследствие того, что в его воспоминании ожила та картина, и он поступил по отношению к девушке, как отец, поступок которого он тогда мог понять, как мочеиспускание. Мочеиспускание на пол у ребенка было в сущности попыткой к соблазну, и девушка ответила угрозой кастрацией, как будто бы она его поняла.

Навязчивость, исходящая из первичной сцены, перенеслась на эту сцену с Грушей и продолжала свое действие. Но условие любви потерпело изменение, указывающее на влияние второй сцены. С положения женщины оно перенеслось на ее деятельность в таком положении. Это стало очевидным, например, в переживании с Матреной. Он гуляя по деревне, принадлежащей (более позднему) имению, и на берегу пруда увидел крестьянскую девушку, стоявшую на коленях и занятую мытьем белья в пруде. Он моментально и с непреодолимой силой влюбился в прачку, хотя и не видал еще ее лица. Благодаря своему положению и работе она заняла для него место Груши. Мы понимаем теперь, почему стыд, относившийся к содержанию в сцене с Грушей, связался с именем Матрены.

Навязчивое влияние сцены с Грушей проявилось еще яснее в другом припадке влюбленности за несколько лет до этого. Молодая крестьянская девушка, исполнявшая в доме обязанности служанки, нравилась ему уже давно, но ему удавалось все же сдержать себя и не приближаться к ней. Однажды он был охвачен влюбленностью,

---

дать, с недержанием кала. Опыт не оставляет в этом отношении никакого сомнения. Заставляет задуматься также постоянная связь между недержанием мочи и огнем. Весьма возможно, что в этих реакциях и связях мы имеем дело с осадками культуры человечества, идущими глубже всего и сохранившими для нас свои следы в мифах и в фольклоре.

[1]) По времени он случился в возрасте $2^{1}/_{2}$ лет — между предполагаемым наблюдением коитуса и соблазном.

когда застал ее одну в комнате. Он нашел ее лежащей на полу, занятой мытьем пола, а возле нее находились ведро и метла, т.-е. совсем так, как та девушка в детстве.

Даже его окончательный выбор объекта, получивший такое большое значение в его жизни, благодаря подробностям обстоятельств, которых здесь нельзя привести, оказывается в зависимости от таких же условий любви, проявлением навязчивости, которая, начиная с первичной сцены и через сцену с Грушей, владела выбором его объекта. Прежде я заметил, что признаю у пациента стремление к унижению объекта его любви. Это объясняется реакцией на давление от превосходства сестры над ним. Но я тогда обещал показать, что не один только этот мотив, самостоятельный по природе своей, имел решающее значение, а он покрывал более глубоко детерминированные, чисто эротические мотивы. Эту мотивировку проявило воспоминание о моющей пол девушке, стоящей по своему положению ниже его. Все позднейшие объекты любви были заместительницами этой одной, которая, в свою очередь, сама была, благодаря случайному положению, первой заместительницей матери. В первой мысли, пришедшей пациенту в голову по вопросу о страхе перед бабочкой, потом уже легко узнать отдаленный намек на первичную сцену (5-й час). Отношение сцены с Грушей к угрозе кастрацией он подтвердил особенно содержательным сновидением, которое он сумел сам истолковать. Он сказал: мне снилось, будто *какой-то человек отрывает крылья* *espe*. — Espe? Я должен спросить, что вы этим хотите сказать? — Насекомое с желтыми полосками на теле, которое кусает. Это, вероятно, намек на Грушу, грушу с желтыми полосками. — *Wespe* — *оса*, хотите вы сказать? — поправил я. — Разве это называется wespe? Я, право, думал, что это называется espe (он, как и многие другие, пользуется тем, что говорит на чужом ему языке, чтобы скрыть свои симптоматические действия). Но espe ведь это же я сам — S. P. (инициалы его имени). — Espe, разумеется, искалеченное wespe. Сон ясен: он мстит Груше за ее угрозу кастрацией.

Поступок ребенка в $2^{1}/_{2}$ года в сцене с Грушей представляет собой первое известное нам действие первичной сцены; в этом поступке он является копией отца, и мы можем в нем узнать тенденцию в том направлении, которое позже заслужит название мужского. Соблазн вынуждает его на пассивность, которая тоже уже была подготовлена его положением зрителя при общении родителей.

Из истории лечения я должен еще подчеркнуть, что получилось впечатление, будто с отдалением сцены с Грушей, первым переживанием, которое он, действительно, сумел вспомнить и вспомнил без моих предположений и моей помощи, разрешилась задача лечения. С этого момента не было больше сопротивления, оставалось еще только собирать и составить весь добытый материал. Старая теория травм, построенная на впечатлениях из психоаналитической терапии, вдруг опять получила свое значение. Из критического интереса я еще раз сделал попытку навязать пациенту другое понимание его истории, более приемлемое для трезвого рассудка. В сцене с Грушей сомневаться не приходится, но сама по себе она не имеет никакого значения; лишь впоследствии она усилилась благодаря регрессии, исходящей из событий, связанных с выбором его объекта, который, вследствие тенденции унижения, перенесся с сестры на прислугу. Наблюдение же коитуса представляет его фантазию, явившуюся в более поздние годы; историческим ядром ее могли быть какие-нибудь наблюдения или собственные переживания — хотя бы наблюдение какого-нибудь самого невинного вливания. Некоторые читатели, может быть, подумают, что только сделав это предположение, я приблизился к пониманию данного случая. Пациент же посмотрел на меня, не понимая в чем дело, когда я изложил ему этот взгляд, и никогда больше на него не реагировал. Собственные мои доказательства против такой рационализации я изложил выше.

Но сцена с Грушей содержит не только условия выбора объекта, имеющие решающее значение для всей жизни пациента, но остерегает нас от ошибки переоценить значение тенденции унизить женщину. Она может также оправдать меня в моем прежнем отказе от точки зрения, объясняющей первичную сцену, как несомненный результат наблюдения над животными незадолго до сновидения. Она возникла сама в воспоминании больного, без моего содействия. Объясняющийся ею страх перед бабочкой в желтых полосках показывает, что содержание ее имело большое значение или что была возможность придать впоследствии ее содержанию такое значение. Все это значительное, чего не было в воспоминаниях, можно было с точностью пополнить благодаря мыслям, сопровождавшим эти воспоминания, и связанным с ними выводам. Тогда оказалось, что страх перед бабочкой совершенно аналогичен страху перед волком; он в обоих случаях был страхом перед кастрацией, отнесшимся сперва к лицам, грозившим кастрацией, и перенесенным затем на других, с которыми он в соответствии с филогенетическим прообразом должен был связаться. Сцена с Грушей произошла в $2^1/_2$ года, а страшное переживание с бабочкой — наверное после страшного сновидения. Легко было понять, что возникшее позже понимание возможности кастрации вызвало впоследствии уже страх в сцене с Грушей; но сама эта сцена не содержала ничего отталкивающего или невероятного, а скорее банальные детали, в которых нет никакого основания сомневаться. Ничто не наводит на мысль объяснить ее фантазией ребенка; да это и вряд ли возможно.

Возникает вопрос, вправе ли мы видеть сексуальное возбуждение в мочеиспускании стоящего мальчика в то время, когда стоящая на коленях девушка моет пол? В таком случае это возбуждение указывало бы на влияние прежнего впечатления, которое могло в такой же мере исходить от действительно имевшей место первичной сцены, как и от наблюдения над животными, сделанного до $2^1/_2$-летнего возраста. Или все это положение было совершенно невинно, мочеиспускание ребенка чисто случайным, и вся эта сцена была сексуализирована только впоследствии, в воспоминаниях, после того как открыто было значение подобных положений?

Тут я не рискую дать решающий ответ. Должен сказать, что считаю большой заслугой психоанализа уже самую постановку такого вопроса. Но не могу отрицать, что сцена с Грушей, роль, которую ей пришлось сыграть в анализе, и влияние ее в жизни легче и полнее всего объясняются, если считать в данном случае первичную сцену реальной, хотя в других случаях она может быть фантазией. В сущности, ничего невозможного в ней нет; допущение ее реальности очень хорошо вяжется с возбуждающим влиянием наблюдения над животными, на которое указывают овчарки в картине сновидения.

От этого неудовлетворительного заключения перехожу к разбору вопроса, разрешить который я пытался в «Лекциях по введению в психоанализ». Я сам хотел бы знать, была ли первичная сцена у моего пациента фантазией или реальным переживанием, но, принимая во внимание другие подобные случаи, приходится сказать, что, в сущности, вовсе не важно разрешить этот вопрос. Сцены наблюдения родительского сексуального общения, соблазна в детстве, угрозы кастрацией представляют собой несомненно унаследованное психическое достояние, филогенетическое наследство, но могут также быть приобретением в результате личного переживания. У моего пациента соблазн, исходивший от старшей

сестры, был неоспоримой реальностью; почему же не принять то же самое для наблюдения родительского коитуса?

В первичной истории невроза мы видим только то, что ребенок прибегает к этому филогенетическому переживанию в том случае, когда его личного переживания недостаточно. Изъян в индивидуальной истине он заполняет исторической истиной, на место собственного опыта ставит опыт предков. В признании этого филогенетического наследства я вполне согласен с Юнгом («Психология бессознательных процессов», 1917, труд, который не мог уже оказать влияния на мои «Лекции»); но я считаю неправильным прибегать для объяснения к филогенезу, не исчерпав предварительно всех возможностей онтогенеза; я не понимаю, почему упрямо оспаривают у самого раннего детского периода то значение, которое охотно признают за самой ранней эпохой предков; не могу не признать, что филогенетические мотивы и продукции сами нуждаются в объяснении, которое могут им дать в ряде случаев переживания индивидуального детства; и, в конце концов, я не удивляюсь, если те же условия, сохранившись, органически создают у каждого в отдельности то, что эти условия однажды в отдаленные времена создали и передали по наследству, как предрасположение к личному приобретению.

К промежутку времени между первичной сценой и соблазном ($1^1/_2 — 3^1/_4$ г.) нужно отнести еще и немого водовоза, который был для ребенка заместителем отца подобно тому, как Груша была заместительницей матери. Полагаю, что неправильно говорить тут о тенденции к унижению, хотя оба родителя оказываются замененными прислугой. Ребенок не обращает внимания на социальные различия, которые имеют для него еще мало значения, и ставит в один ряд с родителями и незначительных по своему положению людей, если они только проявляют к нему такую же любовь, как родители. Так же мало значения имеет эта тенденция при замене родителей животными, низкая оценка которых ребенку совершенно чужда. Независимо от такого унижения, для замены родителей берутся также дяди и тети, как это доказывают неоднократные воспоминания и у моего пациента.

К этому же времени относятся смутные сведения о фазе, в которой он хотел есть только сладости, так что опасались за его жизнь. Ему рассказали про дядю, который также отказывался от еды и умер молодым от истощения. Он слышал еще, что в возрасте трех месяцев он был так тяжело болен (воспалением легких?), что для него уже приготовили саван. Удалось его запугать, и он опять начал есть; в старшем детском возрасте он даже преувеличил эту обязанность, как бы для того, чтобы защитить себя от угрожающей смерти. Страх смерти, который тогда в нем возбудили для его защиты, позже снова проявился, когда мать предупреждала его против опасности дизентерии; еще позже он спровоцировал припадок невроза навязчивости. В другом месте мы постараемся исследовать происхождение и значение последнего.

Нарушению в принятии пищи я хотел бы придать значение самого первого невротического заболевания, так что нарушение в принятии пищи, фобия волка, навязчивая набожность дают совершенный ряд детских заболеваний, которые повлекли за собой предрасположение к невротической болезни в годы после наступления половой зрелости. Мне возразят, что не многие дети не подвергаются подобным нарушениям вроде временного нежелания есть или фобии животных. Но этому аргументу я очень рад. Я готов утверждать, что всякий невроз взрослого зиждется на его детском неврозе, который, однако, не всегда достаточно интенсивен, чтобы его заметили и узнали в нем болезнь. Теоретическое значение инфантильного невроза для понимания заболеваний, которые мы считаем неврозами и хотим объяснить только влияниями более позднего периода жизни, только увеличивается от такого возражения. Если бы наш пациент в придачу к своему нарушению в принятии пищи и фобии животного не получил еще навязчивой набожности, то история его детства мало чем отличалась бы от истории других детей, и мы были бы беднее ценными материалами, которые уберегли бы нас от легко допускаемых ошибок.

Анализ был бы неудовлетворителен, если бы не привел к пониманию тех жалоб, которыми пациент определял свою болезнь. Они гласили, что мир как бы окутан для него завесой, и психоаналитический опыт отрицает возможность того, что эти слова не имеют значения и что формулировка эта случайна. Эта завеса разрывалась — удивительным образом — только в таком положении, когда после клизмы каловые массы проходили через задний проход. Тогда он снова чувствовал себя хорошо, и на короткое время мир казался ему ясным. Выяснение значения этой «завесы» подвигалось с такими же трудностями, как и выяснение страха перед бабочкой. Последний не ограничивался одной только завесой, она рассеивалась, превращаясь в чувство сумеречности, «tenèbres», и в другие неуловимые вещи.

Только незадолго до окончания лечения он вспомнил, что слышал, будто родился на свет «в сорочке». Поэтому считал себя всегда особым счастливчиком, с которым не может произойти ничего плохого. Эта уверенность покинула его только тогда, когда он вынужден был согласиться с тем, что гонорройное заболевание приносит тяжелый вред его здоровью. Этот удар его нарцизму сломил его. Мы скажем, что он повторил этим механизм, который однажды уже сыграл у него роль. И фобия волка возникла у него тогда, когда он столкнулся с фактом возможности кастрации, а гонорею он, очевидно, поставил в один ряд с кастрацией.

Счастливая «сорочка», следовательно, и есть та завеса, которая укрывает его от мира и мир от него. Его жалоба представляет собой, собственно говоря, замаскированную фантазию-желание, она рисует его снова в утробе матери; правда, в этой фантазии осуществляется бегство от мира. Ее можно формулировать: я так несчастен в жизни, я должен снова вернуться в утробу матери.

Какое значение имеет то, что эта символическая, при рождении реальная, завеса разрывается в момент испражнения после клизмы, что при таком условии его покидает болезнь? Общая связь дает нам возможность ответить: когда разрывается завеса рождения, он начинает видеть мир и снова рождается. Стул представляет собой ребенка, каким он вторично является для счастливой жизни. Это и есть фантазия возрождения, на которую Юнг недавно обратил внимание и которой он отвел такое господствующее положение в желаниях невротика.

Было бы прекрасно, если бы все кончалось на этом. Некоторые особенности ситуации и требования необходимой связи с специальной историей жизни заставляют нас продолжать толкование. Условия возрождения требуют, чтобы ему ставил клизму мужчина (этого мужчину уже позже он по необходимости заменил сам). Это может означать только то, что он отождествил себя с матерью, отца заменил этот мужчина, клизма повторяет акт совокупления, плодом которого является каловый ребенок — опять-таки он сам. Фантазия возрождения опять-таки тесно связана с условием сексуального удовлетворения мужчиной. Значение всего, следовательно, такое: только став в положение женщины, заменив мать с тем, чтобы получить удовлетворение от отца и родить ему ребенка, он освободится от своей болезни. Фантазия возрождения была здесь только исковерканным, цензурированным переизданием гомосексуальной фантазии-желания.

Если ближе присмотримся, то должны будем заметить, что в этом условии своего выздоровления больной только воспроизводит ситуацию так называемой первичной сцены: тогда он хотел подменить собою мать; калового ребенка, как мы уже давно предположили раньше, он в той сцене воспроизвел сам. Он все еще фиксирован, как бы связан со сценой, ставшей решающей для его сексуальной жизни, возвращение которой в ту ночь сновидения положило начало его болезни. Разрыв завесы аналогичен открыванию глаз, распахнувшемуся окну. Первичная сцена превратилась в условие выздоровления.

То, что изображается в жалобах, и то, что составляет исключение, можно легко соединить в одно целое, которое в таком случае открывает весь свой смысл. Он желает вернуться в материнское лоно, не просто для того, чтобы снова родиться, а чтобы отец застал его там при коитусе, дал ему удовлетворение, и чтобы он родил отцу ребенка.

Быть рожденным отцом, как он это сначала думал, быть им сексуально удовлетворенным, подарить ему ребенка, отказавшись при этом от своей мужественности и выражаясь языком анальной эротики: этими желаниями замыкается круг фиксации на отце; в этом гомосексуальность нашла свое высшее и самое интимное выражение [1]).

Я полагаю, что этот пример проливает свет на смысл и происхождение фантазии о пребывании в материнском лоне и возрождении его. Фантазия о пребывании в лоне, как и в нашем случае, произошла от привязанности к отцу. Является желание быть в лоне матери, чтобы заменить ее при коитусе, занять ее место у отца. Фантазия возрождения является, вероятно, всегда ослабленной фантазией, так сказать — евфемизмом инцестуозного общения с матерью, анагогическим сокращением его, пользуясь выражением Зильберера (Silberer). Возникает желание вернуться к положению, которое ребенок занимал в гениталиях матери, причем мужчина отождествляется с его пенисом, заменяет его собой. Тогда обе фантазии оказываются противоположностями, выражающими желание общения с отцом или матерью, в зависимости от мужской или женской установки данного лица. Не исключается

[1]) Возможное побочное значение, что завеса представляет собою девственную плеву, разрывающуюся при сношении с отцом, не совпадает с условием излечения и не имеет никакого отношения к жизни пациента, для которого девственность не имела никакого значения.

возможность и того, что в жалобе и в условиях выздоровления нашего пациента объединены обе фантазии, т.-е. оба инцестуовных желания.

Хочу сделать еще раз попытку перетолковать последние результаты анализа по образцу объяснений противников: пациент жалуется на свое бегство от мира в типичной фантазии о пребывании в утробе матери и видит свое исцеление только в типичном образе возрождения. Это последнее он выражает в анальных симптомах в соответствии с преобладающим у него предрасположением. По образцу анальной фантазии возрождения он создал себе детскую сцену, воспроизводящую его желание в архаически-символических выражениях. Затем его симптомы сплетаются так, как будто бы они исходили из такой первичной сцены. Он должен был решиться на весь этот обратный путь, потому что натолкнулся на жизненные задачи, для разрешения которых он был слишком ленив, или потому что у него было полное основание относиться с недоверием к своей малоценности; он полагал, что таким способом он лучше всего защитит себя от унижения.

Все это было бы хорошо и прекрасно, если бы несчастному в 4 года не приснился сон, с которого начался его невроз; сон, вызванный рассказами деда о портном и волке, и толкование которого делает необходимым предположение о такой первичной сцене. Об эти мелочные, но неопровержимые факты разбиваются, к сожалению, все те облегчения, которые нам хотят создать теории Юнга и Адлера. Настоящее положение вещей, как мне кажется, говорит скорее за то, что фантазия о возрождении происходит от первичной сцены, чем наоборот, что первичная сцена является отражением фантазии возрождения. Может быть, можно также допустить, что тогда, в 4 года после рождения, пациент был еще слишком молод, чтобы уже желать себе возрождения. Но от этого последнего аргумента я должен отказаться[1]).

[1]) Допускаю, что этот вопрос — самый тонкий во всем психоаналитическом учении. Я не нуждался в сообщениях Адлера и Юнга, чтобы критически задуматься над возможностью, что утверждаемые анализом детские переживания, — пережитые в невероятно раннем детстве! — скорее основаны на фантазиях, сочиненных по поводу более поздних случаев, и что необходимо допустить проявление конституционального момента или филогенетически унаследованного предрасположения во всех тех случаях, когда в анализах находишь влияние такого детского впечатления на последующую жизнь. Наоборот, ничто не вызывало во мне больше сомнений, никакая другая неуверенность не удерживала сильнее от публикации. Я первый открыл как роль фантазии для образования симптомов, так и «обратное фантазирование» в детство более поздних наблюдений и последующую сексуализацию этих фантазий — на что не указал никто из противников. (См. «Толкование сновидений», I изд., стр. 49, и примечание к случаю невроза навязчивого состояния, 1908, стр. 164. Samml. Kl. Schrift. III. Folge). Если я все-таки остался при своих более трудных и менее приемлемых взглядах, то это случилось благодаря аргументам, на которые наводит исследователя описанный здесь случай или любой другой детский невроз, и которые я здесь предлагаю на суд читателя.

IX. ВЫВОДЫ И ПРОБЛЕМЫ.

Не знаю, удалось ли читателю предлагаемого описания анализа составить себе ясную картину возникновения и развития болезни у моего пациента. Опасаюсь, что это скорее не так. Но как мало я обычно ни защищаю искусства моего изложения, на этот раз я хотел бы сослаться на смягчающие обстоятельства. Передо мною стояла задача, за которую до того никто еще никогда не брался: ввести в описание такие ранние фазы и такие глубокие слои душевной жизни; и лучше уже разрешить плохо эту задачу, чем обратиться перед нею в бегство, которое, помимо всего, должно быть связано с известными опасностями для струсившего. Итак, лучше уже смело показать, что не останавливаешься и перед сознанием своей недостаточности.

Сам случай был не особенно благоприятен. Изучение ребенка сквозь призму сознания взрослого, что сделало возможным получить обилие сведений о детстве, — должно было искупаться тем, что анализ был разорван на самые мелкие крохи; это и привело к соответствующему несовершенству его описания. Личные особенности, чуждый нашему пониманию национальный характер, ставили большие трудности перед необходимостью вчувствоваться в личность больного. Пропасть между милой, идущей навстречу личностью больного, его острым интеллектом, благородным образом мыслей и совершенно неукротимыми порывами влечений сделала необходимой очень длительную подготовительную и воспитательную работу, благодаря которой еще больше пострадала ясность. Но сам пациент совершенно не виноват в том, что характер этого случая ставит самые трудные задачи перед описанием. В психологии взрослого нам счастливо удалось разделить душевные процессы на сознательные и бессознательные и описать их с достаточной ясностью. В отношении ребенка это различие почти недоступно нам. Часто не решаешься сам указать, что следовало бы считать сознательным, что — бессознательным. Психические процессы, которые стали господствующими и которые, судя по их позднейшему проявлению, дол-

жны быть отнесены к сознательным, все же не были осознаны ребенком. Легко понять, почему сознание не приобрело еще у ребенка всех характеризующих его признаков: оно находится в процессе развития и не обладает еще способностью превратиться в словесные представления. Обыкновенно мы всегда грешим тем, что путаем феномен, как восприятие в сознании, с принадлежностью его к какой-нибудь предполагаемой психической системе, которую мы должны были как-нибудь условно назвать, но которую мы также называем сознанием (система Bw); эта путаница безобидна при психологическом описании взрослого, но вводит в заблуждение при описании душевной жизни ребенка. Введение «предсознательного» тут тоже мало помогает, потому что предсознательное ребенка также мало совпадает с предсознательным взрослого. Приходится поэтому удовлетвориться тем, что сознаешь все темные стороны вопроса.

Само собой понятно, что случай, подобный описанному здесь, мог бы послужить поводом для дискуссии о всех результатах и проблемах психоанализа. Это была бы бесконечная и ничем неоправдываемая работа. Нужно сказать себе, что из одного случая всего не узнаешь, всего на нем не разрешишь, и удовлетвориться тем, что используешь его для того, что он всего яснее обнаруживает. Задача дать объяснения, стоящая перед психоанализом вообще, узко ограничена. Объяснить нужно бросающиеся в глаза симптомы, вскрывая их происхождение; психических механизмов и влечений, к которым приходишь таким путем, объяснять не приходится; их можно только описать. Для того, чтобы притти к новым общим положениям из того, что констатировано в отношении этих последних пунктов, нужно иметь много таких хорошо и глубоко анализированных случаев. Их не легко получить, каждый в отдельности требует долголетней работы. В этой области возможен поэтому только очень медленный успех. Весьма естественно, поэтому, искушение «наскрести» у некоторого числа лиц на психической поверхности кое-какие данные, а остальное заменить общими соображениями, которые затем ставятся под защиту какого-нибудь философского направления. В пользу такого метода можно привести и практическую необходимость, но требования науки нельзя удовлетворить никаким суррогатом[1]).

Я хочу попробовать набросать синтетический обзор сексуального развития моего пациента, при котором могу начать с самых ранних проявлений. Первое, что мы о нем слышим, это нарушение удовольствия от еды (Esslust), в котором я, на основании опыта в других случаях, однако, без какой бы то ни было категоричности в утверждении, склонен видеть результат какого-то процесса в сексуальной области. Первую явную сексуальную организацию я должен видеть в так называемой каннибальной или оральной фазе, в которой главную роль еще играет первоначальная связь сексуального возбуждения с влечением к пище. Непосредственных проявлений этой фазы ждать не приходится, но при наступлении каких-нибудь нарушений в этой области должны быть соответствующие проявления. Нарушение влечения к пище — которое может, разумеется, иметь еще и другие причины — обращает наше внимание на то, что организму не удалось справиться с сексуальным возбуждением. Сексуальной целью этой фазы мог бы быть только каннибализм, пожирание; у нашего пациента это проявляется, как регрессия в более высокой ступени в виде страха: быть съеденным волком. Известно, что в гораздо более старшем возрасте, у девушек во время наступления половой зрелости или вскоре после этого, встречается невроз, выражающий отрицание сексуальности посредством анорексии; ее можно привести в связь с этой оральной фазой сексуальной жизни. На высоте пароксизма влюбленности («я мог бы тебя съесть от любви») и в ласковом общении с маленькими детьми, при чем взрослый сам ведет себя, как ребенок, опять появляется любовная цель оральной организации. В другом месте я высказал предположение, что у отца моего пациента была эта привычка «ласковой ругани», что он играл с ребенком в волка или собаку и в шутку угрожал ему, что сожрет его. Пациент подтвердил это предположение своим странным поведением в перенесении. Как только он, отступая перед трудностями лечения, возвращался к «перенесению», он угрожал тем, что съест, сожрет, а позже всевозможными другими истязаниями, — что было все только выражением нежности.

В разговорном языке сохранился отпечаток этой оральной сексуальной фазы: говорят об «аппетитном» любовном объекте, возлюбленную называют «сладкой». Мы вспоминаем, что наш маленький пациент хотел есть только сладкое. Сладости, конфекты в сновидении обыкновенно занимают место ласк, сексуального удовлетворения.

Повидимому, к этой же фазе относится страх (в случае заболеваний, разумеется), который проявляется как страх за жизнь и

[1]) Намек на Stekel'я. *Ред.*

может привязаться ко всему, что ребенку покажется для этого подходящим. У нашего пациента этот страх использовали для того, чтобы побудить ребенка преодолеть его нежелание есть и даже для сверхкомпенсации этого нежелания. Оставаясь на почве предположения, о котором столько было речи, и помня, что наблюдение над коитусом, которое оказало на будущее его во многих отношениях огромное влияние, приходится на возраст в 1½ года,— несомненно раньше, чем время наступления затруднений с едой,— мы можем набрести на мысль о возможных источниках этого нарушения в принятии пищи. Может быть, позволительно допустить, что это наблюдение ускорило процессы полового созревания и этим оказало непосредственные, хотя и незаметные влияния.

Мне, разумеется, также известно, что симптоматику этого периода, страх перед волком, нарушение в принятии пищи можно объяснить проще, не принимая во внимание сексуальность и прегенитальную ступень ее организации. Кто охотно игнорирует признаки невротика и связи явлений, предпочтет это другое объяснение, и я не смогу помешать ему в этом. Об этих зачатках сексуальной жизни трудно узнать что-нибудь убедительное иначе, чем указанным окольным путем.

Сцена с Грушей (в 2½ года) показывает нам ребенка в начале развития, которое должно быть признано нормальным, за исключением, может быть, некоторой преждевременности: отождествление с отцом, мочевая эротика (Harnerotik), как замена мужественности. Все развитие находится под влиянием первичной сцены. Отождествление с отцом мы до сих пор понимали, как нарцистическое, но, принимая во внимание содержание первичной сцены, мы не можем отрицать, что оно уже соответствует ступени генитальной организации. Мужской орган начал играть свою роль и, под влиянием соблазна со стороны сестры, продолжает играть эту роль.

Однако, получается впечатление, будто соблазн не только способствует развитию, а в гораздо большей степени нарушает его и отклоняет. Он создает пассивную сексуальную цель, которая по существу несовместима с активностью мужских гениталий. При первом же внешнем препятствии, при намеке няни на кастрацию (в 3¼ года), робкая еще генитальная организация рушится и регрессирует на предшествовавшую ей ступень садистически-анальной организации, которая в противном случае была бы, может быть, пройдена при таких же легких признаках, как у других детей.

В садистически-анальной организации легко узнать дальнейшее развитие оральной. Насильственная мускульная активность, проявляемая над объектом, которой отличается садистически-анальная организация, находит себе место, как подготовительный акт для пожирания, которое в таком случае становится сексуальной целью. Этот подготовительный акт становится самостоятельной целью (при садистически-анальной организации). Новшество по сравнению с предыдущей ступенью состоит по существу в том, что воспринимающий пассивный орган, отделенный от рта, развивается в анальной зоне. Здесь сами собой напрашиваются биологические параллели или взгляд на прегенитальные человеческие организации, как на остатки такого устройства, какое остается навсегда у некоторых классов животных. Так же характеризует эту ступень конституирование исследовательского влечения из его компонентов.

Анальная эротика не очень-то бросается в глаза. Кал под влиянием садизма обменял свое значение, как выражение нежности, на агрессивное. В превращении садизма в мазохизм принимает участие также и чувство вины, указывающее на процессы развития в других сферах помимо сексуальной.

Соблазн продолжает оказывать свое влияние, поддерживая пассивность сексуальной цели. Он превращает теперь садизм в большой части его в пассивную противоположность его, в мазохизм. Еще вопрос, можно ли всецело поставить ему в счет характер пассивности, так как реакция 1½-годовалого ребенка на наблюденный коитус была уже преимущественно пассивной. Заражение сексуальным возбуждением выразилось в испражнении, в котором, хотя, необходимо различать и активную долю. На ряду с мазохизмом, господствующим в его сексуальных стремлениях и выражающимся в фантазиях, сохраняется и садизм и проявляется по отношению к маленьким животным. Его сексуальные исследования начались после соблазна и по существу посвящены двум проблемам: откуда являются дети и можно ли лишиться гениталий,— и сплетаются с проявлениями его влечений. Эти же исследования направляют его садистические наклонности на маленьких зверей, как на представителей маленьких детей.

Наше описание дошло почти до четвертой годовщины его жизни, до момента, когда после сновидения начинается запоздалое влияние наблюденного коитуса. Разыгрывающиеся теперь процессы мы не можем ни полностью понять, ни в достаточной мере опи-

сать. Оживление картины, ставшей теперь понятной благодаря подвинувшемуся интеллектуальному развитию, действует как свежее событие, но так же как и новая травма, как удар со стороны, аналогичный соблазну. Нарушенная генитальная организация сразу снова восстанавливается, но достигнутый в сновидениях успех не может быть сохранен. Процесс, который можно поставить в ряд только с вытеснением, ведет к отказу от нового и к замене его фобией.

Садистически анальная организация сохраняется, таким образом, также и в наступившей теперь фазе фобии животных с той лишь разницей, что к ней примешиваются явления страха. Ребенок продолжает проявлять садистические и мазохистические влечения, но только реагирует страхом на некоторые части их; превращение садизма в противоположность его делает, вероятно, успехи в дальнейшем.

Из анализа кошмарного сновидения мы узнаем, что вытеснение связывается с признанием кастрации. Новое отрицается, потому что принятие его стоило бы пениса. Более тщательное соображение открывает приблизительно следующее: вытесненной оказывается гомосексуальная установка в генитальном смысле, образовавшаяся под влиянием нового знания. Но эта установка сохраняется в бессознательном, образовав изолированный глубокий слой. Двигателем этого вытеснения, повидимому, является нарцистическая мужественность гениталий, вступающая в давно уже подготовляющийся конфликт с пассивностью гомосексуальной цели. Вытеснение является, таким образом, следствием мужественности.

Возникает искушение, исходя из этого положения, изменить часть психоаналитической теории. Кажется, что нащупываешь руками будто конфликт между мужскими и женскими устремлениями, т.-е. бисексуальность, именно, и ведет к вытеснению и образованию невроза. Однако, такой взгляд не отличается полнотой. Из двух борющихся сексуальных течений одно приемлемо для «я», а другое оскорбляет нарцистический интерес; поэтому оно подпадает вытеснению. И в этом случае опять-таки «я» создает вытеснение в пользу одного из сексуальных течений. В других случаях нет такого конфликта между мужественностью и женственностью; имеется только одно сексуальное устремление, которое добивается торжества, но неприемлемо для некоторых сил «я» и поэтому устраняется. Гораздо чаще, чем конфликты в пределах самой сексуальности, встречаются другие, возникающие между се-

ксуальностью и моральными тенденциями «я». Таков моральный конфликт в нашем случае. Подчеркивание бисексуальности, как мотива вытеснения, оказалось бы слишком узким; указание на конфликт между «я» и сексуальным стремлением (либидо) покрывает все возможности.

Против учения о «мужском протесте», разработанного Адлером, можно возразить, что вытеснение никоим образом не становится всегда на сторону мужественности и относится к женственности. В большом количестве случаев именно мужественность подвергается вытеснению со стороны «я».

Правильная оценка вытеснения в нашем случае приводит к оспариванию того, что нарцистическая мужественность является единственным мотивом вытеснения. Гомосексуальная установка, возникающая во время сновидения, так интенсивна, что «я» маленького человека оказывается не в состоянии овладеть ею и защищается от нее посредством процесса вытеснения. С этой целью привлекается на помощь противоположная этой гомосексуальности нарцистическая мужественность гениталий. Только во избежание недоразумений необходимо указать, что все нарцистические душевные движения исходят из «я» и остаются при нем. А вытеснения направлены против либидинозных привязанностей к объектам.

Обратимся от процесса вытеснения, с которым нам не удалось справиться до конца, к состоянию, создавшемуся при пробуждении после сновидения. Если бы действительно во время процесса сновидения мужественность победила гомосексуальность (женственность), то мы должны были бы найти господство активного сексуального устремления с выраженным мужским характером. Об этом нет речи, сущность сексуальной организации не изменилась, садистически анальная фаза продолжает свое существование, она осталась господствующей. Победа мужественности проявляется только в том, что теперь в ответ на пассивные сексуальные цели господствующей организации (мазохистической, но не женской) является реакция страха. Нет победоносного мужского сексуального течения, существует только пассивное и сопротивление ему.

Могу себе представить, какие трудности представляет для читателя непривычное, но неизбежное разделение активно мужского и пассивно женского, и поэтому не стану избегать повторений. Состояние после сновидения можно описать следующим образом: сексуальные устремления расщепились, в бессознательном дости-

гнута ступень генитальной организации и сконституирована очень интенсивная гомосексуальность; над этим имеется (возможно — в сознании) прежнее садистическое и преимущественно мазохистическое сексуальные течения, «я» в общем изменило свое отношение к сексуальности, оно находится в состоянии отрицания сексуальности и со страхом отклоняет господствующие мазохистические цели, подобно тому, как реагировало на более глубокие гомосексуальные цели тем, что образовало фобии. Результат сновидения состоял, следовательно, не столько в победе мужского течения, сколько в реакции против женского, пассивного. Было бы большой натянутостью желать приписывать этому течению характер мужественности. У «я» нет никаких сексуальных устремлений, а только интерес к самосохранению и к удержанию своего нарцизма.

Рассмотрим теперь фобию. Она возникла на уровне генитальной организации, показывает нам сравнительно простой механизм истерии страха. «Я» защищается путем развития страха от того, что оценивает как слишком большую опасность, от гомосексуального удовлетворения. Все же процесс вытеснения оставляет явный след. Объект, с которым связалась внушающая страх сексуальная цель, должен в сознании быть заменен другим. Сознается страх не перед о т ц о м, а перед в о л к о м. Дело не ограничивается образованием фобии с одним только этим содержанием. Некоторое время спустя волка сменяет лев. С садистическими душевными движениями по отношению к маленьким детям конкурирует фобия перед ними, как представителями соперников, возможных маленьких детей (у матери). Особенно интересно возникновение фобии бабочки. Оно как бы повторяет механизм, создавший в сновидении фобию волка. Случайный толчок оживляет старое переживание, сцену с Грушей, угроза кастрацией которой начинает действовать некоторое время спустя, между тем как эта угроза не оказала никакого действия тогда, когда была произнесена [1]).

[1]) Как указано выше, сцену с Грушей пациент припомнил сам, в возникновении этого воспоминания конструкции или поведение врача не принимали никакого участия; изъяны в воспоминании о ней были анализом восполнены таким образом, что заслуживают названия безупречного, если вообщее придавать какую-нибудь ценность методу аналитической работы. Рационалистическое толкование этой фобии могло бы только сказать: ничего необыкновенного нет в том, что расположенный к боязливости ребенок получает припадок страха и от бабочки с желтыми полосками, вероятно, вследствие врожденной склонности к страху (Ср. *Stanley Holl,* A Synthetic genetic Study of fear. Amer. J. of Psychologie, XXV, 1914). Не зная причины этому, ребенок ищет какой-нибудь связи в детстве для этого страха и пользуется случайным сходством имени и одинаковостью полос, чтобы сконструировать себе фантазию о приключении с нянькой, о которой еще сохранилось воспоминание. Но если побочные условия невинного самого по себе события, — мытье пола, метла, ведро, проявляют в дальнейшей жизни такую силу, что навсегда и навязчиво обусловливают выбор объекта у этого человека, то фобия бабочки приобретает непонятное значение. Положение вещей становится, по крайней мере, столь же замечательным, как и предполагаемое мною, и пропадает вся выгода от рационалистического понимания этой сцены. Сцена с Грушей для нас особенно ценна, так как на ней мы можем подготовить свое суждение для понимания менее достоверной первичной сцены.

Можно сказать, что страх, принимающий участие в образовании этой фобии, является кастрационным страхом. Это мнение не противоречит взгляду, что страх произошел из вытеснения гомосексуального либидо. Обеими формулировками обозначают тот же процесс, что «я» отнимает либидо у гомосексуального желания, и это либидо превращается в свободно витающий страх, который затем удается сконцентрировать на фобии. В первой формулировке был только отмечен также и мотив, которым руководится «я».

При ближайшем рассмотрении оказывается, что это первое заболевание нашего пациента не исчерпывается одной только фобией (не принимая во внимание нарушение в принятии пищи), а должно быть понято, как настоящая истерия, состоящая кроме симптомов страха еще и из явлений конверзии. Часть гомосексуальных душевных движений сохраняется в болезненных явлениях, которыми захвачены органы; начиная с этого времени, а также и гораздо позже, кишечник ведет себя как истерически больной орган. Бессознательная, вытесненная гомосексуальность сконцентрировалась на функции кишечника. Именно эта часть истерии оказала нам самые ценные услуги впоследствии, при аналитическом разрешении заболевания.

Теперь у нас должно хватить мужества разобрать еще более сложные условия невроза навязчивости. Представим себе еще раз всю ситуацию: господствующее мазохистическое и вытесненное гомосексуальное сексуальные течения, а с другой стороны — «я», захваченное истерическим отстранением обоих; какие процессы превращают это состояние в невроз навязчивости?

Превращение происходит не самопроизвольно, благодаря дальнейшему внутреннему развитию, а благодаря постороннему влиянию извне. Явное следствие его состоит в том, что стоявшее на первом

месте отношение к отцу, которое до того находило себе выражение в фобии волка, выражается теперь в навязчивой набожности. Не могу не указать на то, что этот процесс у нашего пациента является прямым подтверждением взгляда, высказанного мною в «Тотем и Табу» [1]) об отношении животного — тотема к божеству. Я склонился там в пользу того взгляда, что представление о божестве не является дальнейшим развитием тотема, а возникает независимо от него на смену ему из общего обоим корня. Тотем представляет собой первого заместителя отца, а бог—позднейшего, в котором отец снова приобретает свой человеческий образ. То же имеет место и у нашего больного. В фобии волка пациент проделывает тотемистическую ступень заместителя отца, ступень, которая затем обрывается и, вследствие новых отношений между ним и отцом, сменяется фазой религиозной набожности.

Влияние, произведшее это превращение, исходило из религиозного учения и священной истории, с которыми он познакомился при посредстве матери. Результаты соответствуют тому, чего добивалось воспитание. Садистически - мазохистическая организация медленно приходит к концу, фобия волка быстро исчезает, вместо боязливого отрицания сексуальности наступает высшая ее форма. Набожность становится господствующим фактором в жизни ребенка. Но все эти преодоления совершаются не без борьбы, признаком которой являются богохульственные мысли и вследствие которых утверждается навязчивое преувеличение религиозного церемониала.

Если не считать этих патологических феноменов, то можно сказать, что в этом случае религия совершила все то, для чего она вводится в воспитание. Она укротила сексуальные стремления ребенка, дав им возможность сублимироваться и остановиться на чем-нибудь твердо, уменьшила значение его семейных отношений и предотвратила угрожавшую ему изоляцию благодаря тому, что открыла для него связь с великой общественностью людей. Дикий запуганный ребенок стал социальным, нравственным и поддающимся воспитанию.

Главным двигателем религиозного влияния было отождествление с образом Христа, который стал ему особенно близок благодаря случайности дня его рождения. Здесь слишком большая любовь к отцу, сделавшая необходимым вытеснение, нашла, наконец, выход в идеальной сублимации. В образе Христа можно было любить

[1]) «Тотем и Табу». V выпуск этой библиотеки.

отца, называвшегося теперь богом, с таким усердием, которое тщетно искало выхода по отношению к земному отцу. Пути, которыми можно было проявить эту любовь, были предуказаны религией; им чуждо чувство вины, которого нельзя отделить от индивидуальных любовных стремлений. Если таким образом самое глубокое, уже сраженное, как бессознательная гомосексуальность, сексуальное стремление могло еще быть дрепировано, то поверхностное мазохистическое стремление нашло себе несравненную сублимацию в сказании о муках Христа, который отдал себя в жертву на истязания по поручению и в честь своего божественного отца. Таким образом, благодаря смеси удовлетворения, сублимации и отвлечения от чувственного на чисто духовные процессы и открытию социальных отношений, какие она дает верующему, религия сделала свое дело у свихнувшегося с пути ребенка.

Его противодействие религии вначале имело три различных исходных пункта. Во-первых, это было отклонение всяких новшеств — чему примеры мы уже видали. Он защищал всякую однажды занятую позицию либидо в страхе перед потерей при отказе от нее и из недоверия к возможности найти полную замену ей в новой позиции. Это и есть та важная и фундаментальная психологическая особенность, которую я описал в трех статьях по теории сексуальности, как с п о с о б н о с т ь к ф и к с а ц и и. Юнг хотел, под названием психической «инертности» (Trägheit), сделать ее главной причиной всех неудач невротиков. Я думаю, что он неправ; она идет гораздо дальше и играет значительную роль также и в жизни не нервных людей. Легкая подвижность или неподвижность либидинозных, а также и другого рода привязанностей энергии составляет особую характерную черту, свойственную многим нормальным, и вместе с тем не у всех нервных она встречается; до сих пор эту черту не удалось привести в связь с другими особенностями психики, и она, как простое число, не делится ни на какие составные части. Нам известно только то, что свойство подвижности психических привязанностей энергии с возрастом заметно уменьшается. Оно составило для нас одно из показаний для установления границ возможности психоаналитического воздействия. Но встречаются лица, у которых эта психическая пластичность сохраняется гораздо дольше обычного возраста, а у других она пропадает в очень раннем возрасте. Если последнее бывает у невротиков, то с огорчением открываешь, что при одинаковых, повидимому, условиях у них не удается устранить таких изменений, с которыми

у других удается легко справиться. Поэтому и при превращении психических процессов приходится принимать во внимание понятие об энтропии, большая степень которой мешает исчезновению уже совершившегося.

Вторым пунктом для нападения был для него факт, что в основе самого религиозного учения нет одинакового отношения к богу-отцу, что оно проникнуто признаками амбивалентной установки, господствовавшей при возникновении этого учения. Эту амбивалентность он сразу почувствовал, благодаря большому развитию этой черты у него самого, и связал с ней ту острую критику, которая так поразила нас у ребенка в возрасте пяти лет. Но самое большое значение имел несомненно третий момент, влиянию которого мы должны приписать патологические последствия его борьбы против религии. Течение, которое стремилось к мужчине и должно было подвергнуться сублимированию при помощи религии, не было уже свободно, а частично отделено благодаря вытеснению, вследствие чего оно не могло быть сублимировано и осталось связанным со своей первоначальной сексуальной целью. Благодаря такой связи вытесненная часть стремилась проложить себе дорогу к сублимированной части или привлечь ее к себе. Первые размышления, касающиеся личности Христа, содержали уже вопрос о том, может ли возвышенный сын выполнить также и застрявшее в бессознательном сексуальное отношение к отцу. Отказ от этих стремлений не имел иных последствий, кроме появления как будто богохульственных навязчивых мыслей, в которых проявилась физическая нежность к богу в форме унижения его. Жестокая борьба против этих компромиссных образований должна была привести к навязчивому преувеличению всех действий, в которых находили выход, согласно религиозному предписанию, набожность и чистая любовь к богу. В конце концов, победила религия, но ее основа, коренящаяся во влечениях, оказалась несравненно более сильной, чем устойчивость продуктов ее сублимирования. Как только жизнь дала ему нового заместителя отца, влияние которого направилось против религии, он отказался от нее и заменил ее другим. Вспомним еще интересное осложнение, а именно, что набожность развилась под влиянием женщин (мать, няня), между тем как мужское влияние способствовало освобождению от нее.

Развитие невроза навязчивости на почве анально-садистической сексуальной организации в общем подтверждает то, что в другом месте я говорил «о предрасположении к неврозу навязчивости» [1]). Но предшествующая тяжелая истерия делает наш случай в этом отношении неясным. Я хочу закончить обзор сексуального развития нашего больного коротким освещением дальнейших его изменений. С наступлением половой зрелости у него появилась сильная чувственность, которую следует считать нормальной, мужское течение с сексуальной целью генитальной организации, переживания которой заполняют весь период, предшествовавший вторичному заболеванию. Они непосредственно связаны со сценой с Грушей, заимствуют у этой сцены навязчивый характер возникающей припадками и вдруг исчезающей влюбленности, при чем ей приходится бороться с задержками, исходящими из остатков инфантильного невроза. Наконец, посредством сильного прорыва к женщине, он завоевал себе полную мужественность; с этого времени он крепко держится этого сексуального объекта, но радостей от этого не испытывает, потому что сильная теперь совершенно бессознательная склонность к мужчине, сконцентрировавшая в себе все силы прежних фаз развития, постоянно отрывает его от женщины и заставляет сильно преувеличивать, в промежутках, свою зависимость от женского объекта. Приступая к лечению, он жаловался, что не может долго оставаться верным женщине, и вся работа направилась на то, чтобы открыть ему его бессознательное отношение к мужчине. Прибегая к краткой формулировке, можно сказать, что отличительной чертой его детства было колебание между активностью и пассивностью, его юности — борьба за мужественность, и периода жизни с момента заболевания — борьба за объект мужских устремлений. Повод к его заболеваниям не совпадает ни с одним из «типов невротических заболеваний», которые я объединил, как специальные случаи «несостоятельности» [2]), и таким образом обращает внимание на известный изъян в перечисленном ряду типов. Он заболел, когда органическая болезнь гениталий разбудила в нем страх кастрации, нанесла смертельный удар его нарцизму и заставила его отказаться от ожидания исключительной к себе благосклонности судьбы. Он заболел, следовательно, благодаря нарцистической «несостоятельности». Эта огромная сила его нарцизма вполне согласуется с другими признаками сексуального развития, протекавшего с задержками, а именно с тем, что его гетеросексуальный любовный выбор при всей своей энергии содержал так мало психических устремлений, и что гомосексуальная

[1]) Internat. Zeitschrift zur ärztlich. Psychoanalyse. I Bd. 1913. S. 525 ff.
[2]) Zentralbl. für Psychoanalyse, II, 6. 1912.

установка, настолько более близкая нарцизму, с такой настойчивостью проявлялась у него, как бессознательная сила. Разумеется, при таких нарушениях психоаналитическое лечение не может произвести внезапного переворота и сравнить его развитие с нормальным; оно в состоянии только устранить препятствие и расчистить пути к тому, чтобы жизненные влияния могли дать развитию лучшее направление.

Как особенности его психического существа, раскрытые психоанализом, но не выясненные и соответственно не подвергшиеся непосредственному воздействию, я называю упомянутую уже устойчивость его фиксации, невероятное развитие наклонностей к амбивалентности и, как третью черту конституции, заслуживающей названия архаической, способность сохранять одновременно годными к функционированию самые различные и противоположные либидинозные привязанности. Постоянное колебание между этими привязанностями, долгое время как бы исключавшее всякое окончательное изживание и продвижение вперед в лечении, преобладало во всей картине болезни последнего периода, которой я здесь могу лишь слегка коснуться. Вне всякого сомнения, это была черта характерная для бессознательного, но перешедшая у него и на достигшие сознания процессы. Но эта черта проявлялась у него только на результатах аффективных переживаний, в области чистой логики он проявил, наоборот, исключительное умение в улавливании противоречий и непонятного. Благодаря этому его душевная жизнь производит то же впечатление, что и древняя египетская религия, столь непостижимая для нас, так как она сохраняет все ступени развития одновременно с конечными результатами, самых древних богов и значения божества — на ряду с самыми последними, располагает в одной плоскости то, что в ходе развития других составляет глубокие наслоения.

Я довел до конца то, что хотел сообщить об этом случае заболевания. Только еще две из многочисленных проблем, которые этот случай затрагивает, кажутся мне достойными особого упоминания. Первая касается филогенетически унаследованных схем, под влиянием которых жизненные впечатления, как под руководством философских «категорий», укладываются в определенный порядок. Я готов защищать взгляд, что они составляют осадки истории человеческой культуры. Комплекс Эдипа, обнимающий отношения ребенка к родителям, принадлежит к числу этих схем или вернее составляет известный пример этого рода. В тех слу-

чаях, когда переживания не соответствуют унаследованной схеме, совершается переработка их фантазий, работу которой проследить в деталях было бы безусловно полезно. Именно эти случаи лучше всего могут показать нам самостоятельное существование схем. Мы часто можем заметить, что схема одерживает победу над индивидуальным переживанием, как, например, в нашем случае, когда отец становится кастратором и угрозой детской сексуальности, несмотря на отрицательный, в общем, комплекс Эдипа. Другое влияние этой схемы выражается в том, что кормилица занимает место матери или сливается с нею. Противоречия между переживанием и схемой доставляют, повидимому, богатый материал детским конфликтам.

Вторая проблема стоит близко к этой, но она несравненно более значительна. Если принять во внимание отношение семилетнего ребенка к ожившей первичной сцене [1]) или даже если только подумать о гораздо более простых реакциях $1^{1}/_{2}$-годовалого ребенка при переживании этой сцены, то нельзя не согласиться с мнением, что у ребенка при этом проявляется влияние своего рода трудно-определимого знания, чего-то, похожего на подготовку к пониманию [2]). В чем оно может состоять, — об этом у него нет никакого представления, у нас имеется только великолепная аналогия с глубоким и н с т и н к т и в н ы м знанием у животных.

Если бы и у человека существовало инстинктивное знание, то не было бы ничего удивительного в том, что оно преимущественно касалось бы процессов сексуальной жизни, хотя никоим образом не ограничивалось бы только ими. Это инстинктивное составляло бы ядро бессознательного, примитивную душевную деятельность, которая впоследствии низвергается с трона и закрывается развивающимся у человека разумом; но часто оно, быть может, у всех, сохраняет способность притянуть к себе высшие душевные силы. Вытеснение было бы возвращением к этой инстинктивной ступени, и человек расплачивался бы таким образом за свои великие завоевания своей наклонностью к неврозу, а самая возможность воз-

[1]) Могу не считаться с тем, что это поведение получило свое словесное выражение только два десятилетия спустя, потому что все влияние, приписываемое нами этой сцене, выразилось в форме симптомов, навязчивостей и т. д. уже в детстве, задолго до анализа. При этом совершенно безразлично, считать ли ее первичной сценой или первичной фантазией.

[2]) Снова должен подчеркнуть, что все эти рассуждения были бы совершенно излишними, если бы сновидение и невроз не относились к периоду детства.

никновения неврозов доказывала бы существование прежней инстинктивной предварительной ступени психического развития. Значение же ранних травм в детстве заключается в таком случае в том, что последние доставляют материал этому бессознательному, защищающий его от полного поглощения последующим развитием.

Мне известно, что подобные мысли, подчеркивающие унаследованный филогенетически приобретенный момент душевной жизни, высказывались с различных сторон, и я даже думаю, что им слишком поспешно уделялось место в психоаналитических взглядах. Они мне кажутся допустимыми только тогда, когда психоанализ, сохраняя вполне корректную линию различных инстанций в добытом им материале, доходит до следов унаследованного, после того, как он проник сквозь все наслоения индивидуально приобретенного.

ИЗ ЖИЗНИ ДЕТСКОЙ ДУШИ[1]).

(ДВА СЛУЧАЯ ДЕТСКОЙ ЛЖИ).

Вполне понятно, что дети лгут, когда они этим подражают лжи взрослых. Но некоторые случаи лжи хорошо воспитанных, неиспорченных детей имеют особое значение, и воспитателям следует задуматься над ними вместо того, чтобы сердиться на такую ложь. Она совершается под влиянием очень сильной любви и становится пагубной, если вызывает недоразумения между ребенком и любимым им лицом.

I.

Семилетняя девочка (во втором классе) просила у отца денег на покупку красок, чтоб окрасить к пасхе писанки. Отец отказал ей в этом, сославшись на отсутствие денег. Вскоре после этого девочка снова просит у отца денег, чтобы сделать свой взнос на покупку венка умершей владетельной особе страны. Каждый ученик школы должен был внести 50 пфеннигов. Отец дает ей 10 марок; она уплачивает свой взнос, кладет отцу на стол 9 марок, а на остальные 50 пфеннигов покупает краски, которые прячет в свой шкафчик. За столом отец с раздражением спрашивает ее, что она сделала с недостающими 50 пф., уж не купила ли она все-таки на них красок. Она это отрицает, но ее выдает старший на два года брат, с которым она совместно собиралась окрашивать яйца; краски нашлись в шкафу. Рассерженный отец предоставляет матери наказать провинившуюся, и она была очень строго наказана. Мать после этого сама была потрясена, когда заметила, в какое отчаяние пришел ребенок. Она осыпает девочку ласками после наказания, ведет ее гулять, чтоб утешить ее. Но впечатление от этого переживания, названного самой пациенткой «поворотным пунктом»

---

[1]) Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse, I, 1913.

в ее юности, оказывается неизгладимым. До того это была резвая, самоуверенная девочка, а с той поры она становится робкой, боязливой. Будучи невестой, она однажды переживает ей самой непонятную вспышку ярости, когда мать покупает ей мебель и приданое. У нее мелькает мысль, что деньги принадлежат ей, и никто не имеет права распоряжаться ими даже для нее. Молодой женщиной она не решается просить у мужа денег на личные расходы и без всякой надобности отделяет от его денег «свои». Во время лечения случается несколько раз, что муж опаздывает с присылкой денег, так что она остается в чужом городе без всяких средств. Когда однажды она мне это рассказала, я хотел взять с нее слово, что если такой случай повторится, она займет у меня ту незначительную сумму, которая ей пока нужна на расходы. Она обещает, но когда в следующий раз она была стеснена в деньгах, обещания своего не сдержала, а предпочла взять деньги под залог своих драгоценностей. Она объявила, что не может брать у меня денег.

Присвоение 50 пфеннигов в детстве имело значение, которого отец не мог подозревать. За некоторое время до поступления в школу она выкинула удивительную штуку с деньгами. Соседка, с которой она была в дружеских отношениях, просила ее проводить в лавку своего малыша, снабдив небольшой суммой денег для покупки чего-то. Оставшиеся после покупки деньги она, как старшая, понесла домой. Но, встретив на улице прислугу соседки, она бросила деньги на мостовую. При анализе этого, ей самой непонятного поступка, ей пришла в голову мысль об Иуде, который швырнул серебренники, полученные за предательство Христа. Она с уверенностью утверждает, что знала повествование о страданиях Христа еще до поступления в школу. Но в каком отношении могла она отождествить себя с Иудой?

Когда ей было $3^1/_2$ года, у нее была бонна, к которой она сильно привязалась. Эта девушка вступила в эротическую связь с одним врачем, на прием к которому она являлась с ребенком. Вероятно, ребенок стал тогда свидетелем различных инцидентов сексуального характера. Видела ли она, что врач давал девушке деньги, с точностью нельзя установить, но не подлежит никакому сомнению, что девушка дарила ребенку мелкие монеты, чтобы этим обеспечить его молчание, и на эти деньги делались по дороге домой покупки (вероятно, сласти). Возможно, что и сам врач иной раз дарил девочке деньги. Однако, ребенок все же выдал матери девушку, из чувства ревности. Она так вызывающе играла

полученными мелкими монетами, что мать не могла не спросить: откуда у тебя деньги? Девушке отказали.

Итак, уже с самого раннего возраста получение от кого-нибудь денег приобрело для нее значение любовных отношений, физического отдавания себя. Взять у отца деньги имело значение объяснения в любви. Фантазия, будто отец ее возлюбленный, была так соблазнительна, что при помощи ее детское желание иметь краски для пасхальных яиц, несмотря на запрещение, легко было осуществить. Но сознаться в присвоении денег она не могла, она должна была отрицать, потому что в настоящем мотиве этого поступка ею самой неосознанном, она сознаться не могла. Наказание со стороны отца было, следовательно, выражением того, что он отвергает предложенную ему нежность, выражением его презрения, и потому надломило ее. Во время лечения наступило вдруг состояние глубокой удрученности, разрешение которого и привело к воспоминаниям о всем вышеизложенном, когда я однажды вынужден был, как бы в подражание выраженному отцом презрению, просить ее не приносить мне цветов.

Для психоаналитика вряд ли нужно еще подчеркнуть, что это маленькое детское переживание представляет из себя один из столь частых случаев сохранения ранней анальной эротики в поздней любовной жизни. Из того же источника происходит наслаждение от окрашивания яиц.

II.

Одна женщина тяжело заболела вследствие своей неспособности справиться с предъявленными ей жизнью требованиями. До того это была исключительно толковая, правдивая, серьезная и хорошая девушка, а потом милая женщина. Но еще раньше, в первые годы жизни, она была своенравным, прихотливым ребенком. В то время, как она еще в школе довольно быстро преобразилась в слишком добрую и слишком совестливую, с ней произошли такие вещи, которые дали повод к тяжелым упрекам во время болезни и в которых она видела доказательство своей глубокой испорченности. Воспоминания убеждали ее в том, что она тогда часто хвастала и лгала. Однажды по дороге в школу одна подруга ее прихвастнула: а у нас вчера к обеду было мороженое[1]). Она возразила: о, мо-

---

[1]) По-немецки мороженое и лед обозначаются одним и тем же словом Eis, благодаря чему и возможно было девочке спутать оба представления.

роженое подается у нас каждый день. В действительности, она даже не понимала, что значит подавать к обеду мороженое; она знала лед только в виде длинных кусков, которые развозятся на повозках, но она полагала, что под этим подразумевается что-то имеющее особый шик, и поэтому не хотела отставать от подруги.

Когда ей было десять лет, то во время урока рисования им однажды задано было нарисовать от руки круг. Но она воспользовалась для этого циркулем и таким образом с легкостью нарисовала совершенный круг и с торжеством показала свою работу соседке. Учитель подошел ближе, услышал ее хвастовство, открыл след циркуля в кругу и потребовал у девочки объяснений. Но она упорно отрицала все, не сдавалась ни на какие доказательства и наконец, совершенно замолчала. Учитель совещался по этому поводу с отцом; оба пришли к решению оставить этот поступок без последствий, так как девочка обыкновенно ведет себя хорошо.

Оба случая лжи ребенка были мотивированы тем же комплексом. Как у старшей из пятерых детей в семье, у маленькой девочки рано развилась очень сильная привязанность к отцу, из-за которой в зрелом возрасте суждено было рушиться счастью ее жизни. Скоро, однако, она не могла не заметить, что к ее любимому отцу вовсе не подходит то величие, которое она готова была ему приписать. Ему приходилось бороться с денежными затруднениями, он вовсе не был так могуществен и знатен, как она воображала. Но с таким умалением своего идеала она не могла примириться. Сосредоточив, по женскому обычаю, все свое честолюбие на любимом мужчине, она подпала под власть сильнейшего побуждения к тому, чтоб быть отцу поддержкой против всех. Она хвастала поэтому перед подругой, чтобы избавить отца от унижений. Когда позже она узнала, что лед (мороженое) к обеду нужно перевести словом «glace», то у ней открылся ассоциативный путь к тому, чтобы упреки благодаря этим воспоминаниям привели, в конце концов, к страху перед стеклянными (Glas) осколками и черепками.

Отец был прекрасным рисовальщиком и часто вызывал своим талантом восторг и восхищение у детей. Отождествляя себя с отцом, она нарисовала в школе тот круг, который мог ей удасться только благодаря обманным приемам. Словно она хотела похвастать: посмотри-ка, что умеет мой отец! Сознание вины, которое было связано с такой слишком сильной привязанностью к отцу, выразилось в попытке солгать; сознаться она не могла по той же причине, что и девочка в вышеизложенном наблюдении, потому что в

таком случае она должна была бы сознаться в своей тайной инцестуозной любви.

Не следует преуменьшать значение таких эпизодов из детской жизни. Было бы грубой ошибкой, если бы на основании таких детских проступков ставился прогноз в смысле развития безнравственного характера. Однако, подобные проступки находятся в связи с самыми сильными побуждениями детской души и указывают на предрасположение к тому, чтобы в дальнейшем жизнь сложилась так или иначе, или к тому, чтобы развился невроз.
